

Е. ГУСЛЯРОВ

ЭНЕРГОГРАД

Е. ГУСЛЯРОВ

ЭНЕРГОГРАД

КНИГА-РЕПОРТАЖ
О ПЕРВЫХ ШАГАХ ЗНАМЕНИТОЙ
СТРОЙКИ КАЗАХСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»
АЛМА-АТА — 1980

Гусляров Е. Н.

- Г 96** Энергоград: книга-репортаж о первых шагах знаменитой стройки Казахстана.— Алма-Ата: Жалын, 1980.— 208 с.

Автор книги — журналист, лауреат премии имени Б. Булкишева, — провел в Экибастузе два года. Работал в одной из лучших бригад на строительстве энергетического комплекса. Личная причастность к крупнейшему в стране строительству позволила автору сделать книгу эмоциональной, яркой, запоминающейся.

Книга написана для молодых. Для тех, кто ищет свою дорогу в жизни. Стройка только начинается и ей нужны задор юности, сила молодых рук.

ББК 31(2К)
6П2 Каз

Г $\frac{10402-153}{108(05)80}$ 9 — 80 — 4702010200

© Издательство «Жалын», 1980

... Вначале сварщик Юра Ефимов удивился. Откуда на такой высоте могли взяться эти прутья? Ветер, конечно, дует сильно, но чтобы занести былье сюда, до отметки в пятьдесят метров!..

Птица прилетела привычно. По-хозяйски осмотрелась, поправила клювом перья и глянула блестящим глизом на человека.

Ветер дунул резко, и птица покачнулась, взмахнув крыльями, но не улетела, а приблизилась к вороху прутьев и травы. Деловито стала поправлять его. Она строила здесь себе дом.

Про птицу, построившую гнездо в железном лесу, Юра Ефимов рассказал мне в перекур. Может быть, степной птице просто показалось надежней устроить свое гнездо на такой высоте, но мне тут виден символ: древняя земля привыкает к новому облику. Ее не пугает новый рукотворный пейзаж. Стройка еще только разворачивается, но уже становится привычной. Старая прииртышская степь принимает и обживает ее...

ГЛАВНЫЙ ДЕНЬ

Каждое рабочее утро прошлого семьдесят девятого года начиналось на стройке так: четверо монтажников из бригады Василия Сизинцева меняли тяжелую металлическую цифру на большом щите, который установлен у штаба строительства. На щите этом написано: «До пуска первого энергоблока осталось...», и дальше в специальном металлическом кармане покоится цифра, которая обозначает все уменьшающееся количество жарких предпусковых дней.

Те, кто идут сегодня мимо этого своеобразного календаря, приостанавливаются посмотреть на работу четверых, вернуть веселое слово. Все чувствуют, что именно здесь самое начало события. Сейчас ребята вынимают из «кармана» последнюю цифру — «один». Сегодня — пуск первого энергоблока!

В эту весну на стройку пришел один из самых больших праздников. Девять тысяч строителей энергетического гиганта в Экибастузе готовили его три года.

Книга эта тоже рождена сегодняшним торжеством. По сути своей вся она — репортаж с праздника экибастузских энергостроителей.

Я приехал сюда, чтобы своими глазами увидеть, как начиналась и кто начинал одну из важнейших строек в стране.

Наверняка, я не все знаю о тех событиях, которые произошли на стройке за эти два года, не успел познакомиться со всеми, кто был автором этих событий. Но я видел ПРОСТО БУДНИ великой стройки, которые в конце концов оборачиваются вот такими праздниками. Есть здесь МОЯ БРИГАДА — люди, вместе с которыми переживал рабочие неудачи и радости. Были и добрые, и суровые МГНОВЕНИЯ, которые остались в памяти.

С удовольствием видел я на празднике ЛИЦА МОИХ ЗНАКОМЫХ, о которых в этой книге обязательно надо рассказать, потому что все они его авторы.

Вот так и выстроился порядок книги-репортажа. Расскажу о моей бригаде, о буднях, о тех мгновениях, которые переживались мной остро, о тех людях, которые запомнились надолго, поделюсь тем, что узнал о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем днях города, который стал судьбой многих людей и частью судьбы моей...

К пуску все готово. В штабе стройки напряжение делового разговора. На планерку собрались главные участники сегодняшнего торжества. Бригадиры, руководство треста «Экибастузэнергострой», представители республиканских и союзных министерств, гости с многочисленных предприятий-поставщиков.

Прибывает автобус с музыкантами. Сквозь пролеты станции протягивают кумач транспарантов, на которых написаны торжественные слова. Мелькают любопытные и веселые лица пришедших заранее зрителей. В машинном зале — толчея. Всем любопытно хотя бы взглянуть на мощнейший энергоблок, который дает сегодня первый ток Экибастуза. Пробуется сила динамиков. Все это подчеркивает и предвещает атмосферу приближающегося пуска. Событие по-настоящему большое. Строительство энергетического гиганта в Экибастузе по размаху и средствам, вложенным в него, не уступает стройке века, как именуют БАМ. Экибастуз все чаще называют Энергоградом и будущей энергетической столицей республики. Все это верно, поскольку мощность всего комплекса экибастузских электростанций будет равняться мощности четырех Братских ГЭС.

Стройка двигалась и развивалась. От первого колышка до первого тока. Напряженным было то движение, имеющее особый и четкий сюжет. Действие здесь переходило от одного действующего лица к другому с той последовательностью и остротой, которую диктует строгая логика будней. В разное время главными действующими лицами на стройке становились разные люди. Их называли главными, потому что они были первыми.

Николай Кончиков и его бригада смонтировали первый кран. Было положено начало большому строительству.

Бригадир слесарей-турбинистов Вячеслав Моисеев

Монтажники Василия Сизинцева начали возводить первыми основной корпус электростанции.

Плотники-бетонщики Толынбека Сарсенбина залили фундамент под первый энергоблок.

Толынбек приехал в Экибастуз, когда биография стройки, в сущности, еще и не начиналась. Дорога в этот город круто изменила судьбу молодого человека. Здесь он приобрел профессию, стал бригадиром. Его труд отмечен всесоюзной премией Ленинского комсомола и Почетной грамотой Верховного Совета республики.

Турбинисты Вячеслава Моисеева установили первый энергоблок, который даст сегодня ток. Его мощность — пятьсот тысяч киловатт — соответствует мощности двух таких станций, какой была Днепровская в год ее пуска.

В стране таких энергоблоков только шесть. В нашей республике — один. На его монтаж ушло полгода напряженной и сложной работы, которая требует ювелирной точности и огромного опыта. Этого опыта ребятам из бригады Моисеева не занимать. Сам бригадир, которому всего тридцать два года, уже шестнадцать лет работает в энергетике. Монтировал энергоблоки на многих крупных электрических станциях страны.

Эти люди — специалисты и рабочие, коммунисты и комсомольцы — сделали все, чтобы сегодняшняя победа была возможна. Целенаправленная и постоянная забота, которую проявляет об Экибастузе наша партия, ощущается здесь в каждодневных заботах.

У забот этих великий счет. Они начинаются с Ленина. 11 мая 1918 года вождь революции

подписал декрет Совнаркома, в котором было записано: «Совет Народных Комиссаров постановил национализировать Экибастузские копи Киргизского горнопромышленного акционерного общества».

В служебных записках и письмах Ленина Экибастуз упоминается десятки раз. И даже вот в такой весьма категоричной форме: «Главное из всех вопросов — Экибастуз и его значение для Урала...»

Эту ленинскую фразу, которая запечатлена на многочисленных плакатах, можно видеть в Экибастузе всюду.

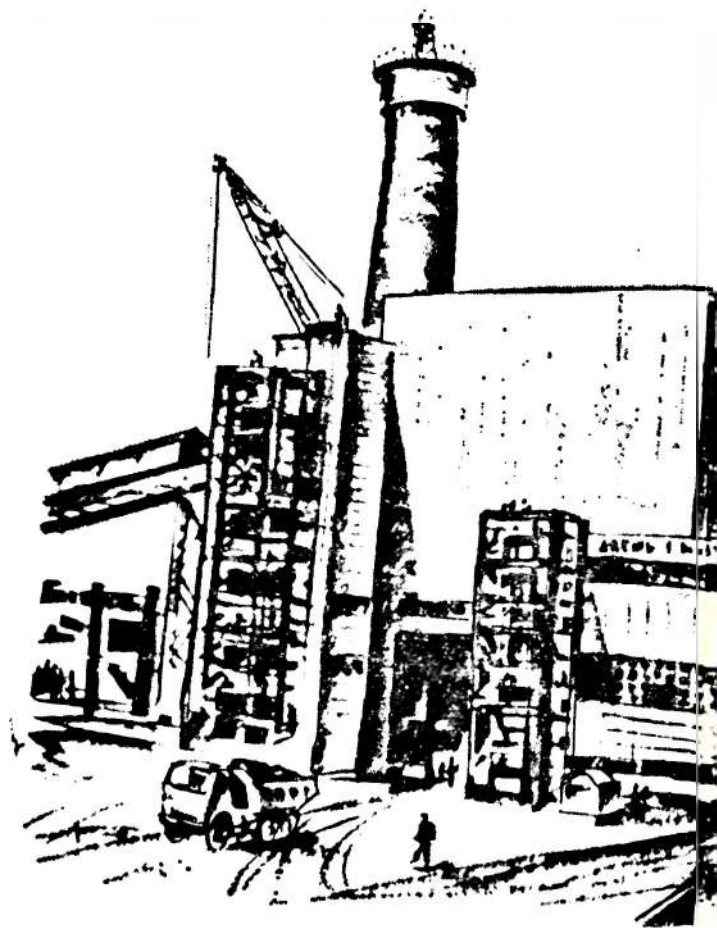
По всему видно, что слова вождя составляют особую гордость его жителей.

Ленин писал об Экибастузе в связи с тем, что видел в его угольных богатствах ключ к решению топливной и энергетической проблем, вставших перед молодой Россией.

Уже тогда было определено, что девяносто два процента топливных и семьдесят четыре процента гидроэнергетических ресурсов СССР размещены по одну сторону Урала, а три четверти населения, которое нуждается в энергии, живет по другую — в европейской части. Подобная диспропорция самым отрицательным образом сказывалась на хозяйственной жизни страны. По сути это несоответствие сохраняется и до сих пор. Потому стало необходимым создание крупнейшего энергетического комплекса на востоке страны.

На ноябрьском Пленуме Центрального Комитета КПСС 1979 года Леонид Ильич Брежнев еще раз подчеркнул:

«Применительно к 80-м годам задача состоит в том, чтобы существенно улучшить топ-

Так выглядит строительство первой
Экибастузской ГРЭС

ливо-энергетический баланс страны и в первую очередь сократить долю нефти как топлива для электростанций. Реальное ли это дело? Как показывают расчеты,— вполне реальное».

И дальше он прямо указал, что для решения задачи «надо ускорить освоение Экибастузского, Канско-Ачинского, Кузнецкого топливно-энергетических комплексов и, конечно, сооружение соответствующих линий электропередач, прежде всего линии Экибастуз — Центр на постоянном токе напряжением 1500 киловольт»...

При помощи энергетической реки, которой станет новая линия электропередачи, энергия, заключенная в экибастузском угле, вольтется в единую энергосистему страны. А крупнейшее месторождение, будто, переместится из Экибастуза за Урал, в Европейскую часть страны.

Важным документом партии, круто изменившим судьбу молодого горняцкого городка, стало постановление XXV съезда КПСС, в котором записано: «Обеспечить рост энергетической базы, ввести в действие первые энергоблоки на Экибастузской ГРЭС, начать строительство второй Экибастузской ГРЭС».

В самые напряженные дни предпусковых работ в Экибастуз приехал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев. Этот приезд экибастузцами был воспринят как новое проявление заботы партии о развитии и становлении топливно-энергетического комплекса и города, о котором Динмухамед Ахмедович Кунаев говорил на XXV съезде партии так: «Сегодня Казахстан с уверенностью докладывает съезду:

есть в Советской стране новая четвертая угольная кочегарка».

Все, что уже сделано и делается на стройке, в большой степени зависело и зависит от той огромной работы, которую проводят партийные органы, все коммунисты стройки. Любое событие, любая победа подготовлены ими.

Коммунисты находятся в самой гуще событий. Все радости и тяготы ощущают на собственных плечах, и это помогает им целенаправленнее и четче справляться с трудностями, с неувязками, которые пока на такой огромной стройке возникают неизбежно.

По прибытии в Экибастуз я поселился в комнате общежития вместе с секретарем партийной организации стройки Юрием Андреевичем Казанцевым. Несмотря на то, что в городе в это время активно распределялись благоустроенные квартиры всем, прибывающим на стройку, он оставался в общежитии более полугода, потому что был убежден — в первую очередь жильем надо обеспечить как можно большее количество квалифицированных рабочих и специалистов. Если они «осядут», как он говорил, в Экибастузе, дело можно будет считать выигранным.

Программа жилищного строительства, выработанная партийным комитетом треста, выполнялась неукоснительно благодаря повседневному и напряженному вниманию самого парткома. Часто мне приходилось слышать от не совсем дальновидных, как я теперь понимаю, руководителей стройки, буквально, следующее: «За жилье с нас не спросят, а вот если графики строительства ГРЭС сорвем, тогда уже не поздоровится...»

Не умаляя значения того, что делается на главной строительной площадке, партийный комитет одной из важнейших своих задач продолжал считать создание хороших жилищных условий для энергостроителей. Не было такого дня, в который секретарь парткома не побывал бы на строительстве жилья. Это стало особой его заботой. Результат сказался. За два года, буквально на моих глазах, возник целый микрорайон для энергостроителей. Люди, получившие в нем квартиры, надолго связали свою судьбу со знаменитой казахстанской стройкой. Заметно снизилась текучка. А это не замедлило сказаться на ходе всего строительства. Оно стабилизировалось. По многим основным показателям плановые обязательства прошлого года были перевыполнены. Впервые в истории стройки.

Не берусь утверждать, что произошло это исключительно благодаря, так сказать, «бытовой» политике парткома, но от нее многое зависело.

Не случайно газета «Правда» писала позже, что такой путь для крупных строительных, развернутых на востоке страны, является единственно приемлемым.

Вспоминается мне сейчас другой случай, когда важная инициатива коммунистов стройки, поддержанная и детально разработанная в парткоме, так же существенно повлияла на движение стройки вперед.

В силу разнообразных обстоятельств осенью 1977 года ход строительства отставал от рабочих графиков на целых два месяца. Партком, комитет комсомола, штаб стройки принимали все меры, чтобы быстрее сокра-

тить этот разрыв. Налаживалось социалистическое соревнование между бригадами, лучшие из лучших коммунисты и комсомольцы направлялись на отстающие участки. Все это приводило к успехам, но весьма незначительным. Успехам локального характера. Партийный комитет детально проанализировал создавшееся положение.

Оказалось, что причина отставания стройки лежит намного глубже, чем предполагалось. Выяснилось, что одна из важнейших служб треста — Управление производственно-технологического комплектования работает из рук вон плохо. Под его началом гигантские склады, на которые стекается все, что необходимо в данный момент стройке, — от шурупа до многотонной стеновой панели. Но складирование и хранение изделий — это только самая несложная часть обязанностей управления. Главным в его работе должно являться четкое распределение поступивших материалов на строительные объекты, знание того, какой гвоздь и какая колонна будут нужны сегодня, завтра, через месяц, квартал, год. Гибкая и подвижная связь с заводами-поставщиками, при которой могли бы быть обеспечены в любое время и всем необходимым многочисленные подразделения стройки. Ничего этого управление не делало.

Заявки заводам составлялись чохом, сразу на год. Заводы этим пользовались, гнали на стройку все, что имелось под рукой и на чем можно было сделать план.

В то же время строительные комплекты, строго привязанные по времени к срокам мон-

тажа, поступали с большими и хроническими перебоями.

Из-за неотлаженной работы одного из важнейших звеньев треста стройку лихорадило, зачастую срывались сроки пуска важных объектов, затягивался монтаж, простаивало оборудование, люди теряли драгоценное время.

Партийная и комсомольская организации занялись незамедлительным решением этой проблемы. Часто теперь, заходя в партком, я видел Юрия Андреевича, секретаря комсомольской организации Ерлана Смаилова, начальника штаба стройки Валерия Максимова, занятых изучением документов или обсуждением создавшегося положения.

И выход был найден.

Партком разработал, применительно к условиям строительства топливно-энергетического комплекса, важнейшую форму социалистического соревнования, которую ее организаторы — нурекские гидростроители назвали «Рабочей эстафетой».

Не сразу удалось внедрить ее на стройке. Нужно было реорганизовать структуру Управления производственно-технологического комплексования, отладить работу многих подразделений треста, нужно было провести огромную работу на многочисленных заводах-поставщиках, чтобы это соревнование принесло ожидаемые плоды. Значительна заслуга в развитии соревнования по типу «Рабочей эстафеты» членов парткома треста. Они лично выезжали на заводы, убеждали руководство изыскать резервы для того, чтобы продукция, необходимая Экибастузу, была поставлена в срок и, что не менее важно, комплектно. Они

встречались с бригадирами и рабочими, которые заняты изготовлением этой продукции и добились того, что положение исправилось. Коллективы заводов-поставщиков стали большими патриотами стройки.

Подобного размаха «Рабочая эстафета» в нашей республике достигла впервые. В нее включились все казахстанские предприятия-поставщики, и она уже вышла за пределы республики. А самое главное то, что четкость и качество поставок неизмеримо выросли. Соревнование объединило далекие друг от друга заводы и учреждения со стройкой в единый подвижный и целесообразный организм. Подробнее о том, как мы начинали «Рабочую эстафету», я расскажу в главе, посвященной замечательному рабочему человеку Василию Сизинцеву. А сейчас несколько слов о том, как проявлялся характер людей, коммунистов и комсомольцев в критических обстоятельствах. Беспощадность к себе, когда необходимо помочь другим, корчагинский дух комсомола раскрывался здесь в полную силу. Вот такой пример.

...Авария! Это суровое слово я услышал в коридоре общежития глубоким вечером. Оно возникло в потоке других слов, как мрачный и нелюдимый человек возникает в толпе спокойных, улыбочивых людей. От него веяло холодом и тревогой.

Еще утром я был на главной строительной площадке, она безмолвствовала. Хозяйствовали здесь мороз и ветер. Мороз под сорок и ветер, способный оторвать пуговицы у пальто.

Инструкции, в которые вошел концентрированный опыт строительства, квалифицируют эти

условия «невозможными для производства любых видов монтажных работ». Металл не выдерживает этих условий.

Металл, а не люди.

Начало «ЧП» выглядело безобидно. Потекла из батареи вода. Несведущий человек перекрыл не тот кран. В результате отключенным от тепла оказался небольшой микрорайон из сборных домов. Вода в трубах трассы превратилась в лед. А это уже была катастрофа. Теперь оставалось только одно — менять трубы подземной трассы, батареи в домах. К собравшимся в красном уголке рабочего общежития, свободным от смены людям, обратился секретарь комитета комсомола Ерлан Смаилов. Секретарь парткома с руководством треста уже были на месте происшествия.

Ни один из присутствующих на этом собрании не остался равнодушным.

В последующем, на первый взгляд, не было ничего необычного. В микрорайон прибыли люди и стали работать. Им выпало в день, который для стройки, в силу «невозможных для производства условий» был нерабочим, услышать неодолимое слово — «Надо!»

...На исходе вторые сутки. Все это время люди оставляют работу лишь на минуты только для того, чтобы съесть привезенный обед или ужин. В квартирах невыносимый порядок, который могла внести сюда только стихия происшествия. Оставшиеся хозяева смотрятся здесь посторонними. Домашние вещи, призванные создавать уют, рядом с газовыми баллонами, шлангами, ведрами с известью, выглядят нелепо, представляются случайными.

Происшествие случилось ночью. Шестьдесят метров неподдающейся, как бетон, полосы земли, надежно прикрывающей трассу, подняли почти мгновенно, если, конечно, скорость эту сравнивать с обдуманной поспешностью обычных производственных норм. Белое молоко пурги искрилось и бесновалось в свете автомобильных фар.

Сварщиком вызвался быть сам бригадир монтажников Степан Иванович Старостин. Через каждые пятнадцать минут он ходил в теплый автобус, снимал меховые варежки и отогревал руки дыханием.

В это время бригада Сагимбая Исенова меняла в домах систему отопления. Скользящий, в инее линолеум, густой белый пар дыхания, нереальными казались бисеринки пота на лбах... Хмурый начальник участка Вячеслав Бунченко внезапно возникал в проемах дверей и старался не встречать взглядов оставшихся здесь хозяев квартир. Ему казалось, что работа может идти еще быстрее.

Двое суток не уходили с места происшествия люди с воспалившимися от бессонницы глазами. Эти двое суток, не продвинувшие строительство экибастузских электростанций ни на шаг, не останутся бесследными. Потому что даже самое привычное дело, в которое люди вкладывают свехотдачу и самоотверженность, становится примером.

...В ожидании пусковых торжеств я еще раз прошел по стройке. Работа на других участках продолжалась так же напряженно. Нет в ней перерыва. И даже в те полтора-два часа, в которые произойдет пуск первого энергоблока, не прекратится она, хотя, наверняка, каждому

захочется увидеть, во что конкретно обратилось дело их рук. Не предусмотрено на стройке таких остановок.

Между тем время подвигается к вечеру. Теперь уже скоро!

Наладчики проводят последние операции. Об этом многие узнали и в небольшом помещении пульта стоит гул голосов. Набилось более сотни людей. Никакие уговоры выйти не помогают. Все хотят видеть включение. Только небольшое пространство между столом дежурного инженера и щитом управления свободно.

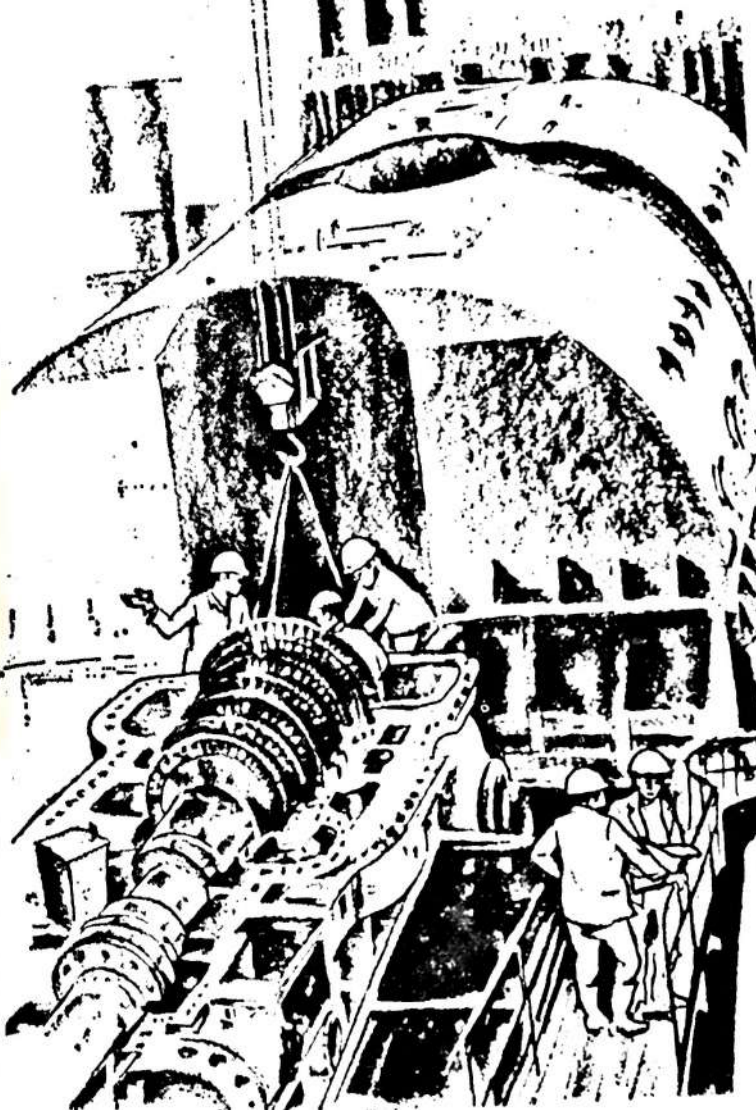
Тут стоит только один Аркадий Алексеевич Башуров — начальник электроцеха первой станции. Включать рубильник будет он. С пяти часов утра, неощутимая здесь, началась жизнь первого котлоагрегата. Сначала вспыхнуло пламя на форсунках четырех его мощных горелок. Потом включились в дело еще восемь. Вода уже подана в котлы и теперь невидимо превращается в пар высочайшего давления. Все ждут времени, когда и давление и температура достигнут необходимых пределов.

— Система к пуску готова,— негромко и устало произносит шеф — инженер по системе регулирования и защиты турбины Владимир Набока.

Однако, слова эти услышаны всеми. Потому что в потоке других слов их ожидают больше всего.

Человеческое напряжение возрастает. Разговоры мгновенно утихают. Люди устремляют

Монтируется первый турбоагрегат

взгляды на табло гигантского щита управления энергоблоком. Там нервно мигают разноцветные огни, подрагивают стрелки приборов. Теперь кажется, что нервное напряжение, царящее у пульта, каким-то образом передается на эти приборы. И они одновременно показывают подступающую готовность к пуску и степень этого напряжения. Не произносится ни слова. Только шепот...

— Температура и давление пара вышли на рабочие параметры,— оглядывает присутствующих Аркадий Алексеевич и берет телефонную трубку.

— Диспетчер?— спрашивает он.— Мы готовы включить в сеть «Павлодарэнерго» первый энергоблок Экибастузской ГРЭС-1?

Эти несложные слова звучат торжественно. Фотокорреспондент трестовский многотиражки проверяет магниевую вспышку. Она сработала ослепительно. Все похосились на него, но как-то без внимания.

Башуров ничего этого не видит. Он не спускает глаз с панели, которая усеяна приборами. Протягивает руку к рубильнику. Все смотрят на щит с надеждой и опасением.

Вероятно, диспетчер подтвердил готовность. Потому что Башуров кивнул головой и тронул рубильник.

Глухой рокот прокатился где-то под полом. За стенами. Первый агрегат первой станции начал работу на людей...

Журналисты пытаются брать интервью у виновников сегодняшнего торжества. Им мешает шум. Да и вряд ли кто способен сейчас сказать ясно и четко, что происходит у него на душе. Всеобщее ликование и радость...

МОЯ БРИГАДА

МОНТАЖНИКИ

Это был субботний вечер.

Я зашел к Сизинцеву просто так. Я его сосед. Общежитие, в котором меня поселили, было рядом и уже теперь стало, в какой-то степени, достопримечательностью. Здесь разместился первый молодой ударный отряд, прибывший на нашу знаменитую стройку.

Я приехал сюда потому, что к тридцати годам меня стало одолевать беспокойство, что я не стану свидетелем событий и дел, которые происходят в стороне от мест, где до сих пор проходила моя жизнь. Почему-то нам так кажется, что дела и люди, о которых мы еще не знаем, будут более увлекательными и важными, чем те, с которыми мы уже знакомы.

К тому времени, о котором я пишу, мы с Сизинцевым познакомились близко и могли считаться друзьями.

За окнами свистела пурга. И вот оттуда, из этой пурги, разгоряченный ею, явился сын Сизинцева Андрей.

— Папка,— сказал он, снимая с себя шапку, заснеженное пальто,— а в нашем классе одна девчонка про тебя сочинение пишет...

Сизинцев поперхнулся табачным дымом. Он неловко покосился на меня, потом с неодобрением на сына. И все-таки было в его взгляде и другое. Мгновенно вспыхнувшее, безотчетное чувство, в котором смешалось удовлетворение, обласканное достоинство, малая толика самодовольства.

Это и была улыбка славы, которая коснулась бригадира Сизинцева неожиданно. А я был свидетелем этой улыбки.

Я много думал об этом мгновении. В сущности, из таких мгновений и складывается то, что мы называем счастьем.

Сизинцеву можно позавидовать. И я ему тогда позавидовал.

...Все начинается с первой встречи.

Как это было?

Тридцать семь градусов. Почти чистое небо и поземка.

В котловане главного корпуса, конечно, ни живой души. В эти дни работают только в закрытых помещениях. На таком морозе у газовых резаков от самого легкого движения ломаются хрупкие, как сосульки, резиновые шланги.

В этот неласковый день мы с местным фотокорреспондентом должны были встретить здесь этого человека. Он ходил, хозяйски поглядывая на стальные корневидные опоры и, наверное, пытался представить себе их устойчивую крепость.

— Вот смотрим,— сказали мы ему,— что у вас тут новенького. Как-то плавно все у вас

тут. Идет стройка, и ничего тут не скажешь. Вроде и событий особых незаметно...

— А вы не так смотрите,— обнадеживающе говорит он.— Стройка идет, это верно. Пусть она идет себе хорошо. Но у нас, у монтажников, есть свои вехи. Вот смотрите, например, сюда. Вы думаете, что здесь происходит? Демонтируются подкрановые пути... В первый раз на нашей стройке мы снимаем первые тридцать метров рельсов... Разве это не событие?! Что это значит? Это значит, что кран полностью закончил здесь работу и передвигается вперед... Стройка вперед продвинулась! Разве это не победа?.. Вот так вы и смотрите на нашу стройку. Все у нее происходит в первый раз. И каждый раз это событие...

Это был урок совсем особой грамоты. Потом я так и смотрел на стройку. Это помогало мне видеть ее движение. Я узнал, какими глазами смотрит на стройку ее хозяин.

А там, на другой стороне котлована, возделенное тепло диспетчерской. Отрывки разговоров, живых и озабоченных, и про мороз, и про дело. Люди входят в этот маленький вагончик, как в мир, ненадолго, оставляют после себя слова и память, выкладывают заботы.

Когда-нибудь в уютной благополучной обстановке обретенного покоя мне вспомнится парень в кирзовых сапогах и легкой куртке, забредший сюда.

— Ребята, где мне Дерябина найти? Спеццовку выписал, валенки... Самое главное валенки... Не знаете? Да кто он такой? Никто его не знает...

Мы спросили о том человеке, который встретился нам в мерзлом частоколе колонн главного корпуса.

— Это Сизинцев. Знаменитый здесь монтажник. И мороз его в тепле не удержит. Переживает. Из-за мороза стройка еще на день от графиков отстанет...

Позже работал в его бригаде. Сам попросился. Сизинцев, когда узнал об этом желании, только улыбнулся:

— Кувалду поднесешь — и то польза. От этой работы опытного освободим. Вот ты за опытного и будешь работать...

И стала вырисовываться в разговорах и делах трудовая жизнь рабочего коллектива, на которую влиял деловой почерк его руководителя, и каждодневная жизнь бригадира, на которую влиял трудовой стиль бригады.

Было мое первое дело на стройке. Мне доверили пронумеровать осевые колонны. Их было сорок пять. Принесли консервную баночку совсем бледной голубой краски. Николай Павлюк, экононый в движениях и словах звеньевой, сделал кисточку из обструганной палочки и куска старой тряпки, глянул на меня.

— Новый, что ли? — с налету спросил он.

— Новый.

— Пойдем панели оформлять...

Я, конечно же, хотел убедиться в важности того дела, которым мне предстояло заняться.

— Это для того, — сказал Павлюк, — чтобы... работаем, примерно, мы ночью. Нам панели привезли. Я команду — подать панели к тридцатой и тридцать первой оси!.. Водитель

посмотрит на колонны, и ему по номерам все сразу понятно... Ясно?

— Ясно.

Мне приятно тешить себя мыслью, что от моего умения на стройке появится определенный порядок, необходимый всем.

Я старательно рисую цифры. Они выходят, однако, не совсем ровными. Внизу каждой цифры образуются длинные потеки.

— Ну, что, рабочий человек?— спрашивает неопределенно Сизинцев. Он спешит мимо.

— Нормально,— отвечаю я.

Всего час мне понадобился, чтобы оставить голубое несмываемое тавро на вздыбившийся металл. Этот час прежде был годом, полным труда, бессонницы, побед, жизни.

Я пронумеровал колонны, и в руках у меня осталась консервная баночка, в которой еще оставалась жидкая голубая краска.

Я не знал, что с ней делать дальше. Оставить баночку с краской где-нибудь в незаметном месте мне было жаль. Какая-никакая, а все-таки ценность — эта краска. Я не хотел показаться бесхозяйственным.

В этой круговерти моя баночка с краской была незаметной, как микроб. Но мне казалось неладным, если Павлюк ее не заметит. Хорошо править большим делом. Но без мелочей его не бывает. Я бы так подумал, что, если Павлюк сегодня не замечает копеечной банки с краской, он завтра не заметит и рублевой. А от этого бы завяло для меня его обаяние делового человека.

— Ты эту баночку никуда не देвай. Она нам еще пригодится. Осей понаставим — пи-

сать будешь. Куда бы ее?.. Отнеси в инструменталку...

Так прокричал мне из своего далека Павлюк. И то, что на баночку мою свалилась благодать его внимания, показалось мне едва ли не самым главным из того, что случилось на стройке в этот день.

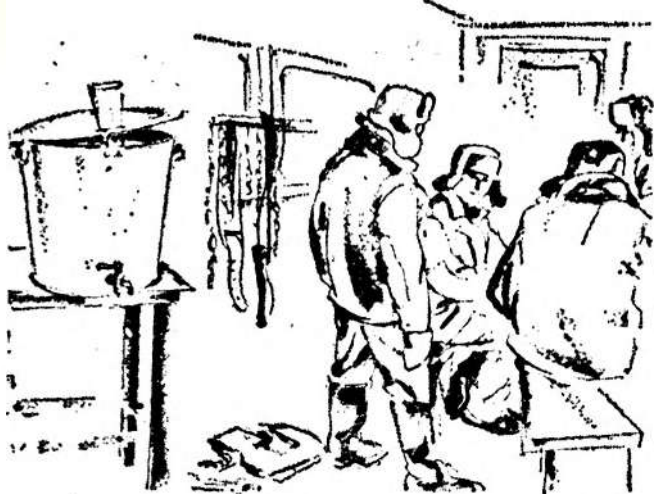
Я, конечно, не могу сказать, что черта эта приобретена Павлюком в бригаде Сизинцева. Павлюк кого хочешь научит бережливости. Но Сизинцев в этом тоже есть. Хозяйское чувство он развивает в своих людях настойчиво.

Тут мне придется сместить планы. Расскажу о том, что было много позже.

Выходит из себя бригадир очень редко. Но было однажды. Из-за веревки. Веревки монтажникам нужны, чтобы помогать с земли целенаправленному движению конструкции, поднятой краном. Управлять этим движением. Были они толстые, в узлах, лохматые.

Некануне бригадир достал новую. А сегодня утром увидел ее сиротливо брошенную в пыль. Забытую всеми. Она лежала на виду. Ее даже не замаскировали.

— Это я что же, для ежика веревку доставал?— сверкнул он на ближних глазами.— Это что же, я — пацан вам бегать неделями, чтобы вы потом дарили веревку кому попало... Как же ее не взяли до сих пор?! А теперь бы вы опять бегали, где взять ее. А на рабочее время наплевать? Хорошо! Я найду того, который веревку бросил. Мы с ним вспомним, сколько времени без этой веревки теряли, и эти деньги я с него слуплю. Пусть наука будет. Будет помнить, что добро надо беречь.

В бытовке

Я понес краску в инструменталку. Газовые резки и кувалды, монтажные пояса и гвозди — все, чем располагает бригада для работы, хранится здесь.

Все здесь под рукой, все в идеальном порядке. И это тоже характеризует бригадир.

Экибастуз для бригадира Сизинцева начинался так. В прокуренном тамбуре общего вагона никогда не бывает пусто. Люди, которых свел в дороге случай, попыхивая табачным дымом, охотно перебрасываются словами. Василий стоял и слушал. Внимательно слушал, потому что как раз говорили о том, что касалось и его.

— Вишь ты, канал-то это какой. Не одного года работы,— говорил рыжеусый мужчина в бараньем полушубке.

— Да что ты... Это сколько же километров надо его тянуть?— удивлялся другой.

— Шестьсот, никак не меньше,— сказал знающий человек в полушубке.

Василий понял, что не ошибся.

Сегодняшним морозным вечером он сел в душный общий вагон, чтобы ехать в поселок, который назывался непривычно и резко — Калкаман.

Он прочитал в газетном объявлении о том, что строящийся небывалого размаха канал Иртыш — Караганда ждет притока молодой рабочей силы. Дело само по себе казалось интересным. К тому же привлекала такая немаловажная деталь, как обещанная в газетном объявлении квартира.

Ко всем дорожным чувствам и страхам примешивалось теперь и новое...

Впрочем, до Калкамана оставалось совсем немного. Вагон стучал по рельсам. Шумели встречные поезда. Далекие и близкие огни медленно плыли в окнах.

Василий вернулся в вагон, потрогал ногой под лавкой свой чемодан и прислонился к жесткой стенке.

Растолкал его старый проводник с алюминиевым «крабом» на фуражке.

— Ты, сынок, запомятовал я, до какой станции путь держишь?

— До Калкамана,— встрепенулся тот.

— Ну, ничего,— спокойно сказал проводник,— сейчас Экибастуз будет, так ты на

встречный пересаживайся и назад давай... Прокатили мы тебя лишку...

Вот так и оказался начинающий строитель Василий Сизинцев на пустынном и холодном перроне станции Экибастуз.

По расписанию следующий поезд предполагался только на следующий день к обеду.

Сел Сизинцев на жесткий вокзальный диван и задумался.

Плохо, когда жизнь твоя течет, как ей вздумается, а ты не правишь ею. Когда она от тебя самого зависит. Когда она течет свободно, как река, и ее изгибы и повороты зависят исключительно от случая, от советов, подражания и желания близких. Должен же в жизни наступить, наконец, момент, когда ты сам можешь приложить усилие, чтобы изменить ее. Сделать, как хочется тебе. Только так можно почувствовать себя ее хозяином. А это, может быть, самое главное чувство.

Так, примерно, думал Сизинцев.

Самое малое: можно, например, завтра не садиться в поезд и не ехать ни в какой Калкман. И тогда он узнает, что здесь за станция, что за люди, что здесь любопытного. Начинать свою жизнь сначала можно и здесь.

К утру Сизинцев окончательно решил остаться в Экибастузе. И это, как он втайне предполагал, был первый, по-настоящему мужской поступок. Он становился хозяином собственной судьбы. Он взял свою удачу за узду.

— Представляю, какой большой праздник у всех нас будет,— как-то сказал он мне,— когда мы этот комплекс закончим строить...

Комплекс будет построен через пятнадцать лет. Значит, человек конкретно и ясно представляет себе течение своей жизни на полтора десятка лет вперед — это и есть чувство хозяина собственной судьбы, которое Сизинцев предугадал на давнем перроне станции.

Это и есть то чувство, которое угадывают в нем все, кто соприкасается с ним, особенно те, кто приходит в его бригаду. Его человеческое обаяние, в основном, и складывается из этой уверенности в себе, из уверенности в том, что он нашел свое главное дело и единственное место в жизни.

Когда я пытался себе объяснить, почему его молодая бригада так постоянна и устойчива, почему из нее так неохотно и редко уходят, я думал о том, что, скорее всего, эта уверенность бригадира передается другим. И они так же хозяйски чувствуют себя на новом месте и потому не хотят и не представляют себе другого.

Был такой случай. Николай Горобец, знающий себе цену монтажник, ушел из бригады. Год его не было. Но все-таки он вернулся.

— Все говорят, что вы тут самые главные,— будто в шутку объяснил он бригадиру.— Большое дело делаете. А я чем хуже...

Стройка огромна. Тысячи людей прибыли на это строительство. Как начнется здесь твой первый рабочий день? Кто будут твои новые товарищи? Все это определяет, конечно, случай. Непривычному взгляду то постоянное кипение, из которого состоит стройка, может показаться суетой и хаосом, но есть тут особый порядок, по которому люди находят друг

друга, находят себя и свое место. И удивительно потом становится человеку, как это так вышло. Была у него другая жизнь, другие дороги, многие возможности. А судьба неуклонно и стремительно приблизила его к одной. И теперь здесь, в бывшем незнакомом ему месте, на него рассчитывают и даже не могут без него обойтись.

— Если такое с человеком бывает, значит, это нормальный человек. Нужный... Хорошо, если тебя считают таким...

Мне бы хотелось, чтобы это он сказал о себе. Наверное, отчасти так и было, но он стал говорить о Валерии Чмелеве, лучшем своем сварщике.

Сизинцеву нравится рассказывать о нем.

— Я за две недели могу определить, будет новичок монтажником или нет. Человек показывает себя отношением к работе. Вот у меня Чмелев, к примеру, вырисовался... Он уже кое-кого одернуть может... Ветер ветром — а план давай... Вот чьей жене можно будет позавидовать — не курит, не пьет, работа в руках горит... Скромный. Душой болеет за работу.

Не надо быть большим психологом, чтобы отыскать истоки нашей приязни к другим людям. Мы любим в других те черты, в которых узнаем свои. То, что называется родством характеров...

Мой портрет бригадира был бы неполным, если бы я не рассказал о тех людях, которые стали ему близки. В которых он видит себя, в какой-то степени.

...Он пришел в бригаду Сизинцева давно. Высокий, улыбчивый, в самом цвете молодости.

сти. Шапка прекрасных рыжих волос. А на джинсах вышита шелком яркая вишенка. Тогда в бригаде новенькие появлялись часто и имена запоминались не скоро. Поэтому людей на первых порах запоминали по броским внешним признакам. Вот и стал Чмелев Вишенкой.

Я, конечно же, подозревал, что больше всего Сизинцев любит Вишенку за дело. И все мне хотелось поговорить с Валерой, но только не так, чтобы он почувствовал во мне интерес журналистский. Праздный интерес, к такому рабочий человек зачастую причисляет и наш, если и не отталкивает, то замыкает человека, делает его немногословным. Другое дело, если интерес этот случился у товарища по бригаде.

Вот мы и разговорились.

— Между прочим, сварку должен знать каждый монтажник,— сказал Валера.

— Это почему?

— А на монтаже часто так бывает, что на пятачке двое не помещаются...

— Выходит, сварка такое простое дело?

— Так-то оно, конечно, простое, но только на такие пятачки всегда сварщика посылают. Надежнее.

— Значит, сложности все-таки есть... Вот ты сейчас к крыше нащельник привариваешь. Он толстый, а крыша из жести. Это не просто, наверное?

— Ну тут, знаешь, как — методом отрыва надо приваривать, или ток поменьше сделать. Плохо, что крыша цинковая, цинк сразу вскипает.

После обеда я попросил Валеру Чмелева потренировать меня немного в сварке. Он

примерил на мой подшлемник сварную маску. Я опустил ее на лицо, как забрало. Темное стекло перед глазами оказалось непроницаемым. Я повертел головой, отыскивая на небе солнце. Оно попало мне на глаза, тусклое и почему-то очень маленькое, совсем точка.

Валера сунул мне в руку трезубую ручку с электродом. Я понял, что после этого мне надо варить. Однако не то, что стыка пластин, но даже ярких бликов на цинковой крыше различить было невозможно.

Я приподнял маску. Весь свет яркого дня бросился мне в глаза. Приблизив электрод к стыку, я опять надвинул свое забрало. Свет померк. Я наугад ткнул электродом в металл. Произошла яркая вспышка, и электрод намертво прикипел к пластине.

И тут в Вишенке проснулся педагог.

— Не так, — сказал он. — Смотри.

Он чиркнул по металлу электродом, как спичкой. Возникло сияние, в котором стал хорошо виден стык. Не гася ярчайшего света, он перенес его к стыку пластин и медленным движением повел конец электрода вдоль. Ослепительная дуга трещала, как сало на сковороде. Легкий дымок сиял, извиваясь.

— Смотри, где у меня металл течет, где шлак. Надо за этим следить, а то раковины будут...

Дуга, будто мощной струей воздуха, колебала микроскопическое озерцо жидкого металла и загоняла его в узкую расщелину будущего шва. По берегам озерца волновался шлак.

Эти тонкости я заметил не сразу. Их меня научил различать Чмелев.

Он погасил дугу, сдвинул маску на затылок, взял остроконечный молоточек и стал стучать по черной полосе, оставленной электродом. Осколки шлака брызнули в стороны, и под ними обнаружился широкий ребристый серебряный след шва.

Валера старательно скалывал шлак, поглядывал на серебристый след и на меня, и вдруг я понял по его глазам, что он любит этот, только что произведенный им на свет шов.

— Вот и весь его секрет,— подумал я.

Был ветер.

Если говорить о работе, то, наверное, нужно рассказать об экибастузском ветре.

Я запомню этот ветер.

Нынешняя зима не балует. И все-таки я этот ветер запомню.

Есть два рода мужчин, которые воспитаны ветрами.

Моряки и монтажники.

И те, и другие одинаково зависят от ветров.

Только для первых ветер больше друг.

Только для вторых ветер больше враг.

— Ветер хитер, да мы его одолеем. А коли ветер одолеем — одолеем дело...

Эти слова о ветре сказал монтажник. Старый и опытный мастер бригады Николай Дмитриевич Никифоров.

— Таких ветров, как здесь, поискать надо,— добавил он.

Морские ветры знамениты. Дыхание ветров на море порой равно дыханию судьбы. Если бы Экибастуз располагался на морских дорогах, не было бы места, более известного своей суровой славой.

Так мне казалось не раз.

Полправки на экибастузский ветер звучат в отчетах министерств, в сугубо деловых разговорах. Здесь ветер меняет четкость рабочих графиков и выводит из равновесия душу.

Я видел, как с тревогой и надеждой вглядывается монтажник в кроваво-красный закат, предвещающий непогоду.

Мне, человеку, выросшему в деревне, понятен этот взгляд. Так землепашец ждет утреннего ведра, от которого зависит его труд.

Нет более современной профессии, чем профессия монтажника. Однако и в ней осталось место для глубокой связи с древним человеческим опытом, который мы накопили в трудной борьбе с природой.

По едва заметным приметам, по облаку, набежавшему на золотое полотно заката, по тому, как садится солнце или идет дым из трубы, монтажник может представить себе, каким будет завтрашний рабочий день.

В этом тоже скрывается прекрасный символ сегодняшнего труда.

А ветер... Что ветер? Как и всякая трудность, он дан для того, чтобы мы могли проявить свое мужество.

В это утро в бригаду Сизинцева пришел новый человек Леня Гармашов. Раньше он работал на БАМе. Его трудно было удивить стройкой. Сизинцев не называл громких цифр. Не говорил возвышенных слов. Он просто провел человека по стройке.

Мы поднялись на отметку в тридцать метров. Вышли на кровлю машинного зала. Накрыл дождь. Ребристая кровля влажно поблескивала. Ветер налетал порывами.

В это время звено Юры Полякова в очередной раз готовилось поднять заранее укрупненный блок металлоконструкций. До этого его поднимали пять раз. Мешал ветер. Сам блок напоминал по форме букву «П». Эта буква весила около десяти тонн. Ее нужно было поднять на высоту шестнадцати метров и точно состыковать с уже вставшими колоннами. Вся сложность заключалась в том, чтобы совместить отверстия величиной в пятикопеечную монету. Отверстия эти уже были готовы и в верхней части колонны, и в нижней части блока. Блок, поднятый краном на высоту шестнадцати метров, должен был четко встать на свое место, не отклоняясь ни на миллиметр. Единственное, что оставалось бы сделать в этом случае монтажникам,— вставить в отверстия болты и намертво прикрепить металл к металлу.

Это у нас не выходило, потому что был ветер. Блок, многотонный блок, оторванный от земли, тем не менее превращался в парус. Он реагировал на малейший порыв ветра. Он раскачивался. Он жил трепетным и жестким его дыханием. Сила людей, которые ловили неподвластный металл на верху колонны, была ничто по сравнению с силой ветра, помноженной на тонны ожившего и грозного веса. Мелкие брызги осеннего дождя покалывали лицо. Ветер, вода и нескончаемое напряжение дела, как на море.

— Все, больше не могу я! Я его на одном моторе держу. Обмотка горит,— кричит крановщик.

— Кончайте,— безнадежно командует Сизинцев.

Шестая попытка тоже не удалась.

— Сам бы сидел на крае — поставили бы блок. Надо быть поотчаяннее...

Это говорит Юра Поляков. Успех недельного труда бригады зависит от того, будет поставлен блок или не будет. Юра хочет его поставить. Юра Поляков молод, рыжеват. По лицу разбежались мелкие крапинки. Прищур его глаз и ироничный, и слегка с вызовом. Такой взгляд бывает у людей, которые знают себе цену, у которых есть талант.

Блок осторожно опускают на землю. Образовалось затишье в работе. Можно поговорить.

— Чего-то, Поляков, про тебя газеты не пишут,— начинает кто-то подначивать звеньевго.

Я начинаю догадываться, что и моя персона имеется тут в виду.

— Про Сайботалова, например, писали. Вчера Чмелева фото видел... А про тебя молчат чего-то...

— Да о чем писать,— вступает в разговор другой,— что блок, например, Поляков не поднял? Придет корреспондент, спросит: «А что вы, товарищ Поляков, за сегодняшней день сделали?» А Поляков ответит: «Да вот, за сегодняшней день мы блок поднять никак не можем...»

— Пусть не пишут, зато премии идут... Тут тоже разделение — кого в газету, кому премии,— выворачивается Поляков.— Посмотрим еще, кому лучше...

Задевают эти разговоры звеньевго. Не так разговоры, как бессмысленно мокнувший под дождем металл.

По отвесной железной лестнице он поднимается в кабину крана. Мы внизу можем только предполагать, что за разговор происходит у него с крановщиком.

Поляков спускается вниз. Негнувшаяся брезентовая роба его трещит от нетерпеливых движений. Через мгновение он уже опять у самого изголовья колонны. Рядом с ним еще двое монтажников.

Блок опять поднимается навстречу дождю и ветру. Мы почти висим на веревках, которыми управляем движением блока. Веревки напряжены, как нервы. Блок таскает нас по земле, как испуганный конь неловкого жокея. Мы держим в руках беспокойный груз. Мы связаны с ним. Мы с ним боремся. И в этом тоже есть вдохновение.

Через полчаса блок установлен на положенное ему место. Для устойчивости он распят стальными тросами растяжек. Но это временно.

Пришел Сизинцев. Он не удивился, а только покачал головой.

— Рискуете, ребята.

— Ничего, Вася. Авось не задавит,— сказал Поляков.

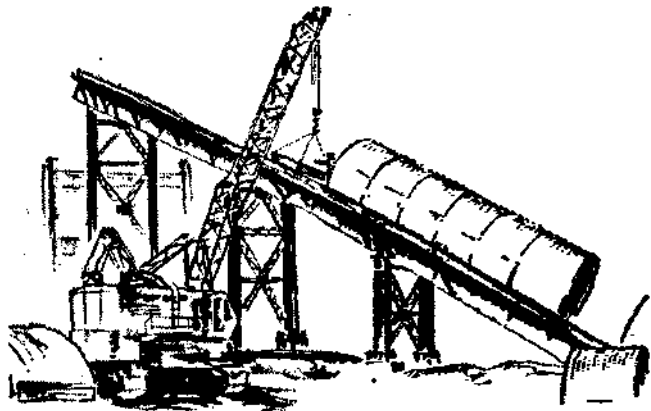
Такая у него была шутка.

— Хороший у тебя монтажник Поляков?— спросил я потом у Сизинцева.

— Сам видишь,— ответил он.

...Человек, который раньше работал на БАМе, решил остаться в бригаде Сизинцева...

Монтируем крышу. Вернее, «сидим на щелях». Так жаргон монтажников объясняет нашу работу. Работа эта кропотливая и не совсем благодарная. Между блоками перекрытия да-

Идет монтаж эстакады

же при самом тщательном монтаже остаются щели. Прежде чем сюда придут строители делать утепление и гидроизоляцию, щели эти нужно законопатить. В дело идут металлические полосы, которые укладывают между блоками и приваривают. Швов таких к сегодняшнему дню накопилось два с половиной километра.

Именно накопилось, потому что полосы поступают с перебоями.

На крыше нас трое. Монтажник Николай Горобец, сварщик Василий Иванников и я. Железный корпус электростанции широко распахнулся незаконченной своей частью навстречу ветру. Беспокойный поток упругого воздуха попадает в гигантское здание, как в невод. Он тычется в стены, вызревает яростью, беспорочно ищет выхода, вырывается из щелей

крыши. Легкие, как январский снег, гранулы пенопластовой обшивки беспорядочно скачут, попадая в беспокойные струи.

Я подхожу к незавершенному краю крыши. Пустота возникает резко и дышит угрозой. Взгляду трудно найти опору, и от этого тело не находит равновесия. Стоять здесь почти невозможно. Гремя цепями монтажного пояса, я ложусь на рифленый металл и только тогда осторожно заглядываю за край крыши. Далеко внизу ходят, подобно игрушечным, люди и машины. Пустота внизу тревожит. От нее сжимается сердце и неприятно немеют пальцы.

Я привыкаю к высоте. Виктор Вельш махнул мне рукой.

— Только пояс надень,— добавил он к жесту.

Тяжесть монтажных цепей ощущается полновесно. Тяжесть эта придает уверенности.

— Помоложе были, пояса нам эти нравились надевать. Гордились мы ими. Монтажник идет, сторонись!— говорил мне Сизинцев.

Первая моя высота. Снизу на такую высоту смотреть не страшно. А сверху она преобразуется.

Колющее напряжение в суставах и легкая жуть под ложечкой не дают выпрямиться в полный рост. Даже встать на ноги нет никакой возможности. Я так и сижу, делая вид, будто отдыхаю после подъема. Рядом со мной Виктор Вельш и сварщик Иозас Гринкевичус. Они ходят по балке уверенно, как цирковые артисты. Они ловят и направляют неумолимое движение шеститонной панели, которая самым легким касанием может свергнуть нас с нашего узкого стального пьедестала.

Мое сидение мне самому, наконец, начинает казаться неприличным. Я встаю и, задыхаясь от ощущения высоты, будто входя в студеную воду, делаю первый шаг. Иду как можно более уверенно. Наверное, мне это плохо удается, потому что Вельш, взглянув на меня, понимающе ободряет.

— Это разве высота? Вот на семидесяти метрах, там пострашнее...

Полозже, уже к концу смены, оправившись от неуютного ощущения опасности, я спросил у Сизинцева:

— А вы, когда работаете, не думаете о том, что и упасть можно?

— На работе об этом не говорят,— сухо и суеверно отрезал он.

Мне стало неловко.

...Молодой электрик Вася Иванников оторвался от своей работы и поднялся во весь рост. Видно, он устал и хотел размяться. Он осторожно прошел по краю крыши и остановился, подперев руками бока.

До сих пор в его фигуре я не замечал ничего необыкновенного. Среднего роста... Сейчас, вознесенный стальными помостьями над необозримым простором, он, неожиданно, предстал предо мною совсем иным. Он монументален сейчас. У его ног, уменьшенным расстоянием, просматриваются корпуса сборочного завода, крыши, временные дома городка строителей. Его голова четко вписывается в ослепительный зенит голубого осеннего неба. Я начинаю понимать, откуда у художников берутся гиперболы. Портрет Васи Иванникова я бы таким и сделал. Большой человек упирается крепкими ногами в землю, а головой дости-

гает неба. Так и надо думать о рабочем человеке.

...Лучше всего, конечно, быть свидетелем поступков. Они говорят о характере, будят воображение. И если уж мы, журналисты, о чем-то пишем, мы бы хотели знать все подробности о том человеке. По возможности видеть и знать каждый его шаг. Это нам никогда не удастся. Я старался быть рядом с бригадиром, старался слушать, наблюдать и угадывать его. Но все-таки я был привязан к своему участку строительства. Да и не мог же я в самом деле постоянно мозолить ему глаза. Поэтому я и слова не пропускал. Запоминал или записывал. Слово — это самое начало поступка. Поэтому в слове можно узнать человека.

— Иногда,— говорит Сизинцев,— не можем найти даже то, что на стройке есть, уже поступило с заводов... Склады комплектации по всей степи разбросаны. Ищем по целым дням... А за простои нас тоже спрашивают. Ты сначала обеспечишь — потом спрашивай. Наше дело работать. А у нас недопоставки. Или подошел, наконец, металл, а подкрановые пути не готовы, потому что кто-то недосмотрел, что щебня нет... Механизмы толкают туда, где они простоят без пользы... Придет электрик из другого управления и отключит нам ток именно в тот момент, когда у нас срочная сварка. А рабочий за свои восемь часов много сделать может.

По его инициативе немного позже партком начал работу по перестройке работы Управления производственно-технологического комплектования.

...Безответственного отношения к своему делу он не мог прощать никому. Было так, что штормовой ветер, налетевший, как всегда, неожиданно, сорвал несколько сотен листов теплоизоляции с кровли машинного и котельного залов. Сизинцев, уловив минуту, достал свой потрепанный блокнот, в котором отмечал необходимое себе, и стал подсчитывать нанесенный ущерб. Многозначные цифры накрутил его карандаш.

— А ведь знали, что ветер все это сорвать может. Ведь эти ветры у нас через день... Это значит, никому дела нет... А народные деньги летят...

Как член парткома треста он говорил об этом на одном из заседаний. Говорил о бережном отношении к народной копейке.

...Говорили мы с бригадиром и о романтике. Она у него не отделена от дела.

— Подъезжаешь утром к стройке, а она каждый день новая... Что-то добавилось. Это разве не романтика? И работа каждый день новая. Что ни подъем — фермы какой или блока, то и по-новому его делать нужно. Одинакового в нашей работе не бывает. Я, к примеру, работу каменщика уважаю. А вот каменщиком быть не мог бы. Наловчился одному приему, и этого уже достаточно. Не по мне это. Я из породы гончих...

— Все надо в меру, — говорил он как-то, имея в виду свою популярность. — Ради того, чтобы в президиуме посидеть, отрываться от работы — это не то. Другое дело, если съездить, опыт перенять.

...Представительная ученая группа устроила в Экибастузе собрание лучших бригадиров.

Разговор должен был пойти о так называемых «секретах рабочей педагогики».

Председательское место занимала молодая уже женщина в очках. На столе микрофон.

Бригадиры держались в президиуме торжественно и несколько сурово, будто готовились фотографироваться на документы.

Начал говорить молодой бригадир горняков. Говорил он хорошо, искренне.

Рассказал о том, как вся бригада в течение восьми месяцев воспитывала нерадивого своего члена.

— Равнодушный он у нас был. Идет, например, вдоль конвейера — видит: подшипник выпал. Он спокойно через него перешагивает и идет дальше. Спрашиваешь его: «Коля, ты чего же это? Подшипник выпал, а ты заметил, значит, поставь его на место. Машина-то не пойдет. А мы все вместе на ней работаем...» Он вернется, возьмет подшипник, пойдет его ставить. А тот не входит — болт не отворачивается. Коля оставляет подшипник и опять смотрит задумчиво вдаль. «Чего?» — спрашиваешь. «Да вот, — отвечает, — не отворачивается». «Так вот же у тебя, Коля, резак под рукой — отрежь». Тогда он берет резак и режет... Восемь месяцев мы его воспитывали. Потом, как-то уж так получилось, что ушел он от нас. Чего-то мы недосмотрели...

В этой части рассказа Сизинцев энергично задвигался на стуле, пытаясь сказать в микрофон что-то свое.

Или потому, что председательствующая женщина не заметила этого движения, или потому, что ей не хотелось прерывать рассказ

молодого горняка, она микрофон Сизинцеву не передала.

Ни с кем не разделенная мысль, видно, не давала ему покоя до самого конца диспута.

Мы встретились с ним у выхода.

— Недосмотрели,— раздраженным самоварным урчанием прорвался он.— Восемь месяцев возились... Видали вы воспитателей? Восемь месяцев?!

И все-таки я потом понял, что он больше находился под влиянием момента.

В одну из добрых своих минут он рассказал мне:

— Все-таки я ошибся один раз. До сих пор не могу забыть. Пришел ко мне в бригаду совсем молоденький парнишка. Армию только что отслужил. Фамилия у него была Волчек. Все у него вроде благополучно, родители прекрасные. И работать неплохо начал. А потом прогулял. Проспал. Ну я с ним поговорил, и ладно. В другой раз не пришел на работу. С меньшим братишкой возился. Еще раз по какой-то причине прогулял. Потом приходит смурной такой, говорит, увольняться буду. Ушел он, а у меня как будто сердце не на месте. Не удержал, не поговорил. Судьба человеческая мимо прошла.

...Сын принес из школы две двойки. Одну за другой. Но ученик он вполне хороший (две двойки — это досадная случайность) и делает заметные успехи в спорте. Занимается борьбой.

Сизинцев выбрал самый больной для сына час. Он вошел в спортивный зал в то время, когда сын готовился к схватке.

— Пойдем,— сказал коротко,— больше заниматься не будешь...

Он казался неумолимым.

Сын осторожно, но с полным сознанием вины посмотрел на него. В глазах засияла предательская влага. Краем глаза Сизинцев заметил, как несколько мальчишек, одетых в несложные борцовские доспехи, побежали к тренеру.

Тренер подошел.

— Вы — отец?— спросил он.

Сизинцев, больше рассчитывая на то, чтобы слова его доходили до сына, сказал:

— Я так подумал, что борьба ему мешает. Двойки стал приносить. Придется, видно, ему пока подождать с этим делом...

Тренер, сам еще молодой человек, несколько виновато переводил глаза с отца на сына. Мальчишки, которые увлеченно тормозили друг друга на жестком ковре, затихли, прислушиваясь к разговору.

— Знаете,— заговорил тренер.— Тут, видно, какая-то случайность. Сын ваш способный спортсмен. У нас скоро соревнования в области. Команда должна быть представлена полностью. Иначе, сами понимаете... Двойка — это, конечно, неприятно... Но он исправит. Я его знаю...

— Да, я его тоже знаю. Поэтому и говорю, собирайся. Раз человек не может держаться на уровне — значит, ослаб...

Тут за своего товарища вступились все. Мальчишки наперебой уверяли отца, что двойки вышли случайными, что борьба тут ни при чем, что завтра же двойки будут исправлены, что они сами помогут ему.

Сын стоял понуро. Видно было, что нет для него счастья большего, чем остаться сейчас в этом зале. Не было большей вины и большего раскаяния в его неокрепшей душе, чем сегодняшнее.

— Ну, что же,— посмотрим,— сказал, наконец, отец.

Все облегченно задвигались.

Тренер тоже заулыбался.

— Оставайтесь, посмотрите, чему научился у нас ваш сын...

Сизинцев сел на низкую скамейку у теплой батареи и стал смотреть, как ловко и уверенно ступает по упругому ковру его сын.

«Способный спортсмен»,— он улыбнулся, припомнив эти слова тренера.

Мальчишки нацелились друг на друга. Начался тот особый борцовский танец, которым начинается схватка.

Отец смотрел с интересом и гордостью. Сын был ловчее. Это с самого начала было ясно. Он кончил схватку в несколько приемов. Он победил. Мальчишки поднялись с ковра, и Сизинцев увидел, как сын скользнул взглядом в его сторону.

Сын торжествует победу. Может быть, самую первую. Он уже живет настоящим ощущением жизни. Как быстро летит время. У бригадира Сизинцева, который сам еще так недавно искал свою работу, дорогу в этой жизни, есть сын, в котором начинают проявляться лучшие качества мужчин. Такие, например, как желание и умение побеждать.

Об этом Сизинцев никому не расскажет, но из этих мгновений тоже составляется смысл его жизни.

Рассказал мне Сизинцев случай, который мог стать сюжетом для небольшого рассказа. Это случилось еще до того, как он пришел на стройку.

— Был у нас такой Балясников. Отпросился он как-то машину покупать... Дальше дело было так. В понедельник Балясников пригнал свою машину на работу. Видно, похвастать... «Москвичок» — ничего себе. Никелевым поясом в глаза зайчики запускает, диск на колесах тебя вверх тормашками держит — все как положено... Поглазели — расходиться стали. Балясников в это время в бытовку отлучился... И тут, как на грех, рядом с новеньким балясниковским «Москвичком» здоровенный «КрАЗ» притормозил. Видно, полюбопытствовать остановился водитель, молодой такой.

Тут сварщик наш бригадный шутки ради до бытовки добежал. Надсадил дверь кулаком, что есть мочи, да и заори: «Сенька, — кричит Балясникову, — ты тут зря насчет чаев надсаждаешься, а там машину твою «КрАЗом» задело, по всему борту полоса вышла»... Балясников тут дверь наразмашку открывает, видит: действительно «КрАЗ» стоит. Добежал до машины — и хлесть шофера в ухо.

Я, как самый ближний, сразу к Балясникову, хочу за руку поймать: «Ты что, кричу, белены объелся?» Гляжу, он и на меня свой кулак нацеливает, а по лицу ему, как известкой ляпнули, все бело... И глаза... Это его жалость к добру своему ослепила...

Разговор этот у нас зашел потому, что почти еженедельно у Сизинцева кто-нибудь отпрашивался в Павлодар перегонять приобретенную машину.

— Скоро вся бригада с машинами будет,— бурчал про себя бригадир.

Не знаю, боялся ли он, что владение собственностью может каким-то образом повлиять на его ребят, но в рассказе его мораль проступала довольно прозрачная.

Собственность должна доставлять удобства, а если она приобретает над человеком такую власть, что он теряет голову, то и не надо ее иметь.

Мое знакомство с Сизинцевым выпало как раз на то время, когда в нем проснулось неутоленное, исподволь вызревающее желание и свою жизнь обставить возможно более красивыми, добротными вещами. Наступает у человека такая пора. Желание это вполне естественное. В нем тоже есть доля самоутверждения в этой жизни.

И еще я угадывал в этом другое. Видно, в этом тоже сказывалось потаенное, давнее, казавшееся неосуществимым желание достатка. Желание, которое испытывала, вероятно, вся страна, уставшая от военного лихолетья и послевоенной неустроенности быта и жизни. Сизинцев помнит это горькое время.

Я думаю, ему важен был сам факт, что имеет практическую возможность обрести все, что душа пожелает. Каждая покупка превращалась едва ли не в ритуальный акт, и в этом не было мещанского привкуса. Он получил возможность жить удобно и красиво и хотел пользоваться этим. Он получил это право трудом, собственным трудом, испытывал от этого удовлетворение и гордился этим.

...Премия для него имела, как я понял, двойкий смысл. Он прослышал, что комитет ком-

сомола проводит смотр бытовок. Была обещана премия.

Сизинцев достал два ведра краски. При мне он звонил кому-то по телефону. Пообещал что-то взамен.

Потом он целую неделю жил предвкушением победы.

— Филенку осталось протянуть,— говорил он задиристо.— Смотрел у других бытовки — в сравнение не идут... Премию получим — бильярд купим... Поставим в бытовке, пусть ребята в обед играют.

Так что премия для него была не только удовлетворенным самолюбием или признаком превосходства. Премия давала ему возможность плотнее сколотить бригаду. Хотя бы вот этим общим интересом к простой и популярной игре, в которой сам Сизинцев, как я узнал позже, понимал толк.

...Я был однажды невольным свидетелем разного отношения двух людей к такой простой и распространенной на стройке штуке, как гвоздь.

Сменный бригадир Павлюк, человек тоже основательный, никогда не забьет два гвоздя там, где достаточно одного. Он экономит время, гвозди и свою силу.

Сизинцев обязательно заставит вколотить или вколотит сам там же еще по одному гвоздю. Потому что так будет надежнее. Он никогда не делает на время. Он делает навсегда.

...Однажды я написал такую фразу: «Беды стройки Сизинцев принимает, как свои соб-

Бригадир комсомольско-молодежной бригады
Василий Сизинцев

ственные». Фраза была поспешной и обкатанной многими. Мне стало вроде и неловко за нее. Но она ко мне возвращалась, и я, наконец, понял, почему. А ведь так оно и есть. Беды стройки — это есть беды бригадира Сизинцева. Это только так говорится, что это беды стройки. А на самом деле — это беды каждого, кто этой стройкой занят.

...Только что бригадир Василий Сизинцев распекал кого-то из своих подчиненных. В бытовке было слышно, как уверенно и властно раздаются его слова.

А сейчас он стоит перед своей молодежной бригадой и кажется слегка растерянным.

— Говорить много я не умею, — сами знаете, — начинает он. — Дело такое... Год осталось нам работать, и будет первый свет. От нас с вами зависит, будет этот первый свет дан в те сроки, которые задуманы, или нет... Сейчас, это не секрет, наметилось отставание на стройке. На месяц мы примерно отстаем от графиков. Причины разные. И недопоставки были, и у самих неразбериха бывает. В общем, коротко так. Несмотря ни на что, мы должны войти в те сроки, которые нам наметила партия. Эти сроки определены неспроста. Видно, на наше электричество в том году уже рассчитывать будут... Какие будут мнения?..

Бригада слушает внимательно. Бригадир лишних слов на ветер не бросает. К этому привыкли.

— Да какие мнения... Если бы все от нас зависело. Сам знаешь, сегодня почему целый день, например, не работаем. Бульдозером кабель переехало — и ваших нет...

— Ты, Зенкин, разгильдяйство с делом не путай. Ты о деле говори.

— Так я о деле и говорю. Вот панели, например, нам не шлют. Я же сам не буду их делать? А то слово — не воробей, дать-то мы его можем...

— Никто не говорит, что легко будет, — продолжает бригадир. — Только не забывайте, что о стройке нашей не одни мы думаем. Я на заводах бывал, там все силы кладут на то, чтобы все для нас в срок сделать. Общими силами дело двигать будем...

— Общими оно, конечно, легче...

— Вот нам и надо подумать, сможем мы или нет? Есть у меня задумка одна. По-моему, она сильно помочь нам должна. Если нам на заводы-поставщики съездить? Прямо с ребятами там поговорить. Ситуацию объяснить... Чтобы они нам досрочно постарались сделать. А мы бы тут поскорее все это навесили... Вот бы и вышли из положения. Тут у нас один монтажник грамоте обучен, вроде с газетами связан, — Сизинцев смешливо стрельнул взглядом в мою сторону, — мы и его подключим. Пусть обращение наше к заводам напечатает...

Монтажники думают. Поглядывают друг на друга. Но это уже скорее ожидание. Решимость сказать назревшие слова сначала у одного возникает. Он и скажет за бригаду. Скажет то, что надо.

— Да чего много говорить? Осилим, конечно, — будто в поисках поддержки оглядывает всех Виктор Вельш.

— Осилим, кому как не нам?

— Наша стройка, мы и должны...

— А насчет обращения — это правильно.

Вот так, примерно, родилась на строительстве Экибастузского топливно-энергетического комплекса новая инициатива, которую после некоторых уточнений определили так: «Сроки ввода, намеченные партией,— закон». Означать она будет то, что каждый строитель первой электрической станции будет работать так, чтобы ударным трудом наверстать упущенное время. Два энергоблока должны быть пущены вовремя. Такой закон приняли на молодой стройке. Ритм стройки теперь подчиняется ему.

...Не забыл Сизинцев и про обращение. Вечерами, после работы, мы обдумывали его, находили самые простые и ясные слова о рабочем товариществе, взаимной выручке, о зависимости успехов стройки от каждого, кто имеет к ней даже косвенное отношение.

Сизинцева поддержал партком треста. Коммунисты стройки увидели в его инициативе возможность выправить первоначальное не во всем благополучно сложившееся положение на строительстве.

Я уже упоминал, что оно отставало от рабочих графиков на два месяца.

Реальностью эта идея стала тогда, когда партийный комитет обратился через республиканские газеты с обращением к смежным предприятиям и организациям о соревновании по типу «Рабочей эстафеты».

И еще раз я убедился, что рабочая сметка не подвела Сизинцева. Завертелось на стройке огромное дело, все плоды которого мы еще не можем предвидеть. Поставлять свою продукцию качественной и досрочно стали предприятия, откликнувшиеся на обращение,

А это самым существенным образом повлияло на весь ход строительства.

Этого и хотел бригадир Сизинцев, угадавший своим рабочим чутьем еще один способ подвинуть стройку вперед.

Соревнование начиналось трудно, но постепенно вовлекало в себя все новые коллективы и предприятия. С самого начала и до сегодняшних дней Василий Сизинцев целенаправленно и упорно развивает его.

Рассказ о бригадире и бригаде был бы неполным, если бы я не сказал о том, как он это делает.

СОРЕВНОВАНИЕ

Считаю, что мне повезло. Я видел самое начало замечательной рабочей инициативы. Видел неподдельное волнение на лицах людей, которые были заняты не обсуждением своих личных наболевших дел, а судьбой великой стройки.

Впрочем, эта стройка стала судьбой этих людей, и, может быть, потому они говорили о ней с таким же взволнованным интересом, с каким говорят о решениях, меняющих собственную судьбу.

Вот так я и смотрю на это соревнование. Соревнование — есть борьба. Любое соревнование — есть древняя и яростная воля человека к победе. Борьба открывает человеку прекрасную возможность узнать свою силу.

Человек, испытавший сладость победы, обретает чувство собственной значимости и полноценности, которые составляют основу его

счастья. Не поэтому ли, даже самый слабый и нерешительный из нас живет предчувствием борьбы и победы...

Алексей Дмитриевич Криворотов — начальник управления «Энергостроймонтаж». Он делает основное дело на стройке. Его бригады ведут монтаж главного корпуса будущей электростанции. Он прекрасный организатор, все свое время отдает стройке. Благодаря таким, как он, стройка, которая только начинается, уверенно движется вперед.

Мы едем на заседание штаба стройки. Он за рулем. Впереди вырисовывается и вырастает могучая сталь главного корпуса.

— Вот иногда задашь себе вопрос, — говорит он, — зачем ты здесь? Соленая степь, молодой город. И ничего больше. А работаем потому, что после себя надо что-то оставить...

И, поскольку, наш разговор начинался с идеи того соревнования, план которого на стройке вынашивают многие, продолжает:

— Как монтажник, я тебе одно скажу. Монтаж — это главное. Я думаю, не надо тебе объяснять долго, какое значение для стройки имеет устойчивый его темп. Это значит мы без лишних нервов и без лишней траты сил можем вводить в строй самое нужное нам... Нам надо выполнять план. Это самое простое, чего от нас требуют. Планы у нас реальные. Нам не надо совершать героических усилий, чтобы его выполнить. Но пока у нас это плохо получается. Ровный темп стройки зависит от

Мастер участка малой механизации
Давид Нагапетян

того, как она обеспечена. Это элементарно. Спроси у любого моего монтажника — и он тебе объяснит натурально, с применением различных слов — есть мысли о том, что он думает о поставщиках...

Идея соревнования должна вызывать доверие. Кроме всего прочего, она должна задевать душу каждого. Особенно душу рядового стройки. Желание удерживать инициативу, желание участвовать в соревновании самым серьезным образом.

Рабочая эстафета вобрала в себя все эти качества. Готовая продукция в энергетике — это невидимые миллиарды киловатт-часов электроэнергии. Ее получению предшествует созидательный труд тысяч рабочих смежных отраслей — горняков, металлургов, машиностроителей, электротехников, строителей, монтажников, ученых и проектировщиков.

...Особенно привлекательными мне кажутся слова «рабочая солидарность». Я видел, с каким интересом и доброжелательностью говорили два бригадира, впервые увидевшие друг друга, но которые давно уже делают одно и то же дело. Один собирал конструкции, другой монтировал, определял их вечное место на великой стройке.

— Ну, слушай,— сказал один,— я теперь приятелем твоим себя буду считать. А разве для приятелей можно брачок допускать? Никогда.

...А в самый раз произошла осечка.

Мы с Юрием Андреевичем Казанцевым приехали на Ермаковский завод металлоконструкций. Обговорили предварительные условия договоров между бригадами.

Дело дошло до разработки конкретных деталей соревнования. И тут вышла заминка. Оказалось, что завод не получил еще документы наших заказов. По сути, завод до сих пор не знал, что требуется от него для стройки. Ни о каком конкретном графике соревнования, конечно же, не могло быть, пока и речи. Произошла неувязка, в которой была виновата наша сторона.

В разговор вошла неловкость.

Я вижу, как потухает воодушевление в глазах Казанцева.

— Ладно,— говорит он,— мы будем через несколько дней. Но, Михаил Федорович (так зовут секретаря парткома завода), вы все-таки не забывайте о нашей стройке. И даже в эти дни надо делать все возможное, чтобы положение на ней нормализовалось.

Но и мне, и Казанцеву ясно, что сказано это только для того, чтобы последнее слово осталось за нами.

...Едем и молчим.

Настроение у него поднялось только тогда, когда мы уже почти подъехали к Экибастузу. В солнечном белесом мареве он первый рассмотрел смутные контуры нашей первой электрической станции.

— Вон он, видишь, корабль наш... плывет. Трубу поставим — издалека видно будет. Вот она наша живопись. Мазок за мазком — навечно...

Я знаю, что этот образ великой картины, он позаимствовал из бойкого репортажа в областной газете. Люди меняют степь. В пустом пространстве возникают четкие линии металлоконструкций, яркие пятна панелей. Они бу-

дут стоять здесь вечно. Возникает стройный порядок будущего. Вот это он и называет картиной, которая вырисовывается «мазок за мазком».

Эти слова он повторяет часто, и, наверное, придает им свой особый смысл.

ЕСТЬ ПЕРВЫЙ ДОГОВОР!

...День этот, несомненно, останется в истории строительства энергетического гиганта в Экибастузе.

...В кабинете директора Ермаковского завода ЖБИ Виктора Михайловича Юровских только что закончились довольно напряженные дебаты. Точки над «и» поставлены, и окончательный вариант договора унесли перепечатывать на машинке. Вышла незапланированная пауза. И тут вдруг выяснилось, что договор этот можно дополнять чуть ли не бесконечно. Такими пунктами, которые, конечно, не обязательно отмечать на бумаге, но без которых исчезнет душа соревнования. Начал Сизинцев:

— Пусть Карл берет свою бригаду и приезжает к нам на стройку. Недалеко мы работаем друг от друга. Посмотрит, куда идут его панели... Как мы их бережем. Сфотографируемся вместе. Фотографию увеличим и прямо на стройке на большом красивом стенде повесим. Чтоб каждый день видеть, с кем соревнуемся.

— Обязательно приедем,— отвечает Грисман.— Раз уж вместе строим, знать надо. Будем стройку знать, будет легче помогать. Как

Для друзей будем стараться. Договор у себя в пролете на самое видное место определим...

— Можно праздники наши профессиональные вместе отмечать. Скоро День строителя. Как раз можно будет и о первых итогах поговорить. Рабочая дружба всегда для дела...

И потом, во время небольшой экскурсии по цехам и пролетам завода, Василий Сизинцев и Карл Грисман останавливались у огромных формовочных ванн, опалубок, готовых конструкций. Перебрасывались словами и улыбками. И это тоже означало, что «Рабочая эстафета» началась. Может быть, именно с этих мгновений начнется их трудовое товарищество. Два рабочих человека, ответственных за судьбы великой стройки, могут легче договориться, легче могут найти способ справиться со случайными и непредвиденными производственными неувязками, если их связывает не просто технологическая последовательность производства, но и крепкая человеческая связь, которую называют рабочей дружбой.

...Договор отпечатан. Кашимов вносит в кабинет листки с машинописным текстом с бережной значительностью. Эта бумага уже стала ценной. Она должна быть обеспечена непреходящей ценностью рабочей чести и рабочего слова.

— Когда-нибудь мы организуем музей стройки, и этот договор обязательно будет там,— говорит Казанцев.— Но главное, чтобы у нас все по уму получилось. Подписать договор — не проблема...

— А кто будет подписывать первый?

— Конечно, Грисман,— предлагает Сизинцев.— Если он панели не сделает, так я их и не повешу...

Карл Грисман, молодой бригадир формовщиков, берет шариковую ручку, несколько раз пробует подпись на отдельном клочке бумаги, потом решительно ставит ее на договоре.

— Поехали,— говорит он знаменитое гагаринское слово.

Потом свою подпись ставит Василий Сизинцев.

С этих мгновений договор обретает жизнь и силу.

...В коридоре, перед отъездом, мы обмениваемся несложными сувенирами и предположениями о том, какая судьба будет у соревнования, которое начинается сегодня.

Виктор Михайлович немного растроган. Подобные события случаются не каждый день.

— Хорошее дело мы начинаем. Почти первопроходцем себя чувствуешь... Предприятия, которые связаны с вашим трестом, по стране разбросаны десятками. По сравнению со многими из них, мы маленькими выйдем. То, что мы первые такой договор составили, конечно, почетно. Оправдаем. Есть у нас такие резервы. Подключим... Сомнений нет...

В это время председатель заводского комитета появляется среди нас с чудесным свежим букетом сирени. Он предназначен единственной среди нас женщине Светлане Полюхович. Первые цветы «Рабочей эстафеты».

Первые и, конечно, не последние. Все теперь будет зависеть от ее успехов.

День, который я выбрал для знакомства с бригадой формовщиков Карла Грисмана, был не типичным. Трудный выдался день. Сам бригадир в этот день болел. Два человека были в отпуске. В бригаде осталось одиннадцать человек. Если это количество разделить на три смены, получается не густо. Работать приходится напряженно. Об этом были первые слова начальника цеха Семена Афанасьевича Никончука.

— Работать приходится в полную силу. Мы и всегда, конечно, так работаем. Но сегодня — особенно...

Прошел месяц с того времени, когда бригадир бетонщиков второго пролета Ермаковского завода железобетонных конструкций Карл Грисман подписал договор о соревновании «Рабочая эстафета» с бригадой монтажников Экибастузского топливно-энергетического комплекса Василия Сизинцева. Соревнование делает первые свои шаги.

Шаги эти даются бригаде нелегко. Для того, чтобы обеспечить успешный ход соревнования строительства первой электростанции, бригада должна изготавливать ежедневно по шесть двенадцатиметровых стеновых панелей. Это только для Экибастуза. Но кроме этого завод изготавливает конструкции для множества других городов республики и страны. Задача трудная. Жесткий график «Рабочей эстафеты» повысил ответственность всех членов бригады за свое дело. В бригаде понимают, что главное — это не только выполнить заказы Экибастуза. Здесь думают над тем, что можно

сделать, чтобы выполнить эти заказы без ущерба для других заказчиков. Рабочее время концентрируется до предела, вступают в дело неучтенные резервы.

Практически договор «Рабочей эстафеты» заключила одна бригада. Но в выполнении графика соревнования участвует весь завод. Это естественно. Технологическая последовательность производства тех же стеновых панелей включает в себя все подразделения завода.

— В течение двух лет на заводе происходила переоснастка производства. Процесс этот еще не совсем закончен. Мы думаем в скором времени расширить наше производство. Полностью перейти на металлические высокопроизводительные опалубки. Трудно было нам преодолеть чисто психологический барьер. Дело в том, что сейчас около восьмидесяти процентов своей продукции мы делаем для Экибастуза. Продукция эта совершенно новая для нас. А новое всегда с трудом дается...

Это говорит мне главный инженер завода Жанибек Кашимов, который пришел сюда потому, что узнал о неувязке в арматурном цехе. Арматура для стеновых панелей должна быть готова утром, а ее пока нет. Это затормозило все остальное производство. Рабочий график под угрозой срыва.

Дело, которым занимается бригада Карла Грисмана, выглядит несложно. В металлическую опалубку, вымытую до блеска, укладывается полотно бумаги, на которую наклеена мелкая плитка-«ириска», потом — арматура.

Затем опалубка заполняется песком, керамзитом, бетоном. После соответствующей обработки готовую панель вынимают из опалубки, снимают с лицевой стороны бумагу. Обнажается веселая, голубоватая и влажная как яичный белок «ириска». Панель готова. Есть у завода специальные склады, но на складах изделия не залеживаются.

В те часы, которые я провел в бригаде формовщиков, описанные мной операции выполняли бетонщики-формовщики Лидия Скобелева, Мария Купченко, Полина Анисимова, Валя Акишева, крановщицы Люба Субботина и Татьяна Обухова.

Молодой мастер Слава Марченко почти не отлучался из бригады. Сегодня он взял на себя дополнительную добровольную роль бригадира. Работали дружно. Старались использовать для дела каждое мгновение. Как только выдавалась свободная минута, крановщицы спускались вниз и тоже становились у форм, снимали бумагу с готовых панелей, исправляли случайные дефекты. Мастер Слава делал то же самое.

— Что поделаешь,— сокрушался он,— рук не хватает. Руки у нас решают все...

«Помни! От тебя зависит пуск первых энергоблоков Экибастузской ГРЭС-1!»— этот плакат висит в цехе на самом видном месте.

Висит как напоминание каждому о том, что именно от него зависит успех одного из самых важных дел сегодняшнего дня страны. Судьба ударной стройки решается и здесь, в цехах Ермаковского завода.

Так «Рабочая эстафета» делала свои первые шаги. Следующий договор подписан на Алма-Атинском заводе железобетонных конструкций. Этот завод, как и другие казахстанские предприятия, связанные со строительством топливно-энергетического комплекса, львиную долю своей продукции отправляют в Экибастуз.

Можно сказать и о первых успехах соревнования.

Мы еще только обговорили условия договора в кабинете директора, а соответствующими отделами уже было подготовлено письмо на заводы Новокузнецка, Бекабада, Нижнего Тагила, Череповца, Магнитогорска такого содержания:

«...Алма-Атинский завод железобетонных конструкций включился в соревнование «Рабочая эстафета». Для выполнения условий договора по поставке сборного железобетона заводу необходим металл... Убедительно просим не забывать о точном соблюдении графиков...»

Письмо это помогло. Металл на завод стал поступать бесперебойно. А это позволило заводу досрочно отправить в Экибастуз столь необходимые там конструкции. «Рабочая эстафета» вступила в действие.

Был в Экибастузе первый в истории строительства комплекса слет молодых строителей. В нем приняла участие молодежь, возводящая ГРЭС-1, представители коллективов предприятий области, поставляющих свою продукцию для Всесоюзной ударной комсо-

мольской стройки. На слете присутствовали также представители других смежных организаций и проектных институтов республики и страны.

На слете были подписаны договоры о социалистическом соревновании — содружестве между комсомольскими организациями Всесоюзного института «Оргэнергострой», Новосибирского филиала института «Теплоэлектропроект» и треста «Экибастузэнергострой».

По условиям договора коллективы институтов обязались принять самое активное участие в разработке и внедрении наиболее прогрессивных проектных решений для Экибастузского топливно-энергетического комплекса, в осуществлении мероприятий по обеспечению планового ввода энергоблоков на Экибастузской ГРЭС-1, в разработке и внедрении прогрессивных решений по организации строительного производства, технологии строительства и механизации работ.

«Рабочая эстафета» шагнула за пределы республики. Сейчас в ней участвуют десятки самых различных предприятий. Результаты этого соревнования до конца оценить пока вряд ли возможно. Взять хотя бы вот этот: к тому времени, когда на стройке начиналось соревнование, она, в силу разных причин, отставала от рабочих графиков на два месяца. Благодаря «Рабочей эстафете», в которую включились почти все казахстанские предприятия-поставщики Экибастуза, большое количество предприятий страны, был вовремя смонтирован главный корпус первой электростанции под временный торец. А это позволило вовремя

начать монтаж первых двух энергоблоков, которые, кстати сказать, прибыли в Экибастуз тоже по четким графикам «Рабочей эстафеты».

Все это позволило существенно сократить наметившийся разрыв между ходом строительства и теми планами, которые ему были отведены.

Таковы были первые победы «Рабочей эстафеты» на строительстве Экибастузского топливно-энергетического комплекса.

Твердо уверен, что в скором будущем можно будет писать о новых.

ПРОСТО БУДНИ

СТРОЙКА В ЦИФРАХ И СОБЫТИЯХ

То, что происходит сегодня в Экибастузе, чем-то неуловимо напоминает отправление поезда. Поезд дернулся, слегка обозначив ход. Он медленно протаскивает свое тело сквозь перронную сутолоку, постепенно увеличивает скорость. Начинается строгая стихия движения. Движения, которого не остановить.

«...Наряду с КамАЗом и Саяно-Шушенской ГЭС, Казахстанской Магниткой и строительством Байкало-Амурской магистрали создание Павлодар-Экибастузского энергетического комплекса стало величайшей стройкой нашего времени. В районе Экибастуза намечено построить четыре ГРЭС общей мощностью 16 миллионов киловатт. Это

будет один из крупнейших комплексов в Советском Союзе».

(Из открытого письма комсомольцев и молодежи Всесоюзной ударной комсомольской стройки юношам и девушкам Павлодарского Прииртышья).

Героическое в жизни выглядит очень просто. В котлован, вырытый под строительство первой ГРЭС, я спустился специально для того, чтобы увидеть бригадира Николая Едых. Это о нем областная газета писала: «...на другом красном полотнище написаны слова приветствия бригаде монтажников, которая стала победителем в соревновании за право установки первой колонны здания главного корпуса».

Первая тридцатиметровая колонна, поставленная здесь, стала знаменитой. На ней развевается флаг строительства. Люди едва заметны на фоне этой махины. Тем более непостижима их дерзость.

Самого Николая описывать трудно. Простой и неброский человек. Только выражение лица у него такое, какое бывает у людей, умеющих хорошо делать свое дело. На нем очень часто появляется недоумение от того общего интереса, которым окружена его работа.

Да, он волновался, когда поднимал первую колонну, но не за дело боялся, а потому, что слишком много зрителей стояло «над душой». Он не актер, а монтажник.

Приехало на стройку телевидение. Симпатичная корреспондентка специально разыскала его. Он к тому времени уже знаменитостью стал. Первую колонну будущей электрической станции поднял. Положил начало великому делу. Любая бригада за большую честь это посчитала бы. Соревновались за право поднимать эту тридцатиметровую махину. А доверие было оказано только одной. Его бригаде... Поэтому и интерес к персоне бригадира сразу вырос.

— Ну, а теперь расскажите о своей работе,— бодрым голосом сказала корреспондентка, когда бригада была снята по несколько раз и крупным и общим планом.

На Николая Едых направили камеру, и он приготовился говорить. Потом неловко покопился на журналистку.

— А чего тут рассказывать. Работу же видно...

Случаи эти на стройке запоминают. Здешние острословы заносят их в свой актив и при случае обязательно вспомнят. И когда это происходит, Николай Едых опять удивляется:

— А что? Я неправду сказал? Работа, она всегда сама за себя сказать может...

С бригадиром можно легко согласиться. Работа очень даже может говорить сама за себя.

...Теперь в том котловане, с которого началась первая ГРЭС, похожем на лунный кратер, с верхом нагорожено железобетонной геометрии. Но колонны, установленные бригадой Николая, не потерялись. Я подхожу к той, самой первой. Она мощно и стремительно вознеслась в небо. Она гудит от порывис-

того ветра. Зимнее солнце, как привязанное, ходит вокруг нее, отбрасывая на дно котлована четкую и ясную тень. И снова это напоминает мне гигантские солнечные часы. Начало тому времени, которое они отмечают, положила бригада Едых. Красивая это работа — давать время отсчета большому делу, так необходимому стране, ее людям.

Вот о чем, наверное, промолчал в тот раз бригадир Николай Едых.

...Если нарисовать на карте те маршруты, которыми судьба одарила каждого в этой бригаде, это уже энергетическая карта страны получится. Когда они сюда приехали, тут еще даже котлована не было. Гладкая и круглая степь лежала. И ветер по-разбойничьи гикал, заблудившись в ее просторе. Они пришли сюда и в первые мгновения показали себе маленькими и незаметными. А потом началось дело. Был первый ковш вынудой земли, был первый фундамент, была первая колонна. Будет первая электростанция. Будет единственный на земле комплекс.

А они, бригада Едых, сейчас уже говорят: «Мы это начинали»...

И об этом не сказал в тот раз бригадир.

«Значение строящегося комплекса трудно переоценить. Он войдет в единую энергосистему страны. Кроме промышленных объектов Казахстана, Урала и Сибири, экибастузские тепловые станции смогут еще обеспечить дешевой электроэнергией и наиболее густонаселенную часть Советского Союза. Поэтому

Центральный Комитет ВЛКСМ объявил строительство комплекса Всесоюзной ударной комсомольской стройкой пятилетки. Работать здесь — большая честь для каждого человека. И мы гордимся оказанным доверием...»

(Из открытого письма...)

Раннее утро. На непотревоженной солнцем земле все кажется сонным и зябким. Автобусы, ожидающие рабочих, и рабочие, ожидающие автобусы. Проступающие из темноты железобетонные вертикали и горизонталы. До восхода еще есть время, но солнце вдруг дает о себе знать сразу широко, на полгоризонта. На фоне разгорающегося, как широчайший костер, неба, потухает золото оконных огней.

Утро заявляет о себе еще и звуками. Вот в коридоре рабочего общежития раздались одиночные шаги. У кого-то долго звонит будильник. Спросонья заплакал ребенок. Стали слышны шаги за стеной. Заговорили. Раздались голоса за окном. Зашумел мотор. Живой и непривычно бодрый вдруг рассыпался в морозном воздухе девичий смех.

По городку, вначале не спеша, потом быстрее, по направлению к автобусам и солнцу пошли люди.

«...Уже в десятой пятилетке на первой электростанции будут пущены четыре энергоблока мощностью по 500 тысяч киловатт каждый. Здесь работа в полном разгаре. Идет монтаж главного корпуса станции, за-

вершается строительство котельной и столовой на 540 мест. Котельная и столовая — объекты первостепенной важности. Их надо во что бы ни стало ввести в строй до наступления холодов. И наш многотысячный коллектив споро и четко старается выполнить эту работу...»

(Из открытого письма...)

Забот тут много. У всех они разные. В первый же день после приезда я познакомился с начальником УПТК (управления производственно-технологического комплектования) Эдуардом Овчаренко. Хозяйство у него беспокойное.

Если говорить просто — он главный кладовщик стройки. Но при этом надо учитывать, что склады его расположены под открытым небом, тянутся на километры, и панель жилого дома — это едва ли не самая маленькая деталь на этих складах.

Выехали мы ранним утром. Солнце уже облило дорогу золотом, только в выбоинах прятались голубые тени.

Не успел начальник выйти из машины у конторы — и сразу новость. Инспектор по технике безопасности опломбировал кран. Виноваты те, кто недобросовестно его смонтировали, а штраф за простой вагонов, конечно же, будет платить УПТК.

И разговоры:

— Кран один на день встанет — несколько составов с грузами накопится.

И дальше:

— То, что кранов нет, это никого не касает-

ся, А вот если вагоны простаивают, УПТК виновато...

Едем к инспектору «вставать на колени». Из окна машины я вижу, как начальник и его зам входят осторожно за калитку, красноречиво, по всем правилам системы Станиславского, изображают перед инспектором трагическую ситуацию, в которую тот их поставил. Но лицо инспектора остается весьма прохладным. Аплодисментов не слышно. Инспектор прав. Кран был сдан без проверки и опробования.

На площадках для складирования, которые перешли в наследство к новому начальнику УПТК, мягко говоря, царит хаос.

— Сюда надо пригнать шесть, — он налегает на цифру шесть, — кранов. И чтобы все в тресте забыли про них. Краны должны быть только моими. Сюда нужно еще два «Кировца». И чтобы в тресте забыли все, что они есть... И тут будет порядок...

— Сердце стройки здесь! — добавил откуда-то взявшийся бригадир УПТК по имени Алексей...

«...Делом отвечая на призыв Родины, Ленинский комсомол направил на ударную стройку сотни своих питомцев. Сегодня на объектах экибастузской ГРЭС-1 трудится более полутора тысяч юношей и девушек. Среди них можно встретить комсомольцев из Белоруссии и Латвии, Грузии и Азербайджана, Ставропольского края и многих городов Казахстана».

(Из открытого письма...)

...Они, наверное, не сразу решились придти сюда. Их четверо. Две бойкие девчонки и два парня. На лицах смущение с вызовом. Решили пожениться и ставят об этом в известность штаб. Живут они в общежитии в разных комнатах и на разных этажах.

Общежитие пока заселено тесно. В комнатах живут по четыре человека. И они остроумно решили, что если их две семьи поселят в однокомнатную, то от этого ничего не изменится. В комнате по-прежнему будут жить четыре человека, но зато это будет уже две семьи.

— Вы понимаете, ничего не изменится. Мы сами строители, соорудим временную перегородку — и все, — убеждают они.

Можно представить, какие трогательные воспоминания будут сопровождать этих молодых людей всю жизнь, если семьи их сложатся, все у них будет хорошо. Необычное и трудное начало. Жизнь — это ежедневное приобретение нового. Каким прекрасным и яростным будет казаться нам всю жизнь наше молодое счастье.

«Грандиозная по своим масштабам стройка требует пополнения. Нам нужны люди многих строительных специальностей: монтажники и плотники-бетонщики, штукатуры-маляры и слесари-сантехники. Нужны умелые руки и горячие сердца».

(Из открытого письма...)

Я пока еще не привык ходить по улицам этого города. Многое пока мне кажется просто

толчеей. Я слышу тысячи слов и обрывков разговоров, смысл которых не сразу уловишь. Тысячи взглядов и озабоченных лиц. Тысячи недоступных тебе забот.

Трудно увидеть за этим Величие. Жизнь не такая простая и понятная штука, как скульптура на постаменте, отточенная резцом, отшлифованная временем. Жизнь — это глыба, в которой, на первый взгляд, много лишнего. Труд и Разум — это и есть тот ваятель, который отсекает от нее все лишнее, и тогда из хаоса повседневности возникает Красота и Смысл.

Здесь каждое движение, слово и мысль направлены на то, чтобы там, в нескольких километрах от городской черты, встала еще одна железная колонна, был уложен еще один кубометр бетона. Из движения, разговоров и кажущейся суеты возникает разумное и великое дело. Встает будущее. Любая, самая невообразимая суета покажется вам разумной, если думать об этом. Так будь благословенна суета горячих будней, которую поэты называют кипением.

ЭКИБАСТУЗ ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

Вечером за окнами общежития разноязыкий говор, песни под гитару, смех. Голоса мне эти еще не знакомы. Третий день Экибастуз принимает молодое рабочее пополнение. Еще четыреста юных строителей в составе Всесоюзного ударного комсомольского отряда прибывают на строительство уникального топливно-энергетического комплекса.

Экибастуз давно ждал этой встречи. Стро-

ил общежития. Готовил рабочие места. Молодые руки стройке очень нужны.

Может быть, поэтому многие жители города приходят в эти дни на вокзал. Старожилы ходят к поездам в надежде встретить своих земляков. Человек с чемоданом обязательно будет остановлен на улице. Ему зададут вопрос, посоветуют, просто улыбнутся.

Диспетчер автовокзала встречает прибывающие автобусы привычным, но выразительным объявлением: «Товарищи комсомольцы, мы ждем вас...» — говорит она. Голос ее в динамиках теплый и душевный. Товарищам комсомольцам, наверное, он представляется голосом самого Экибастуза, и у них отлегает от сердца. Город ждет — значит, все в порядке.

В городе создано два штаба по встрече и размещению прибывших по комсомольским путевкам. Один штаб — городской, другой — «грэсовский», как его называют. В течение непродолжительного времени доброволец, стремительно прокатившийся по городу на дежурном автобусе, не успевший стереть со своего лица растерянность и ожидание, становится строителем Экибастузской ГРЭС-1. Он устроен на работу. Ему рассказано о его будущих товарищах, стройке. Он уже может считать себя полноправным ее участником.

Характер «прибывающих» виден сразу. На пороге городского штаба возникает решительная фигура. Молодой, коренастый парень с открытым лицом и крепким взглядом.

— Мы из Кокчетова прибыли, — говорит он. — Пятнадцать человек. Мне надо с обкомом комсомола связаться. Желательно срочно.

— Как устроились?— спрашиваю его.

— Лично я неважно,— отвечает.— Мы с женой прибыли, а нас в разные общежития поселяют.

— Ну, это временно.

— Девушка, я же не на первую стройку приехал,— выражая лицом великое терпение,— объясняет он.— Я знаю, каким бывает это «временное». Но уезжать я не привык.

Фамилия и имя у него знаменитые.

— Андрей Белый, поэт такой был,— подтверждает он.— Работал я в Темиртау, Кокчетаве, Новокузнецке.

Диспетчер автовокзала, как может, помогает работе штаба. Должны прибыть одиннадцать человек, которых отправляют на нашу стройку из Павлодара. Из областного штаба звонили, что они должны выехать автобусом после обеда. Диспетчер по собственной инициативе и по своим каналам связывается с кассами Павлодарского автовокзала и пытается выяснить, продавали ли там сразу одиннадцать билетов на Экибастуз. Там подтверждают, что заказ такой был. Диспетчер раскладывает перед собой графики движения, подсчитывает, хмурит брови и говорит, что эти одиннадцать обязательно приедут девятичасовым автобусом. Так оно и случается.

С «грэсовским» автобусом ездит Тамара Магомедова, секретарь комсомольской организации субподрядной «Союзэнергозащиты». Ее никто не просил встречать новичков. Она делает это по собственной инициативе. Но не без корысти. Она почему-то убеждена, что самые работающие парни и девчата должны приехать с Украины. Она ездит к каждому

поезду и автобусу в надежде встретить их и сагитировать пойти работать в «Союзэнергозащиту». Ей нужны грядущие человек.

Сегодня наиболее ответственные люди в городе — это начальники штабов по приему молодого пополнения строителей. С них спрос за все. Оба ходят с красными глазами, потому что спят невозможно мало. Городским штабом командует Володя Третьяков. «Грэсовским» — Валерий Максимов. У Максимова в дополнение ко всему разболелись зубы. Он говорит в телефонную трубку не совсем внятно, прислушиваясь к боли и переживая ее, но работу не оставляет и делает ее исправно.

Телефонистки междугородной станции принимают заказы штабов как самые срочные. Они тоже чувствуют себя причастными к этой работе. Даже в наиболее напряженные часы заказы на разговоры с Павлодаром и Алма-Атой выполняются мгновенно.

А разговоры происходят примерно такие:

— Алло!.. Это Павлодар? Обком? Кто сегодня дежурит? Как дела? Из Чимкента прибыли? Десять человек. Когда к нам будете отправлять? Так, хорошо. Встретим. Сто шестой из Алма-Аты прибывает в половине седьмого. Тоже должны прибыть? Так. Понятно. Особенно внимательно встречать поезд Киев — Павлодар. Он почти всю страну пересекает. Этим поездом могут многие приехать. Понятно. Будем стараться.

Дежурная по штабу Таня Некленова кладет трубку. Смотрит на часы и на график движения поездов. Время выезжать на вокзал.

Экибастуз принимает гостей. Круглые сутки работает штаб Всесоюзной ударной строй-

ки. Круглые сутки прибывают в Экибастуз новые его жители. Сегодня они еще будущие жители. Но они уже будущее Экибастуза.

ДЕНЬ, ПОХОЖИЙ НА ВСЕ

Арынов помахал сыну рукой, улыбнулся и пошагал к растворенным воротам детского садика. Это была его привычная дорога. На дворе стояла весна. Но она чувствовалась только после обеда, когда с южной стороны начинали подтаивать снежные корки, и земля набухала влажной чернотой. А утром было холодно.

Он уже почти дошел до остановки своего автобуса, когда сзади скрипнули тормоза.

— Садись, подвезу, — сказал знакомый шофер.

Арынов сел и закурил сигарету. Шофер повертел блестящую рукоятку, опустил стекло.

Двадцать минут дороги на стройку хватало, чтобы обдумать, каким будет день.

Вчера его встретил редактор многотиражки. Редактор был озабочен и хмур. У него туго шла подписка. Газета стала выходить недавно, к ней не успели привыкнуть.

Сейчас он об этом вспомнил и окончательно решил, что помочь надо. Редактор молодой. Сам себе и заместитель, и корреспондент, и корректор, и распространитель. Тяжеловато ему. И вовсе привлекательным выходило то, что у него появился повод еще раз обойти все бригады.

Четыре месяца назад Мухан Арынов, начальник штаба большой экибастузской строй-

ки, по собственной воле ушел на слабый участок. В подрядную организацию «Сибэнерго-монтаж». Поближе к непосредственным участникам грандиозного дела, где каждый день и час можно знать их нужды, настроение, видеть, как решительно и строго движется вперед стройка.

И опять, как уже бывало, все началось с того, что он должен был определиться на своем новом месте. Удивительный это момент. Человек появляется среди других, незнакомых ему людей. Он должен произнести свое первое слово, сделать первое дело, которые будут оценены теми другими, особенно придирчиво и пристально. По этим первым шагам у многих составится твердое мнение о нем, которое потом очень трудно будет поколебать.

А первое дело было как раз такое, что потребовало от него выдержки.

Пришел к нему известный всей стройке бригадир и говорит, буквально, следующее:

— Тут дело такое, Мухан, парень из моей бригады комсомольский билет потерял. Ты бы, как-нибудь, потихонку выписал ему новый. Но чтобы без всякого там персонального дела, выговора, а? Парень, знаешь, он хороший, да вот только растяпа...

Бригадир посмотрел на лицо Арынова и понял, что не стоило ему заводить разговор на эту тему. Арынов человек мягкий, но это нельзя принимать за мягкотелость.

Я был свидетелем одного дня комсорга.

День есть день. Не о всей его работе я рассказал. Комсомолия знаменитой казахстан-

ской стройки живет напряженной жизнью. Приходится решать и мелкие задачи, и большие.

Как член комитета комсомола треста, Арынов отвечает за производственный сектор. Работа, которую он ведет, считается в комитете едва ли не самой важной. Мобилизовать молодых строителей энергетического комплекса на ударный труд — это главное, к чему стремится комитет комсомола. Много хлопот доставляет и Мухану Арынову, и всему комитету такой немаловажный вопрос, как создание полноценных комсомольско-молодежных коллективов. В тресте пока их создано девять, на участке «Сибэнергомонтаж» — два. Хороших производственников среди комсомольцев и молодежи на стройке много. Но как их объединить в боевой и работоспособный молодой коллектив? Арынов предложил свой метод. Он считает, что начинать надо с подготовки руководителей комсомольско-молодежных коллективов, которые должны сочетать качества командира производства, комсомольского работника и педагога. По предложению Арынова была создана в тресте школа бригадиров. Комитет комсомола треста не сам ее придумал. Такие школы в стране уже есть. У истока этого почина стояли такие знаменитые строители, как Н. А. Злобин, В. Е. Копелев, Н. П. Морозова. Опыт этой работы накоплен. Однако уже на первых порах стало понятно, что обучение в школе бригадиров требует совершенствования. Даже в признанных школах, опыт которых изучали Арынов и другие члены комитета комсомола, обнаружилось немало кустарщины и местничества.

Стремление комсомольской организации создать стройную систему подготовки кадров руководителей молодежных подразделений нашло поддержку у парткома и руководства треста.

Была разработана особая программа обучения, подобраны люди, которые могут квалифицированно вести обучение и воспитание бригадиров, звеньевых, начальников участков.

Работа школы бригадиров сыграла важную роль в формировании новых комсомольско-молодежных коллективов, от бригад и до первого в истории стройки молодежного управления.

Предметом особой заботы всего комитета комсомола и, в особенности, Арынова, как руководителя производственного сектора, является соревнование молодежи. В нем здесь видят большую мобилизующую силу. Руководство соревнованием заключается здесь в том, что у юношей и девушек, приехавших на стройку, воспитывается чувство ее хозяина, чувство ответственности за производство, инициативы.

Комитет комсомола проанализировал детально опыт руководства соревнованием на передовых участках производства и пришел к выводу, что там, где руководители доверяют юношам и девушкам работу по улучшению организации труда, там больше и экономический и нравственный эффект соревнования. Вот только один пример.

В комсомольско-молодежной бригаде Вячеслава Моисеева из «Сибэнергомонтажа», которая была занята возведением районной производственно-комплектовочной базы, по предложению комсомольского секретаря учас-

тка решила добиться значительного увеличения объема монтажных работ при той же численности рабочих. Для этого необходимо было перейти на научно-обоснованные нормы, резко повысить производительность труда. Новые нормы обычно связывают с увеличением нагрузок. Было у рабочих немало сомнений. Но первый опыт показал, что резервы тут скрыты значительные. И тогда, уже широко, под руководством парткома, вместе с профсоюзными активистами за внедрение новых производственных норм взялись многие комсомольско-молодежные коллективы. С карандашом в руках они доказывали: от пересмотра норм выиграет и государство, и стройка, и каждый рабочий. Сейчас эта работа позади. Пересмотрены многие производственные нормы. Увеличен объем монтажа, средняя заработная плата, с учетом выплат из возросших фондов поощрения, значительно поднялась. Теперь сами молодые рабочие вносят предложения о дальнейшем повышении норм. Это значит, меняется психологический климат в молодежных бригадах. Они из месяца в месяц перекрывают задания.

Но, разумеется, было бы ошибкой считать, что в социалистическом соревновании молодых строителей комплекса уже нет нерешенных вопросов. Иногда в беседах, которые проводили члены комитета комсомола, убеждались: некоторые юноши и девушки не помнят принятых ими обязательств, не знают результатов труда своих соперников, плохо представляют себе пути роста производительности труда, повышения качества продукции. Эти факты комитет комсомола воспринимает, как нетер-

пимые: не использовать до конца возможности соревнования — значит, не уметь хозяйствовать, не заботиться о воспитании кадров.

И тут производственный сектор внес на рассмотрение комитета комсомола деловые и конкретные предложения о том, как усовершенствовать формы и методы руководства социалистическим соревнованием.

Теперь вопросы трудового соперничества регулярно рассматриваются на заседаниях комитета комсомола. Комитет комсомола добивается того, чтобы каждый молодой труженик сделал выбор: в каком движении он хотел бы участвовать, какую инициативу поддерживать, за какие показатели бороться. Так осуществляется здесь важнейший принцип комсомольской работы — «дойти до каждого».

...Вагончики «Сибэнергомонтажа» видны с дороги. На одном, старательно прикусив кончик языка, паренек в монтажном шлеме закрашивал желтый овал.

— Что здесь будет написано? — спросил его Арынов и сам себе ответил: — Здесь будет написано: «Комсомольско-молодежная бригада Пономарева». Вместишь? Кстати, где сам Пономарев?

Пономарев сидел в вагончике и, нахмурившись, размахисто линовал рабочую тетрадь.

— Слушай, Виктор, — Мухан застучал застегивая портфеля, разыскивая бланки на подписку, — ты бытовку скоро в караван-сарай превратишь. Не можете покрасить, прибрать? Зачем эти гвозди? Разве нельзя вешалки сварить?

— Работы навалило. Бригада маленькая. Найдем возможность...

В морозный день

— Найди, Виктор. Вон у Пономарчука, видел порядок? Зови своих орлов подписку оформлять. Трестовскую газету нужно поддерживать.

— А то как же. Кто впереди из бригад, кто отстал — интересно все-таки.

Заходили по одному, по двое. Розовые от утреннего холода. Хлопали рукавицами. Все знали Мухана.

В бригаду Алексея Пономарчука ему никак нельзя не заглянуть. Ноги сами идут. Недели две назад он будто невзначай разговор о быте затеял. О том, что в вагончике темно и неинтересно. Из одежды свалка. Из обеденного перерыва — дымокур. Через два дня пришел и увидел на стенах крючки для одежды — сами гнули и варили. Еще через день рядом с окном железное кружево появилось — под-

ставка для цветов. Теплее станет — герань посадят. Может быть, в бригаде уже и не помнят, что желание жить красивее от слов секретаря зародилось, а все равно ему приятно.

Арынов решительно проник в тесноту вагончика. Бригадир Пономарчук — лохматый, веселый и стремительный, скомандовал:

— Ну, хорошо! Пятиминутка закончилась. Теперь на места.— И уже Арынову:— Мы тут в складчину радиолу приобрели. В обед музыку слушаем. Ты бы, Мухан, насчет пластинок посодействовал. Решили на производстве культуру насаждать...

— Правильно. А ты мне подписку организуй на газету...

— Это можно. Кстати, у меня как раз разговор на эту тему к тебе. С книгами у нас туговато. Помогите на бригаду подписку выбить. Библиотеку бы бригадную организовали... Завтра надо сходить в Союзпечать, договориться. Может, найдут какой дефицит. Наверное, самых активных своих подписчиков и они согласятся отметить. Он открыл страницу блокнота. Белую страницу завтрашнего дня и сделал первую пометку. Так обычно и выходило у него, что завтрашний день начинается сегодня утром.

...Солнце тем временем окончательно повернулось к весеннему полдню. На резиновые сапоги стала налипать бурая земляная каша. Тени от бетонных колонн, мимо которых он шел, укоротились. Здесь пока только колонны, но через несколько месяцев возникнет комфортабельная сборочная площадка, на которой будут собраны первые генераторы электриче-

ской станции. Это и для него будет праздник. И надо его приближать.

Что такое комсомольская стройка, молодежная стройка? Он ежедневно уточнял для себя этот вопрос: не только потому, что страна рассчитывает на участие в ней молодых своих питомцев. Больше для стройки значит, конечно, опыт бывалых людей. Но если он дополнен молодым азартом созидания, первым радостным удивлением своей рабочей удачей, юным огнем и задором, тогда сама стройка обретает молодость. Обретает живой пульс. Вот это-го никак нельзя забывать.

Он вспомнил о бригаде Анатолия Нешумова. Бригадир он опытный и деловой, а бригады у него, по сути, нет. Формируют ее, в основном, из тех, кто по каким-то причинам не ужился в других. Бывают среди них и просто случайные люди. Вот бы попробовать с самого начала повернуть дело так, чтобы бригадир держал курс на комсомольско-молодежную.

Арынов повернулся и опять решительно пошел к бригадным вагончикам.

Настроение бригадира Нешумова было на нуле.

— Я не скрываю — хорошего мало, — начал он излагать суть дела. — Четыре человека у меня не вышли на работу.

Нешумов нервно зашуршал бумагами.

— Вот, пожалуйста... Идут ко мне всякие. Другие же бригадиры не дураки, они же хорошего не отпустят. Ты понимаешь, какое дело. Одного прошу написать объяснительную — почему не вышел. Пишет: «Виновата вахтерша — не разбудила...»

Арынов знал, что другие бригады начина-

лись не лучше. Даже у Пономарчука. Нешумов — человек тертый. Панике не поддается. Тоска его временная. Будет в тресте еще одна комсомольско-молодежная.

Я встретил Арынова, когда он выходил из подъезда общежития. Он казался усталым и тяжело ступал по земле. Ему еще надо было зайти посмотреть, как строится дом для рабочих «Сибэнергомонтажа».

Бригадир скажет ему:

— Мы тут не дом строим, а пирамиду Хелопса двадцатого века — все вручную. Надо тут нам кое-что изменить...

Арынов опять откроет начатый лист завтрашнего дня и сделает в нем пометку. И это будет означать продолжение дел, предстоящих ему.

Он встретит еще старого бригадира Илью Лукьяновича. Выслушает совет мастера строительного дела и опытного человека. Совет ему нужен серьезный. Он будет говорить о том, кого из комсомольцев в его бригаде можно будет назвать кандидатом в коммунисты.

Он еще зайдет в подшефную школу номер один и договорится о встрече своих ребят с выпускниками. Завтра они могут придти на его стройку. Арынов — участник великой стройки, заботится о том, чтобы она была обеспечена молодыми рабочими руками.

Он еще зайдет к знакомому заехозу и выпросит железные уголки для стенда, который будет установлен у штаба. Арынов любит работать и заботится о том, чтобы были видны результаты этой работы.

И только потом он вспомнит, что не зашел в трест попросить вагончик для комитета ком-

сомола, для себя. У него нет пока постоянного места на стройке.

Прощаясь, Арынов пожал мне руку и пошел прочь. Наверное, он мог вспомнить и веселую сутолоку вокруг радиолы, и повеселевшее лицо бригадира Нешумова.

Все это были события одного дня. И автором этих событий был он — секретарь комсомольской организации Арынов.

Значит, есть и у него здесь свое место...

ПОВТОРЕНИЕ РАБОЧЕЙ ДОРОГИ

Это чем-то было похоже на урок. Самые бойкие пытались переговариваться, с опаской поглядывая на стол президиума, где сидели взрослые люди, специально для этого случая принарядившиеся. Самые прилежные ученики внимательно слушали и делали строже глаза, если оживление бойких достигало пределов дозволенного.

Выпускники школ города пришли во Дворец горняков. Они должны сделать сегодня первый в своей жизни решительный выбор.

А начиналось все несколькими месяцами раньше.

В школах Экибастуза проходили не совсем обычные собрания для выпускников.

Я присутствовал на одном из них.

Разговор шел о профессии строителя. И конкретно о тех, кто приехал возводить Экибастузскую ГРЭС-1. Собрания эти были не случайными. Вволнованно говорили выступающие. С напряжением и заинтересованным вни-

манием слушали эти выступления выпускники, даже те, кто не думал стать строителем.

Обсуждался призыв треста «Экибастузэнергострой» к выпускникам средних школ города. Трест приглашал их к себе на работу. Не просто звал, но и давал особые гарантии. Он брал на себя обучение профессиям, предоставлял высокую стипендию, оплачивал отпуск и дорогу тем, кто захочет сделать попытку поступить в институт.

И главное, каждому предоставлялась возможность начать свою дорогу по жизни с большого и важного дела.

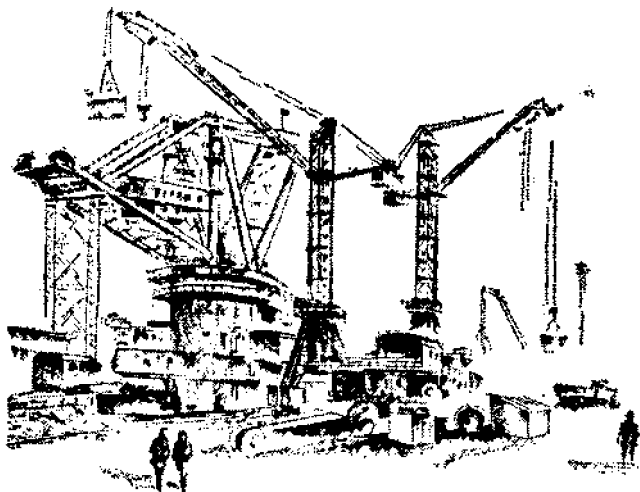
Все это показалось ребятам настолько заманчивым, что заявления с просьбой зачислить в строители ГРЭС стали поступать в комитет комсомола треста уже на другой день.

Первым такое заявление написал Саша Жарский. Представился он мне, правда, немного иначе:

— Александр,— по-взрослому сказал он уже вполне сформировавшимся басом и подал крепкую руку.

Семья Жарских приехала в Экибастуз шесть лет назад. С первого дня организации треста «Экибастузэнергострой» отец Александра Жарского руководит комсомольско-молодежной бригадой монтажников. Успехи и неудачи бригады, романтика большого дела — были главной темой вечерних разговоров в семье. Поэтому и случилось так, что о профессии монтажника Саша знал подробно, и ему не пришлось колебаться.

Отец не возражал и в душе, наверное, был даже горд. Приятно, когда сын идет по жизни тропой отца.

На монтажной площадке разреза «Богатырь»

А школу Саша Жарский окончил на «хорошо» и «отлично». Поступил на вечернее отделение технологического института, которое открыто в Экибастузе.

Многие ребята в тот день выбрали ответственную должность строителя Экибастузских ГРЭС.

Ветераны труда, почетные граждане Экибастуза вручили этим ребятам на слете выпускников города комсомольские путевки на ударную стройку.

И опять я заметил, что ветераны волновались в эти мгновения не меньше, чем сами ребята. Может быть, они вспоминали свои первые шаги по жизни, которые тоже начинались

в Экибастузе и привели их к вершинам почета и трудовой славы.

Дороги отцов продолжают сыновья.

БАЛЛАДА О МИЛЛИОНЕ

«...В связи с тем, что в районе Экибастуза намечено строительство мощных электростанций, значительно возрастет потребность в дешевом местном угле. (Разработка Экибастузского угольного месторождения является второй важнейшей составной частью строительства Экибастузского топливно-энергетического комплекса. Интенсивность этих разработок уже в скором времени не будет иметь себе равных в нашей стране.

В ближайшем будущем добыча угля из Экибастузского и соседнего с ним Майкюбенского месторождений возрастет до 170 миллионов тонн в год.

Вполне понятно, что для решения такой задачи нужно современное мощное горнорудное оборудование. В разрезе «Богатырь» пущен роторный, добычный комплекс ЭРШРД-5000. Машина, разработанная и изготовленная труженниками Ново-Краматорского завода, не имеет себе равных по производительности не только в нашей стране, но и за рубежом. Экскаватор-исполни способен выдавать на-гора 5000 тонн угля в час».

(Из выступления генерального директора объединения «Экибастузуголь» С. П. Куржея)

«Полтора года прошло с начала промышленных испытаний уникального роторного комплекса ЭРШРД-5000.

Недавно испытания замечательной машины успешно завершены. Государственная комиссия подписала акт приема ее в эксплуатацию.

Комсомольско-молодежная бригада А. Шишлова, работающая на пятитысячнике, приняла смелое решение: объявить месячник с 6 октября по 6 ноября ударным, штурмовать рубеж в один миллион тонн угля, при норме 750 000 тонн. Это обязательство перекрыто!..»

(Из сообщения в городской газете)

— Как видите — все просто. Колесо крутится, уголь идет... А мы к этой простоте два года шли.

(Из разговора с электриком пятитысячника
Николаем Каторжных)

Несколько фактов из предыстории. Коротко событие сводится к следующему. Мощнейший в стране роторный экскаватор за месяц добыл более миллиона тонн угля. Случилось это в экибастузском разрезе «Богатырь». Достижение можно смело приравнять к важнейшим событиям сегодняшнего дня нашей страны.

Впервые в мире освоена машина, обладающая фантастическими возможностями. Первый добытый миллион свидетельствует о том, что уникальная машина «встала на ноги» окончательно. Человеческое дерзание одержало еще одну убедительную победу.

Целых два года ушло на то, чтобы собрать исполинскую машину. Люди вкладывали в не-

одушевленный металл свою душу, и металл подчинялся их воле, становился их союзником.

Это тоже говорит о размахе, казалось бы, будничной работы. На монтаж пришли парни, которые еще только переступили порог своей рабочей судьбы. Два года работы стали для них настоящей школой жизни. Они дали им опыт, научили упорству, наделили неодолимой жаждой познания. Многие за это время поступили в институты и техникумы, освоили новые специальности, получили предельно высокие разряды. Люди совершенствовали технику — техника совершенствовала людей. Вот чем оборачивается сегодня даже такое, казалось бы, простое дело, как сборка одной единственной машины.

Были в этой истории моменты, полные подлинного драматизма. Нетерпеливым было желание людей немедленно овладеть теми возможностями, которые скрывала в себе машина. А она не могла работать в полную силу. Ломалась. Сказывалась стихия эксперимента.

Что ж, машина имела право на капризы. Она была первая. Обнаружились разнообразные неувязки. Начались подгоночные работы. Все просчеты конструкторов тут же устранялись. Бригаду монтажников можно с полным основанием назвать соавторами создателей пятитысячника. И не только потому, что они его собрали. Они предлагали свои конструктивные соображения, на их мнение зачастую ориентировались шефы из Ново-Краматорска, разработавшие идею и проект экскаватора нового типа. У простых рабочих за два года развилось инженерное мышление, которое теперь позволяет им с большим умением эксплуати-

ровать машину и совершенствовать ее дальше, уже самостоятельно. Практически нет такого узла, которого бы не коснулась пытливая мысль рабочего человека.

Люди приблизились к переднему краю технической мысли. Это не дается просто и безболезненно. Но это вселяет веру в себя, в неограниченные возможности человеческого дерзания. Молодой рабочий человек, покоривший железную машину, чувствует себя не только хозяином техники, но и хозяином жизни. Именно этот путь прошли молодые ветераны пятитысячника — от первого кубометра добытого угля до первого миллиона в месяц.

Рассказ машиниста Николая Лыбы о первом угле

— Начальство сначала хотело сборный экипаж сделать. Лучших из лучших, как обычно. Лучших-то, оно, конечно, найти всегда можно. А машину, которую мы собрали сами, разве кто-нибудь может знать лучше? Вот и вышло, что мне, Николаю Лыбе, довелось вырубить новой машиной первый кубик угля. Загрузить первый вагон.

Мы торопились в последние дни. Причина была. Партийный съезд открывался. И слово свое рабочее в эти дни нам хотелось сделать весомым. Да чуть загвоздка не вышла. Скорость-то у нашего экскаватора, можно сказать, бешеная. Полкилометра в час. Сутки едешь — и все знакомый пейзаж... Едва успели в забой.

Утро выдалось голубое и морозное. Медные трубы далеко было слышно. Народу нашего, своих ребят, руководства, представите-

лей набралось достаточно. Великан наш, покрытый изморозью, стоял тихо и насупленно. Праздничная суета казалась ему непонятной...

— Ну, что, Лыба, давай, пришел твой час,— сказал я себе.— Не артист ты, а вот пришлось показаться при таком стечении публики.

— Смотри,— предупредил я себя еще.— Высоко ты сейчас будешь сидеть. В случае чего далеко твой позор видно будет. Не подведи, машина,— как друга просил я.

Не подвела машина.

Тронул я теплые, привычные рычаги, и дрогнула она, как будто прислушиваясь ко мне. Готовая выполнить любое мое желание.

Спокойно мне стало от этого.

Поглядел я на табло. Цифры красные мелькают, будто подмигивают: мол, не робей.

И повел я упругую стрелу вдоль кромки забоя. Остановился. Плавно подал вперед. Зубья ковша колупнули черную стенку. Вдрогнул великан от неожиданности, будто задрожал от голодного нетерпения и пошел кромсать жирную толщу.

Я выглянул из кабины. Оркестр в это время гремел. Я только видел, как щеки надували трубачи и хлопали без звука литавры. За шумом работы ничего не было слышно.

— Пошло дело,— громче музыки зашумело у меня в голове.

— Ну, каково?— крикнул я по селектору.

— Нормально,— раздалось в ответ так, что я понял: тому, кто это кричал, очень хотелось плясать.

Вот и все, что я помню о первом угле. С того незабываемого дня большая машина стала нашим большим товарищем по работе. Маши-

на умная, добрая и работающая. Вот и думаю я теперь, что нет такого дела, которое не осилил бы человек. Каким бы невозможным оно не казалось, поддастся. Нет для человека невозможного.

Смена

Смена в пятитысячнике продолжается двенадцать часов. Потом, после суток перерыва, снова двенадцать. Потом — двое суток отдыха. Этот график на пятитысячнике придумали сами. Так удобнее.

— Раньше было — не успеешь спецовку сбросить и выспаться — снова ее надевай. Вот мы и решили по-другому, — объяснил старший машинист Николай Иванович Лыба.

...Первое впечатление от пятитысячника несколько неожиданное. Миллионы килограммов металла скомпонованы так, что создается видимость легкости. Проступает отдаленное сходство не то с птицей, не то с кораблем. Разумное всегда красиво. И экскаваторы — не исключение. Бледное кружево крашеного железа. Ощущение почти нереального размаха и величия.

Голос динамиков мощнейшей силы кажется голосом самого пятитысячника, и от этого металлическая махина представляется едва ли не одушевленной, обладающей независимой от воли человека силой, способностью к неподчинению. Каждый, кто видел пятитысячник, в первые мгновения ощущал состояние некоторой подавленности грозными необъятными объемами укрощенного металла.

Перед началом смены мы с помощником машиниста Ибрагимом Аббасовым поднимаемся на стрелу, которая оканчивается мощным кулаком ротора. Ибрагим проверяет состояние конвейера, осматривает ленту, постукивает по стойкам. Порядок здесь почти армейский. Сдача смены, прием и так далее. Я пытаюсь закурить на ветру. Коробок выпадает у меня из рук и как-то медленно, нехотя и косо устремляется к далекой земле. От этого движения холодно заныло под ложечкой. Здесь около сорока метров, а самая высокая точка «пятитысячника» пятьдесят семь метров.

Бригада, которая работает на «пятитысячнике», сложилась давно. Каждый узел и каждая деталь экскаватора ошупана и проверена в работе собственными руками. Надежность ее ощущается не теоретически, а тем особым чувством, которое дается нелегким опытом. Машина становится продолжением рук. Мощь машины как бы передается человеку, и он начинает чувствовать в себе ее неукротимую силу. Человек наделяет эту силу разумом, и она ему исправно служит. Человек волен в каждом движении машины, как волен в движении собственного тела, и это делает человека уверенным и могучим.

Вот о чем я думал в кабине машиниста Лыбы.

Смена обычно начинается так. Машинист Николай Лыба осторожным прикосновением к рычагам нацеливает исполинскую когтистую руку ротора на двадцатиметровый нижний срез угольного пласта. Таких ступеней перед экскаватором пока три. На наречии горняков они называются «шайбами». Разрез «Богатырь» в

Экибастузе самый молодой. Поэтому пока не глубоко.

— Миша,— склоняется Лыба к микрофону внутренней связи,— тут на нижней шайбе шпала лежит. Убери, пожалуйста. А то мы ее захватим.

— Ну, что, Марина, объявляй запуск конвейеров.

— Хорошо,— доносит в кабину приемник.— Внимание! Объявляется запуск конвейеров! Будьте осторожны!

И дальше по селектору происходит деловой и привычный разговор, который объединяет людей в работе.

— Ну, начинай, Николай Иванович.

— Подача есть? Давать уголь?

— Давай.

— Миша, мне кажется, мы в разрез не войдем. Ты на ход нажми, подай немного. Метра на четыре лыжи отбрось...

— Николай, подними консоль, сейчас будем отбрасывать лыжи...

Миша Тукаев — могучий человек, сидя у себя в кабине у красных и зеленых лампочек пульта, немедленно и без усилий передвигает экскаватор в нужном направлении.

Ротор, диаметром в двенадцать метров, начинает медленное вращение. Прежде чем войти в забой, нужно расчистить угольные завалы, оставшиеся от прошлой смены. И только потом ротор пойдет снимать сплошную угольную стружку, толщина которой измеряется метрами.

Помощник машиниста роторного комплекса
ЭРШРД-5000 Владимир Большагин

Когда-то для интереса засекали работу на часах. Николай Лыба заполнял железнодорожный состав за восемь минут. Это, конечно, быстрее, чем обычно. Впрочем, средняя скорость загрузки больше ненамного.

В общем, вот такая это была работа. Наверное, она должна показаться простой. Но я опять вспомнил слова, которые сказал электрик смены Николай Каторжных:

— Мы к этой простоте два года шли...

У Миши Тукаева другая работа. Я думаю, что он сам ее выбирал. Его дело требует спокойствия и сосредоточенности. Он машинист хода. В его кабине с потолка свешивается массивный ватерпас, потому что Миша должен поддерживать базу пятитысячника в строго вертикальном положении. Малейший наклон вертикали приводит к тому, что неровной и пологой оказывается трасса — дно забоя. Оно должно быть ровным, поскольку на это дно будут уложены рельсы железной дороги.

Характер у Тукаева ровный, спокойный. А это важно, когда ты едва ли не каждую минуту должен упорно, снова и снова совмещать центровую точку на полу кабины и острие отвеса.

К машине, ставшей уже привычной, он относится по-прежнему с почтением — так, как привык относиться к соперникам по борцовским схваткам. Он давно и успешно занимается этим видом спорта.

— Дело в Одессе было, — сказал он. — Вышел тогда против меня на ковер парень. Хилый с виду, но техничный. Я на легкую победу настроился, расслабился. А он раз-раз — и очкам выиграл. Вот тут тоже, на смену выхо-

дишь, и всегда надо быть собранным. Машина хоть и надежная и привычная, а мало ли...

Из кабины видно, как мощнейшие когнитые лапы ковшей размеренно рвут черную, жирную, поблескивающую стену угля. Если смотреть из кабины вниз, туда, где ковши приходят в размашистое соприкосновение с подошвой забоя, то зрелище выходит довольно захватывающим. Ковши, как хищные лапы, накрывая друг друга, гребут под себя дробную массу. Если бы это снять на кинолентку, получились бы, наверное, эффектные кадры.

Дальнейший путь угля нетрудно проследить. Поданный транспортерами в бункеры экскаватора, он не залеживается там. Железнодорожные составы подходят к подвижному заднему крылу пятитысячника почти непрерывно. Квадратно распяленные рты открытых вагонов заполняются мгновенно и четко. Дальше этот уголь ждут десятки длинных и коротких дорог.

Картина получается довольно стройная и ясная. Но случаются тут и такие минуты, которые сродни вдохновению. Я приехал на пятитысячник в тот день, начало которого для молодой бригады было блистательным. Утром, на стыке смен, была выдана досрочно миллионная тонна угля. Это был подарок бригады к празднику Октября. Дневная смена, ехавшая утром на электричке в разрез, отвлекаясь от домино, разложенного на чемоданчиках, обсуждала предстоящую удачу. По времени миллионная тонна выпадала им. В первый раз перед всей бригадой стояла задача добыть миллион в месяц. И вот он — этот миллион — шел в руки счастливицам.

А в это время миллионную тонну с восторженным нетерпением нагоняли парни старшего ночной смены Ю. Таловского. Они не останавливали машину до самого прихода автобуса со сменщиками. Эти двадцать минут, в которые укладывается рейс рабочего автобуса от административного корпуса разреза до пятитысячника, решили дело. Миллионная тонна была добыта в тот момент, когда автобус уже остановился у подножия экскаватора. Я очень жалел, что не мог видеть этих мгновений. Думаю, что в это время трудовое напряжение, характер труда обнажился до предела. Быть сторонним свидетелем вдохновенной рабочей минуты — одно это становится незабываемым.

Я уезжал из разреза вечером. В кабине тепловоза, пришедшего с очередной подачей вагонов. Облагороженный светом вечернего солнца разрез, высоковольтные опоры, убегающие вперед стремительные серебристые рельсы — все говорило о разумности и величии человеческого труда.

В эти минуты Миша Тукаев в своей кабине, полной разноцветных, как в новогоднюю ночь, огней, рассказал Ибрагиму Аббасову и помощнику электрика Ване Бакулину о том, как он в очередной раз чуть подшутил над корреспондентом. Он веселый человек — Миша Тукаев. Для корреспондентов, которые часто навещают на пятитысячник, у него всегда готов дежурный розыгрыш. Надо его только спросить.

— А как ваш экскаватор передвигается?

— Как? — задумывается на минуту. — Ждем зимы. Как снег упадет, мы его толкаем. Он же, сами видите, на лыжах...

Бригадир

Перед началом смены с бригадиром Анатолием Шишловым пробираемся в густом потоке горняков, прибывающих на разрез. Он здесь известен многим — этот бригадир.

— Что, миллионами жидаетесь? — с улыбкой окликает его то один, то другой.

— Есть маленько, — отвечает он.

Знаменитый миллион был выдан два дня назад. Почтительное удивление перед этим событием еще не успело выветриться.

Бригадир Шишлов стал как бы олицетворением этого миллиона. Живым свидетельством замечательного трудового подвига. А это уже слава.

Слова эти могут показаться громкими. Особенно для самого Шишлова. Но в них нет преувеличения.

Когда пятитысячник был еще только грудой металла, друзья Анатолий Шишлов и Николай Лыба работали механиками в разрезе «Южный». О новом экскаваторе тогда заговорили все. По-разному говорили. Удивлялись его мощи. Сомневались в том, что подобную машину можно «поставить на ноги». Восхищались тем, что именно экибастузским горнякам выпала честь испытать новую машину. Шишлов и Лыба отреагировали на все это по-своему. Они пришли к начальству с просьбой перевести их на монтаж пятитысячника.

Они были первыми. Шишлов теперь вспоминает это время с улыбкой. Но тогда это решение стоило многих раздумий, сомнений, разговоров с друзьями и семьей.

Новое дело было заманчивым. Чертежи и

цифры расчетов — всего лишь смелой мечтой. Правда, мечтой деловой, подкрепленной долгим опытом, знаниями сегодняшнего дня, всей историей техники.

И тем не менее впереди была неизвестность. Неизвестность, в которой всегда содержится значительный элемент риска.

Да и вообще человеку трудно бывает вот так сразу решиться сойти с накатанной дороги и начать новую — трудную, неизведанную. Была у людей хорошая зарплата, проверенная работа, видное положение опытных специалистов. Жизнь могла катиться гладко и ходко, без толчков и ушибов.

Вот так и вышло, что те, кто были постарше, так и не смогли освободиться от крепкой власти хорошо отлаженного, спокойного прежнего дела. Пятитысячник стал делом молодых. Бывшие его монтажники и наладчики остались работать на нем. Стали машинистами, электриками, механиками.

Несколько лет назад на монтажную площадку пришли два десятка молодых людей разного стажа и опыта работы. Общее у них было одно. Они одинаково не знали предстоящего дела. Два года работы на монтаже экскаватора, во-первых, дали этим людям необходимое знание новой техники, во-вторых, люди эти накопили тот бесценный опыт, который не приобретаешь с чужих слов. Этот опыт дается тогда, когда каждый узел, каждая деталь машины ощупаны собственными руками и знакомы тебе, как пять пальцев. В-третьих, два года работы на монтаже четко разделили людей по способностям и склонностям к будущей работе.

По сути, все эти два года в бригаде не было разделений на «начальство» и «подчиненных». У всех было одно звание — монтажники. Руководили работами шефы из Ново-Краматорска. И все-таки уже с первых месяцев определилось особое негласное, но единодушное подчинение молодых энтузиастов нового дела Анатолию Шишлову.

Сам Шишлов никогда этого не добивался.

Просто он был упорнее других, настойчивее, энергия его в преодолении многочисленных трудностей была заразительна и действовала на других. Может быть, и то, что он был чуть постарше других, имело свое значение.

Я разговаривал о бригадире Шишлове со многими. Несколько раз в этих разговорах мне встречалось слово «удачливость». Слово это заключало в себе понятие некоего исключительно везения, предопределенного судьбой. Можно было понять, что о Шишлове теперь думают, как о человеке, к которому удача сама напросилась в гости.

И чем больше я узнавал о бригадире Шишлове, тем больше мне нравилось слово «удачливость» в приложении к нему. Потому что само это слово начинало приобретать новый вес и новое значение.

Да, он удачлив, потому что смел и не боится связать свою судьбу с новым и неизведанным. Да, он удачлив, потому что любопытен к своей работе — он раньше других освоил все специальности, необходимые новой машине, и другие учились у него. Да, он удачлив, потому что выбирает для себя большое дело, которое требует напряжения всех сил.

Я знаю, что он думал о своем личном успе-

хе. Ему нужен был успех, потому что это был бы успех нового.

Удача — дело случайное, но она никогда не дается в руки случайным людям.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Металл легко вздрагивает под нашими ногами. Совсем легко, будто прислушиваясь. Мы проходим по площадкам, строго огороженным поручнями, взбираемся по вертикальным лестницам, задевая спиной ленты полуобручей, которыми щедро сдобрены эти лестницы. Все это признаки той опасности, которой подвержена работа монтажников.

Нас толкает вперед неумолимый интерес посмотреть самую высокую рабочую площадку. Расположена она на высоте пятидесяти семи метров. Такова предельная высота еще одной новейшей исполинской машины, которую здесь собирают.

Три монтажника работают на этой высоте. Над ними, на флагштоке, венчающем дерик-кран, развевается на ветру красный флаг.

Я ехал сюда с таким чувством, которое легко поймет всякий, кто заранее готовит себя к встрече с незаурядным событием и делом. И самым замечательным мне казалось то, что дело это вершится очень далеко от центральных мест страны. На монтажной площадке, принадлежащей объединению «Экибастуз-уголь».

Отсюда, сверху, еще более броским стал размах монтажной площадки. Внизу — люди,

каждый день на эту площадку приходят сто двадцать опытейших специалистов-монтажников и инженеров. Внизу — нагромождения разнообразнейших грузов — кабелей, металлических конструкций. Тысячи тонн. Идет сборка еще одного уникального роторного комплекса для добычи экибастузского, самого дешевого в стране угля. Сборка идет медленно и напряженно.

Трое монтажников, к которым мы пробирались по стальным сплетениям временных переходов, — это звено. Командует звеном Петр Лагутин. Вместе с ним на самом высоком «пяточке» монтажа работают Николай Репин и Владимир Чепуштанов. Работа почти закончена. Установлены блоки для тросов, толщиной в руку, при помощи которых будет приводиться в движение двухсотдвадцатитонная роторная стрела.

— Многого можно от нее добиться... Наша работа будет надежной, это мы гарантируем. А как она будет служить — это уже от других зависит. Вот нам и хочется, чтобы машина в надежные руки попала, — пересиливая шум ветра, за всех говорит звеньевой Лагутин.

Звеньевой знает, о чем говорит. Возможности машины огромны. Таких машин в нашей стране пока только три. Вернее, будет три, когда войдет в строй та, которую собирают сейчас Лагутин и его сто двадцать товарищей.

Первый экскаватор собирали на этой же площадке.

Сборка второго экскаватора — это, по сути, продолжение эксперимента. Практически он ничем не отличается от первого, но опыт и зна-

ния, которые пришли при его сборке и наладке, служат монтажникам сегодня значительным подспорьем.

Новый роторный комплекс будет собран за полтора года. Этот прогноз подтверждает начальник участка Павлодарского монтажного управления треста «Казпромтехмонтаж» Алексей Гусев.

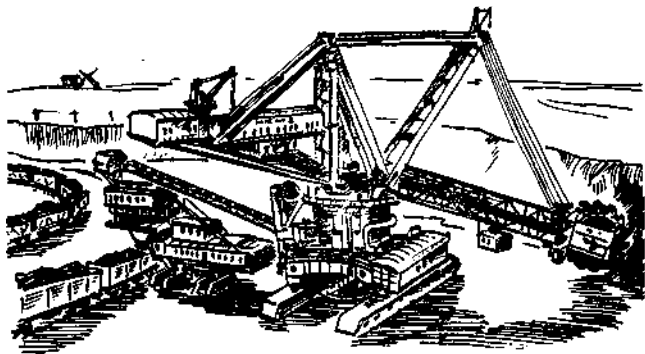
Сроки сборки были сокращены почти на полгода.

Это могло произойти только потому, что в дело вступила сила человека, свободного от неуверенности в своем деле. Первый успех заставляет людей отыскивать более строгий и прямой путь к новому.

Алексей Гусев объясняет это так:

— Вот, например, взять роторную стрелу. Мы как ее монтировали? По проекту, который нам прислали из научно-исследовательского института, мы должны были поднимать ее при помощи сложнейшей системы полиспастов. Это, знаете, блоки, лебедки, пять километров тросов и прочее. Сложнейшая работа. Причем, выполняется она на высоте в тридцать метров. А вес не игрушечный — двести тонн с хвостиком. По плану, который нам институт предложил, мы должны были с этой стрелой около месяца возиться. А мы придумали свою систему. Делаем, как нам удобнее. Подняли стрелу четыремя кранами. За смену управились, даже сварку успели сделать. Ну, это, конечно, потому, что крановщики у нас асы,— закончил он.

При сборке второй машины изменена сама схема монтажа. Все важнейшие блоки и узлы собираются, как говорят монтажники, «на ну-

В угольном забое шагающий экскаватор
«ЭРШРД-5000»

левой отметке», то есть прямо на земле. Это удобнее. Тут же выполняется клепка, сварка, монтируются площадки для обслуживания. Потом готовый блок по отработанной схеме подъема кранами водворяется на свое место. Это экономит время, уменьшает риск, дает удовлетворение работой.

Но остается напряжение. Начальнику участка и мне сейчас вовсе нетрудно называть эти цифры — двести восемьдесят тонн, сто пятьдесят тонн, двести двадцать, сто десять... Двести восемьдесят тонн весит блок нижней рамы, которую нужно было поднять на высоту шесть метров. Сто пятьдесят тонн весит блок консоли противовеса, который надо было поднимать на высоту тридцать метров. Размеры этих блоков огромны. Наиболее сложной и ответственной у крановщиков считается работа, в которой участвует огромный вес, приплюсованный к неловкому размаху габаритов.

Здесь на сборке работа сплошь такая. Шесть сверхсложных подъемов было осуществлено на монтажной площадке объединения «Экибастузуголь». И можно с уверенностью сказать, что все они были неповторимыми. Потому что неповторима сама работа, которой здесь заняты люди.

Я запомнил, как просто и хорошо ответил на мой вопрос бригадир крановщиков Александр Яуфман.

— Ну, я вижу, тут у вас работа напряженная,— сказал я.

— Напряжение наше вот оно где,— указал Яуфман на серебро своих висков.— А годков-то мне только тридцать два. Вот и судите. Скучать не приходится. Дело у нас сами видите — большое. Сто пятьдесят тонн мы уже и за груз не считаем. А помню один из первых маленьких еще экскаваторов собирали, надо было тридцать пять тонн поднять, так мы этот груз целый день стропили и проверяли. Скучать не приходится. Зато плоды нашего труда — вот они!

Он широким жестом показал на дерзко размахнувшееся в голубом просторе железо пятитысячника.

ТАК НАЧИНАЛИСЬ...

Звеньевой Николай Голубев выглядит озабоченным. Он ходит вокруг опалубки, похожей на срезанный сверху конус цирка «шапито», и говорит растерянно:

— Где я возьму сто метров троса, если я ни метра не получил? Где я его возьму, если у меня не было тросов даже на удавки и стропы?

Главный инженер проекта дымовой трубы станции Давид Гладштейн тоже время от времени нарушает сосредоточенный ход мысли мастера участка вопросом о тросе.

— Васильич,— говорит он,— трос нужен, хотя бы стычной,— опалубку стянуть. Минус пять градусов на дворе, боюсь я, что при такой температуре бетон будет распирать опалубку.

— Нет у меня даже ржавого. А вообще-то чего беспокоиться? Бетон подогретый пойдет. С паром.

На верхней опалубке происходит деловая суета бригады трубокладов. Площадка засте-

лена свежеструганными сосновыми досками и чудесно пахнет смолой.

Трубоклады по ходу дела переделывают тачки, которыми на первых порах будут развозить поступивший сюда бетон, равномерно заполняя им опалубку. Они переделывают тачки на свой лад и придумывают для каждой веселое название. Надписывают тачки, как корабли. Самую вместительную назвали «Титаник». И именно потому, что она переворачивается часто и без предупреждения. Смеются.

Из небольшого автобуса с крупными буквами на борту «Энерговисотспецстрой» выходит дюжина именитых специалистов, которые все вместе являются коллективным автором трубы первой экибастузской электростанции. Они съехались специально к этому дню из разных городов страны.

Труба — дело не шуточное.

Разговоры происходят сугубо деловые, но эмоциональные.

Начальник участка Николай Сергеевич Печерский ходит по струганным, легко вздрагивающим доскам верхней площадки. Оглядывает сверху всю машину опалубки, которую видит ежедневно уже в течение двух месяцев, внимательно и настороженно, будто впервые.

— Волнуетесь?— спрашиваю я.

— Разве у меня сердце не такое, как у всех?— отвечает он.

Ждем бетона.

Главный инженер проекта Давид Гладштейн, спасаясь от пронзительного ветерка, донимающего нас уже несколько часов, уходит погреться в автобус. За ним идут остальные.

Долго сидеть в нем нам не пришлось. Печерский погнал автобус на бетонно-растворный завод. Бетон задерживается.

Бетон марки четыреста на строительстве Экибастузского топливно-энергетического комплекса будет приготовлен в этот день тоже впервые. Может, поэтому его и нет так долго. Бетон этот должен обладать многими замечательными качествами, быть высокопрочным и пластичным, должен быстро «схватываться», но сохранять упругость. Приготовить такой бетон так же трудно, как замесить хорошее тесто.

Вот так примерно и начиналось торжество закладки первой трубы экибастузских ГРЭС.

Труба эта уникальна во многих отношениях. Ее высота достигает трехсот тридцати метров. Завершать строительство будут вертолеты. Внутри ее монтируется особый кремниевобетонный ствол, который защитит внешнюю оболочку трубы от излишнего и разрушительного жара.

Но самая важная и главная деталь та, что само строительство будет вестись необычным способом. Впервые в строительстве сооружения такого диаметра будет применена скользящая опалубка, которая позволит вести непрерывное бетонирование от первого и до последнего метра. Конструкция этой опалубки разработана специально для Экибастуза с участием специалистов из ГДР. Изготовлена она на Можайском заводе гидротехнического оборудования. Заводской номер опалубки — первый.

...Ее собирали два месяца. Вживались в ритмы, которые задает стройка, осваивали слож-

нейшее оборудование. Молодая бригада трубокладов, которая начинает строительство трубы, специально сформирована для того, чтобы вести монтаж новой опалубки. Опыта у трубокладов не было никакого. Они и сейчас еще не привыкли к новому для них слову «трубоклады», как их теперь называют.

Первую машину с бетоном окружают с почтительным нетерпением.

Лаборантка Светлана наполняет жестяной конус зеленоватой жижой раствора. Прежде чем бетон займет свое вечное место, он должен пройти еще одну завершающую стадию контроля. Разумеется, сейчас это чистая формальность, потому что первый бетон на заводе готовили с терпеливым старанием и тщательностью. В кабине самосвала прибыл главный лаборант, чтобы присутствовать на торжестве закладки первого бетона.

Светлана поднимает конус и пробный бетон, дрогнув, свободно растекается. Десять-двенадцать сантиметров в диаметре должна образоваться его вязкая лепешка. Так оно и вышло. Все довольны, но только не главный лаборант.

— Надо же,— говорит он,— на заводе пробовали, нормально было. Растрясло его, что ли,— вроде шире, чем надо, растекся.

И срочно отправляется на завод менять добавки.

А первый бетон бережно подают наверх. У тачки происходит веселое столпотворение. Ее опрокидывают в воронку, соединенную с опалубкой, сразу трое. Выходит, что и слава укладки первого кубометра бетона принадлежит теперь троим — бригадиру Сергею Лаза-

реву, трубокладу Николаю Сидорову и прорабу Ивану Педеру.

В город возвращаемся поздним вечером. Тряский автобус обступила ночь. Кто-то из трубокладов оборачивается на стройку и говорит:

— Смотрите, а труба-то наша, хоть и низко сидит, а уже видна издали... Расти ведь начала.

Все оглянулись. Усеченный конус опалубки, увешанный гирляндами огней, излучал в темноту тихое и ровное сияние.

Трубы еще не было, но ее уже называли «нашей».

Это было добрым началом дела.

ОПАЛУБКА

Труба первой электростанции растет, как гриб. Это не только привычный образ. Гигантский бетонный пень трубы, увенчанный оранжевыми конструкциями опалубки, действительно напоминал исполинский гриб, выросший на опушке железного леса конструкций главного корпуса.

Я часто слышал разговоры об этой опалубке.

Давид Гладштейн, главный ее конструктор, начал о ней речь с неблизких времен. Он вспомнил, что идея скользящих опалубок относится к началу нашего века.

До сих пор с помощью скользящих опалубок строились трубы только сравнительно небольшого диаметра. До двадцати метров в основании. Если требовалась труба большего

диаметра, то начинали строить ее обычным способом, с помощью переставной опалубки и уже потом на высоте сорока метров монтировали скользящую. Этот чрезвычайно неудобный и трудоемкий метод был явно несовершенным, отставал от требований сегодняшнего дня.

Впервые такая мысль появилась в стенах московского института «Гидроспецпроект». Кому она пришла в голову первому, теперь уже трудно установить. Словом, целая группа конструкторов, в которую вошли Давид Гладштейн, Валерий Аврукин, Вениамин Графкин, Валентина Буганина, начала разрабатывать новинку. Работа над ней продолжалась полтора года. Обычное дело конструкторов, в котором постоянно присутствуют и напряженный поиск, и творческая бессонница, и риск первопроходцев. В принципе, работа казалась несложной. Общая идея скользящей опалубки известна давно. Надо было только увеличить ее диаметр. Но и в этой простой работе конструкторов поджидали неожиданности. Во-первых, увеличившийся объем опалубки требовал чрезвычайно прочной сварки. Опытные сварщики прошли специальный курс. Каждый сварной шов просвечивали рентгеном. Заново, в соответствии с размерами, разрабатывались все детали опалубки. В течение полутора лет было выполнено около двух с половиной тысяч чертежей. После того, как работа в конструкторском бюро была завершена, после того, как был тщательно изготовлен заводской образец под номером первым (кстати, вот этот, который поступил на стройку в Экибастуз), после того, как заводские испытания на

прочность закончились, вдруг выяснилось, что, если диаметр опалубки достигнет сорока и больше метров, она не сможет сама из-за собственной тяжести «скользить» вверх по трубе. Пришлось обдумывать принципиально новый механизм и принцип подъемного хода опалубки. Принцип этот был найден. Опробован он будет тоже в Экибастузе.

Новая опалубка, даже при самых медленных темпах строительства, увеличивала его скорость, по сравнению с традиционным способом, в два раза. Труба первой Экибастузской электростанции требовала именно такого времени. Иначе мог быть нарушен график пуска первых энергоблоков. Опалубка под номером первым, которая, практически, не проходила другой проверки, кроме заводских испытаний на прочность, сразу была отправлена на строительство уникального объекта. Решение это было продиктовано производственной необходимостью. Суровой производственной необходимостью, которая иногда требует от человека особой решимости. Производственной необходимостью, которая взрывает тишину рабочих кабинетов напряжением споров, конфликтов, страсти. Через все это прошла новая опалубка. И теперь уже можно сказать, что риск, которому подвергали себя равнодушные к судьбам экибастузской стройки люди, оправдал себя.

Опалубка «чувствует себя» на стройке довольно уверенно.

Мой рассказ об опалубке номер один был бы неполным, если бы я не сказал о работе ее сборщиков.

Самым первым на строительство трубы прибыл Николай Сергеевич Печерский, опытный строитель, ставший начальником участка. Некоторое время он был единственным трубокладом на стройке. Потом на строительство будущей трубы прибыло еще несколько человек, получившие должности механика, геодезиста, мастера. Бригаду трубокладов стали собирать из местных строителей. Самая большая труба, которую многие из них видели до сих пор, была труба местной ТЭЦ.

Пришла опалубка. Тысяча деталей. Гора металла. Из него должно было возникнуть умное, целесообразное и работоспособное сооружение.

Заводские умельцы, которые испытывали опалубку в заводских условиях, сами, наверное, испытывали некоторую растерянность, потому что забыли промаркировать детали. И теперь их приходилось собирать на ощупь, методом подгонки. Детали не подходили. Приходилось пробовать тысячу сочетаний. Кружала — дольки гигантского обруча, охватывающего щиты опалубки, оказались некомплектными. С ними тоже пришлось повозиться. И, наконец, работа вовсе остановилась, когда вдруг оказалось, что невозможно состыковать верхнее и нижнее кольца жесткости, без которых невозможна общая устойчивость опалубки. Отверстия нижнего кольца не совпадали с отверстием верхнего. Стойки, скрепляющие кольца вместо строгой вертикали, образовали нечто, похожее на покосившиеся колья старой изгороди. Всю работу надо было начинать сначала. Руки у ребят совсем опустились.

Вот тут и сказался организаторский талант начальника участка Николая Печерского.

И когда опалубка, наконец, пошла исправно, сантиметр за сантиметром набирая полную высоту первой трубы, никто об этих трудных минутах и не вспомнил.

— Мы были счастливы,— вспомнил в разговоре со мной прораб Иван Педер.— Мы чувствовали себя рядом с тем делом, которое нам доверили, слишком молодыми и неумелыми. И все-таки победили. Приятно побеждать...

БЕТОН

Полными особого напряжения и легко улавливаемого драматизма бывают на стройке производственные совещания. На одном из них речь шла о бетонном заводе.

Заместитель министра был краток. Он — свидетель и участник почти всех энергетических строек, начиная с Днепрогэса.

Он начинал говорить как будто спокойно.

— Почему бетонный завод до сих пор не готов?— спрашивал он.

И то, что ни у кого не находилось ответа на такой, казалось бы, простой и конкретный вопрос, выводило его из равновесия. Промахов он не терпел. Он знал, что значит для такой стройки нормально работающий бетонный завод.

— Игра кончилась,— громыхал он.— Я не потерплю больше срывов графиков. Я приказываю в ближайшее время реконструировать

бетонный завод с тем, чтобы в нем было минимум людей и максимум механизации...

Работы по реконструкции и доводке завода даже ко времени этого совещания были развернуты полным ходом. Уже через непродолжительное время завод стал выдавать по сто пятьдесят — сто шестьдесят кубов бетона в смену, вместо тех пятидесяти, которые выдавал первоначально. Это был первый небольшой успех бетонного.

Завод готовил себя к новым успехам. К новым успехам готовили себя люди, которые работали на заводе.

Рядовому бетонному заводу, который был построен в спешке и в силу этого обладал целым рядом досадных недостатков, предстояло решить сложную задачу.

Об этом говорили осторожно, как обычно говорят о большом деле, которое пока скрыто от постороннего взгляда, и поэтому не бросается в глаза.

Разговор с Зауре Масиной, инженером-лаборантом, начался с забот.

Она говорила о нехватке рабочих рук, о том, что заводы, которые поставляют щебень, песок, гравий, не всегда следят за качеством своей продукции, а потом сказала:

— Вы знаете, такой бетон, из которого мы делаем первую трубу экибастузских ГРЭС, мы делаем впервые. И сама труба из подобного бетона будет построена в нашей стране впервые.

Она говорила о бетоне марки «четыреста». Этот бетон завод начал выпускать около месяца назад. И как все, что делается впервые,

этот бетон до сих пор не во всем выдерживал критику. Это было объяснимо.

Есть такое понятие — «построечные условия». Это условия максимального приближения к требованиям стройки. Бетон должен делаться непрерывно, в больших количествах, в продолжение длительного времени.

Первая труба Экибастузских ГРЭС требует именно такого бетона. Экономичного, высокопрочного, морозостойкого, водонепроницаемого, способного противостоять огромной температуре и выдерживать значительную нагрузку. В лучших институтах страны, которые давно уже зарекомендовали себя «законодателями» бетона, родился его рецепт.

Мы говорили о бетоне марки «четырееста» с главным технологом Всесоюзного объединения «Гидроспецстрой» Александром Васильевым.

— Если вы в Экибастузе уже довольно продолжительное время,— сказал я,— значит, то, что здесь происходит, для вас важно?

— Вот именно,— подхватил он.— Из такого бетона у нас в стране построено пока только одно сооружение. Это ставшая прочно знаменитой Останкинская башня. Труба, которую мы строим сейчас, будет вторым сооружением. Я работал на Останкинской башне. Был рядовым мастером. Считаю, что настоящую проверку бетон «четырееста» начинает только сейчас. Конечно, условия, в которых строилась телебашня, тоже можно назвать построечными. Но, подчеркиваю, это были идеальные условия. Бетонный завод, который был построен там, рассчитан только на выпуск этого бетона. Самые лучшие и высшие пробы цемента стра-

нашла возможным использовать для того строительства. Отклонений от требований к качеству не было. Нещадно браковались целые составы и с цементом, и с гравием, и со щебнем. По строительному значению труба Экибастузской ГРЭС мало чем отличается от знаменитой телебашни. Давайте сравним такие цифры: бетонная часть Останкинской телебашни равняется тремстам восьмидесяти метрам в высоту, а эта труба — тремстам тридцати. Теоретически мы вложим в тело трубы десять тысяч кубометров бетона, в Останкинской же башне — двенадцать тысяч кубов. Нагрузка на стены и башни, и трубы, по сути, тоже одинакова. Останкинская башня «несет» на себе весьма тяжелый шпиль из стали, вместительный ресторан, лифты и прочее оборудование. Внутри нашей трубы висит кремниевобетонный ствол для отвода газов. Кроме того, лифт и разнообразная автоматика. Вот и выходит, что практической разницы по строительной сложности эти сооружения не имеют. И, самое главное, мы строим первую трубу из сложнейшего бетона в «построечных условиях». До сих пор это считалось едва ли возможным.

Пока мы говорили, бетономешалка, вокруг которой суетились лаборанты, механики, операторы, успела загрузить четыре машины бетонной смесью. Главный технолог не решился ни одну из них отправить «на трубу». Пятая показалась ему годной.

— Вот так теперь и держите, — приказал он. — Не больше ста шестнадцати литров воды на куб. Чем меньше воды, тем — лучше, — оглянулся он на меня. — Вообще бетон — это

такая загадочная штука, что можно только на опыт надеяться.

Бетон я видел часто. И до этого дня всегда думал о нем, как о чем-то самом обычном и даже скучном. А он вдруг оказался необыкновенным. Искусственный материал, сделавший революцию в строительстве. Необычный материал, который, однажды родившись, прочно вошел в нашу жизнь. Специалисты, с которыми я говорил, не могут предположить, что где-нибудь, в обозримом времени, может появиться другой материал, способный вытеснить бетон.

Судя по тому, с каким интересом и желанием работают сейчас лучшие специалисты страны над созданием бетона «четыреста» в «построечных условиях», ему предстоят новые важные дела. Первая труба Экибастузских ГРЭС — эксперимент. Первый шаг замечательного бетона. За ним должны последовать другие.

Что же это все-таки за чудо такое — бетон?

Бетон «четыреста» назван так потому, что он чрезвычайно прочен. Пробный кубик его способен выдержать давление четыреста килограммов на квадратный сантиметр...

Есть азбучный пример того, как без особых усилий можно разрушить самые прочные горные породы. Камень несколько раз накаляется и охлаждается водой. Камень развалится. С бетоном этого не случится. Вода, попавшая в поры камней, при замерзании расширяется и таким образом тоже их разрушает. Бетон же способен выдержать многократное замерзание и оттаивание, даже когда перенасыщен

водой. Он морозостоек. В условиях сурового казахстанского севера это качество особенно ценно.

Снова стоим у бетономешалки. Она грохочет натруженно и тяжело. В ее недрах происходит непрерывное движение. Будто лемехи стремительно вспахивают сплошную цементную жижу стальные крылья смесителей. Пять минут происходит это вращение, затем створки бетономешалки открываются, и густой серо-зеленый поток падает в кузов самосвала. Бетон готов. В открытый люк видно, как он медленно расплзается по кузову.

Васильев смотрит вниз придирчиво. Соразмерность и стройный порядок видит он в том хаосе, которым представляется мне вся эта круговерть с бетономешалками.

— Можно!— говорит он коротко. Это означает, что настоящий бетон получен и его можно укладывать в тело трубы.— Поеду посмотрю, как он будет укладываться...

КРАСНЫЙ ДЕНЬ

Оркестр грянул бодро, и все повернули головы в сторону свежей железнодорожной насыпи. Но первого поезда пока нет. Оркестр пробует слаженность и железную силу голосов.

Людмила Зобова, которая сидит у пульты управления дорогой, держит в руках лист бумаги. На нем косо и стремительно разбежались слова. Она повторяет эти слова тихо и проникновенно, как стихи.

«Внимание,— написано на бумаге,— на первый путь прибывает угольный состав назначением на станцию Павлодар. Будьте осторожны!..»

Скоро она произнесет эти слова, и это будет означать двойной дебют. От новой станции «Акбидай» отойдет первый угольный состав, а она, Людмила Зобова, проводит этот состав в новой для себя роли дежурной по станции.

Пульт, у которого сидит Зобова, стал центром, вокруг которого происходит деловая праздничная суета.

Появляются и исчезают люди в форменных фуражках и без фуражек, в кителях и просто в ковбойках. Они озабочены. Слова, которые они говорят, стремительны и дышат напряжением дела.

— Предупреждения готовы. Я пойду с ними к машинистам.

— Маршрут проверен. Надо Майкаин запрашивать. Готовьте телефонограмму.

— Я механиков предупредил, что мы откроем маневровый.

— Кто сигнал будет подавать? Ты чего разделся? Надевай фуражку — и к путям.

Дежурный по парку Владимир Яцук надевает красную фуражку, по которым легко узнают железнодорожное начальство, и идет к первому пути. Старший инженер по безопасности движения поездов Надежда Колмогорова тоже не отходит от пульта. Она инструктирует новоиспеченную дежурную и внушает ей покой своим невозмутимым видом.

— Майкаин будем запрашивать?

Дежурная берет черную переговорную трубку рации и спрашивает:

— Могу ли я отправить номером первым в Майкаин поезд три тысячи второй? Пишете?

— Все понятно, отправляю,— дежурная слегка путается, и даже поза ее напряжена.

Иногда у пульта наступает тишина, и тогда из приоткрытого окна сюда долетает музыка и торжественные слова выступающих, усиленные динамиком.

— Открытие восточного крыла — важнейшее событие,— говорят за окном о сегодняшнем дне.— Теперь мы имеем возможность отправлять богатырский уголь Экибастуза без задержек на Урал и дальше, в глубь России. Мы разгрузили другие станции, на которые через год, когда будут введены первые энергоблоки, легла бы дополнительная нагрузка...

Дежурная Зобова вникает в смысл этих слов и улыбается. Может быть, она довольна тем, что лично причастна к празднику на станции Акбидай.

Вдруг она спохватывается.

— Там уже с ножницами пошли, ленту перезать, а я отправку не дала.

Над станцией, над пожухлым и жарким простором степи раздается ее совсем спокойный голос.

— С первого пути отправляется...

Поезд медленно, словно прислушиваясь и пробуя железнодорожное полотно, выезжает на первые метры новой дороги. Новой дороги экибастузского угля.

Коля Кончиков — молодой бригадир монтажников. Пять минут назад он провел на ночном ветру короткое летучее совещание. Было произнесено всего несколько фраз.

— Без меня не подавать ни одной команды,— сказал Кончиков.

— Только «стоп» имеем право давать,— уточнил мастер Николай Дмитриевич Никифоров.

Внизу, в котловане, лежит портал. Гигантский полый цилиндр на треножнике, весом в полсотни тонн. На это основание будет установлено кружовное железо крана.

Портал освещен прожекторами. Сегодня ночью он должен «встать на ноги». Строительству позарез нужен еще один кран. Работу, которую выполняют сейчас Кончиков и его бригада, не назовешь основной. Через несколько месяцев кран будет демонтирован, его перевезут на другую стройку. И воспоминаний не останется от этой ночи, от этой бессонницы.

Но попробуйте себе представить стройку без кранов!

Мастера Никифорова я видел на площадке еще днем. Уже тогда он выглядел усталым.

Не отдыхается сегодня мастеру.

— Такой торжественный случай, разве можно?— обронил он.

Вот такое дело: будничная работа, а случаи выходит, торжественный. Я догадываюсь, что мастер назвал сегодняшнюю ночь торжествен-

ной потому, что она потребует от бригады полного напряжения сил, заставит продемонстрировать максимум рабочей сметки и умения. Поставить многотонную махину довольно сложной конфигурации на точно определенное ей место, не отклонившись и на сантиметр,— дело чрезвычайной трудности.

Не каждый день работа требует демонстрации предельных возможностей. Но если уж она потребовала, то выбирать не приходится. Работа пробует нас на зуб. Тот ли ты еще? Не растерял ли ты себя и свои возможности? Не выйдет у тебя дело в этот раз, и уже поменьше будет тебе цена. А нельзя этого человеку. Вот и выходит, что та работа, какая выпала бригаде Кончикова в ту ночь, становится совсем особым экзаменом. Вот откуда берется торжественность рабочих минут.

— Погодка — просто бог миловал,— взвешивает на ладони неподвижный холодный воздух мастер.— По инструкции, если ветер три балла, то работать уже нельзя.

— Это разве сильный ветер?

— Да нет. Вот если чувствуешь только, что ветер есть, значит, это уже и есть три балла.

И еще мы поговорили об условиях.

— Ночью, наверное, труднее работать?— спросил я.

— Ночью легче,— сказал Кончиков. Шуму меньше.

Работа будто разгон берет. Пока убрали территорию вокруг портала, пока собирали внутри его забытые там гайки, молотки и кувалды, пока примеряли стропы,— была самая

медленная и спокойная ее часть. Тут и для красного словца время находилось.

— Ну-ка, Саня, кинь сюда веревочку, стропу вытащим.

Саня Недугов наотмашь ловко набрасывает свернутую, как лассо, веревку на самый край портала.

— Ты, наверное, коней раньше воровал?— весело одобряют сверху.

Снизу под стропы, коснувшиеся острых ребер кромки, подкладывают шпалы. Иначе толстые стальные стропы могут быть перерезаны, как гнилые нитки.

Крановщик решил попробовать вес. Стropы выпрямляются. Шпалы затрещали. Из мгновенно появившихся глубоких порезов по шпалам потекли медленные струйки выдавленной смолы.

Все, что происходило на небольшом пятачке строительства в эту холодную и колючую, как каленая стружка, ночь, совершенно новым было только для меня. Бригада Кончикова точно такой же кран поставила месяц назад. И начинался он с такого же портала.

В тихую ночь кажется, что любой голос, раздавшийся в такой ночи,— ее собственный голос. Сегодня она взяла себе голос бригадира Кончикова.

— Саня,— кричал он,— беги к бульдозеру, скажи, чтоб он совсем помалу трогался...

— Стрела играет,— опять говорит он.— Смотреть надо в оба. Стрела на такой высоте спокойно два-три метра играет...

Портал застроплен по-особому. Кран поднимает его цилиндрическую «голову» вверх. Все дело сейчас в том, чтобы поставить портал вверх «головой», на три «ноги». Самое опасное время в этой работе — время «перекида». То время, когда тяжесть портала, сосредоточенная с одной стороны «мертвой точки» подъема, безудержно устремляется в другую. Тут огромный вес портала может так «сыграть», что и стропы лопнут, и стрела крана не выдержит. Многое может наделать неуправляемый вес.

— Саня, сбегай еще раз к бульдозеристу, пусть, как ювелир, работает,— нервничает Кончиков.

— Коля, не надо... Успокойся,— ласково говорит пожилой мастер.

От верха портала на полтора метра в сторону идет тонкий стальной трос. Он тянется к бульдозеру, который и не должен допустить того, чтобы «перекид» произошел резко. Задача тоже не из легких. По мере подъема надо отпускать трос по сантиметрам. Всем этим и дирижирует сейчас Кончиков.

Происходит еще несколько едва заметных движений портала.

— Все!— откуда-то сверху, как божий голос, раздалось ликующе.— Все, страшное уже прошло.

Это крановщик в момент спавшего напряжения в первый раз подал свой голос.

— Стой, ребятки, теперь я перекурю, а то у меня вся спина мокрая...

Тут заговорили и закурили все. Кран, слегка охнув напоследок, выпрямился, теперь уже вовсе не ощущая веса.

Когда-нибудь и воспоминаний не останется от этой ночи, от этого напряжения, от этой бессонницы. И все-таки любое дело человеческое не проходит бесследно. Экономя время на других работах, подчиняя его себе, изобретая свои собственные методы монтажа, бригада Кончикова подняла сегодняшний портал под очередной кран на двадцать дней раньше того срока, который был отпущен ей. А это значит, что на самую малость ускорился весь ход строительства. В цифрах, которые горделиво прозвучат в отчетах, будет присутствовать работа бригады Николая Кончикова.

ЛИЦА МОИХ ДРУЗЕЙ

Однажды вы проснетесь в чужом городе. В комнате будет тишина, за окнами свист ветра. И вы вспомните своих друзей.

В этот день вы подумаете о них так, как не думали раньше. Неторопливыми будут ваши мысли. Потому что нельзя о друзьях своих думать поспешно.

Как много прекрасных людей на земле. И сколько из них вам хотелось бы сделать друзьями.

Вы живете, отряхиваете годы, как листья, и вдруг начинаете думать — как мало у вас друзей и как мало дел. А потом вдруг понимаете, как это много иметь одного, но большого друга, как это много сделать одно, но большое дело. Хорошо оглянуться в дороге на лица друзей.

Мы молоды, и ох как хочется нам стать выше хоть на вершок, прожить необычную жизнь, обрести знаменитых друзей,

Жаль, не всех это ждет.

Но оглядываются на свои прошлые годы с обидой и горечью только те, кто не хотел жить. У каждого в жизни найдется смелость не бояться дела. Если надо, идти напрямик. Не кривить душой. Испытать сладость и пережить боль. Нас время одаряет полной жизнью. И надо быть готовым к этому.

Оглянитесь на свою жизнь и вы увидите, что даже неброские судьбы отмечены славой времени. И еще вы будете благодарны судьбе за то, что она не обидела вас другом.

Нет, он не будет похож на придуманного. Он будет простой и славный человек. Он будет делиться с тобой обидами, сомнениями. Неуверенность будет его настигать. И судьба иногда будет немилостива. И ты сам будешь говорить ему бодрые слова. Пожалуй, те же самые, которые он говорил тебе вчера, когда ты пришел к нему неуверенный в собственных силах, с внезапным открытием, что жизнь твоя складывается не так.

А как много будет значить его слово.

И у тебя вдруг откроются глаза, и ты поймешь, что друг у тебя тот самый — сильный и замечательный человек, который смело держит судьбу за уздцы.

Оглянитесь на лица друзей.

Вы увидите, как они прекрасны.

Потому что только они живут вместе с тобой, и у вас общие и такие похожие судьбы.

Потому что только они могут вам сказать те несколько слов горькой правды, которые стоят томов холодных и чужих нравоучений. Потому что ваша жизнь проходит между ними. И жизнь ваша — не тайна для них. Только они

знают всю правду о вас. Только они знают настоящую цену вам.

Оглянитесь на лица друзей.

Только они запомнят вашу жизнь на этой земле такой, какой она есть. Потому что только они видят ее, прикасаются к ней, принимают в ней участие без корысти и зла.

Круг людей, которые окружают нас в жизни, не так уж велик. И как хорошо, что в кругу этом друзей большинство.

...Вы не помните того дня, когда у вас появился друг, но запомните день, когда с другом расстались.

Далеко забрасывает нас иногда дорога. Мы устаем от равнодушной привязанности людей, которых вместе собрал случай. И опять вспоминаем друзей. И нам уютно становится от этой памяти, как от мыслей о доме и детстве. А как тепло станет на душе. Нет,— скажете вы себе,— не совсем уж я, наверное, плохой человек, если есть у меня такие замечательные друзья. Оглядывайтесь чаще на лица друзей. Лица друзей не дадут вам потерять своего лица. Лица друзей, как огни вдоль дорог, не дадут вам сбиться с пути.

Нет, не можем мы без друзей.

ПРО КОСТЮ, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ ПРОСТО

Если послушать Костю Лактионова, то все в жизни у него выходит легко и просто.

Этому может поверить только такой же веселый и находчивый человек, как сам Костя.

Вот так, например, он рассказывает о своем первом дне на большой экибастузской стройке.

— В первый день работал я на своем бульдозере у кинотеатра «Юность». Экскаватор нам канаву выкопал под теплотрассу, а я должен был ее спланировать. Спланировать,— это, как вам объяснить, выровнять канаву, чтобы желоба бетонные ровно легли. Ну, значит, предупредила меня наша мастерица, что, мол, осторожно, кабель тут под напряжением и всякое такое. Стал я «планировать». Плоскые «амурские волны» у меня выходят... Подошел бригадир. «Ты,— спрашивает,— давно работаешь?» «Нет,— отвечаю,— первый день». Я ему правду говорю. Я действительно первый день работаю. А без улыбки разговаривать не умею. Он и думает, что я над ним издеваюсь. «Иди,— говорит,— отсюда. Без твоих шуточек от твоей работы тошно». Ну, я и пошел. Не вышло у меня в первый день с работой.

Потом-то разобрались. И помогли, и научили. Теперь бульдозер бедный аж трещит. Все из него беру, что он взял из меня за время науки той...

Так он о своей работе рассказывает.

— Всю жизнь мечтал, чтобы жена выше меня ростом была. Здесь на стройке нашел ее. Ровно на два сантиметра выше. Я сразу понял, что это точно, жена моя будет — пошел каблучки повыше заказывать. Неделю я за ней поухаживал, потом говорю: «Хочешь быть моей женой?» У нее возражений не нашлось. Скоро свадьба...

Так он о своей жизни рассказывает.

— Если вам интересно знать, так я мест-

ный. Здесь, на станции Кушмурун, родился. Через три месяца после рождения уехал отсюда. Не могу вспомнить почему. А вот через двадцать три года снова сюда приехал. Мест родных не узнал, потому, что никогда их не видел. Сейчас живу во втором общежитии. Здесь первые комсомольцы стройки обосновались. Ветеран я, можно сказать. На следующий год сюда новая большая группа молодых товарищей приезжает, так они на нас, открыв глаза, смотреть должны...

Так он о самом себе рассказывает.

Если послушать Костю — все в жизни у него выходило легко и просто.

Но все мы знаем, что так не бывает. Даже самому удачливому человеку встречаются в жизни неудачи и препятствия. Только веселому человеку легче перешагнуть через них. Только веселому легче подчинить своей энергии других. Поэтому там, где появляется Костя Лактионов, не бывает унылых лиц. У него много друзей, и все они чем-то похожи на Костю. Тоже веселые и никогда не теряют присутствия духа. Таких парней, как Костя, многие хотели бы видеть своими друзьями потому, что рядом с теми, кто с яростной легкостью умеет одолевать жизнь, и другим становится легче жить и работать.

АЛЛО! Я — ЭКИБАСТУЗИ

— Алло! Экибастуз слушает,— говорит телефонистка Зоя Канищева в черный пластмассовый тюльпанчик своего специального аппарата.

Таинственная и гулкая тишина, которой полны наушники, откликается неожиданно:

— Экибастуз, ответьте Москве!

Зоя Канищева отвечает.

Голоса экибастузских телефонисток известны всей стране. Напряжение сегодняшних рабочих будней Экибастуза здесь, в коммутаторном зале междугородной телефонной станции, ощущается особенно четко.

В коммутаторном зале работают только женщины. Но это, наверное, единственный женский коллектив, где последние житейские новости не обсуждаются с традиционным энтузиазмом. Здесь говорить на отвлеченные темы некогда.

На экранах коммутаторов не гаснут красные квадратики вызовов. Они пульсируют. Они живут беспокойным напряжением. Мне понятно и это беспокойство, и это напряжение. Экибастуз стал городом, в котором решается судьба грандиозного рабочего дела. Тысячи людей приехали в Экибастуз, чтобы принять непосредственное участие в великом строительстве. Другие тысячи связаны с Экибастузом иной, не менее прочной связью. Судьбы экибастузской стройки решаются на заводах-поставщиках, разбросанных по всей стране, в научно-исследовательских институтах, в республиканских и союзных министерствах.

Вся страна с напряженным вниманием прислушивается к голосу Экибастуза.

— Седьмая. Межгород.

— Счет?.. Я слушаю. Экибастуз, ответьте, пожалуйста.

Старшей телефонистке Кларе Американовой, которая прибыла в город Экибастуз по

комсомольской путевке после окончания училища связи, работа эта нравится. Появляется настоящий ритм, стиль и почерк большого города. Голоса в коммутаторном зале, если к ним привыкнуть, превращаются в монотонный гул. Как в потревоженном улье. Под этот гул Клара Америкянова говорит мне, что Экибастуз еще теснее мог быть связан с другими городами, если бы побольше каналов выделили для него, если бы на автоматику перейти, если бы наладить прямую связь хотя бы с теми городами, в которых Экибастуз нуждается больше всего.

Я понимаю, что слова ее — это вовсе не жалоба. В них — гордость за город, растущий на глазах.

— Алло! Я — Экибастуз!

— Только побыстрее, товарищи... Работы очень много.

— Пожалуйста, ответьте Экибастузу.

ТЕЛЕГРАММА

В тот день здесь в первый раз пошел снег. Мне показалось, что это был обычный снег. Неторопливый, наводящий скуку. Но оказался необычным.

— Смотри,— сказали мне. Здесь такого снега больше не увидишь. Тут он всю зиму кружит и свистит... Снег здесь, надо сказать, дикий.

Из окна переговорного пункта видно белую улицу, редких людей, их стремительные следы, проявившиеся на белой хлюпающей пленке.

Моментальная фотография наших дорог, продиктованных заботами нового дня.

...Тут, на переговорном, я и увидел этого паренька в первый раз. Он сидел нахохлившись, тоже посматривал за окно. Прислушивался к голосу телефонистки с беспокойным напряжением.

— Разговор с Кокчетавом, третья кабина,— объявила та. Он стремительно снялся с места. Забыл на колченогом стуле шапку, с полдороги вернулся за ней. Говорил он недолго. Появился из-за застеклянной двери кабины расстроенный. Непоправимо детская растерянность и обида была на его лице.

На другой день я встретил его в штабе стройки. Он пришел за направлением. Тут правило такое. Те, кто прибывает сюда по комсомольским путевкам, получают направление на работу через штаб ударной стройки. До приезда в Экибастуз короткая жизнь его была такой же простой и несложной, как записи в документах. Звать Володя Кучеренко. Окончил школу на Кокчетавщине, в селе Николаевка. Закончил неплохо. Услышал о большой стройке, которой нужны молодые руки, и решил ехать. Мать повздыхала, отец посмотрел на него с интересом... Сын вырос.

— Вчера домой звонил? Скучаешь?— вспомнил я.

— Да нет, не домой. Тут история такая... Он опять стал почти вчерашним.

Мы в штабе. Тут вопросы не просто можно задавать. Здесь нужно задавать вопросы.

— Какая?

— Ну, как сказать... Мы вдвоем хотели

приехать. Договорились уже. А родители ее не пустили.

— Что ж так плохо договаривались?

— Да договаривались неплохо. Там родители такие...

Он поморщился с досадой.

Потом мы уже встречались в коридоре общежития, как знакомые. Привязанности здесь рождаются быстро. Даже самый необщительный человек через два дня уже найдет здесь отметившееся у него в памяти лицо. Найдет, с кем поздороваться, с кем переброситься парой слов. Так начинаются знакомства. А у людей, оторванных от дома и старых друзей, души для новых знакомств открываются скоро.

— Ну как? — мимоходом полусерьезно спрашивал я у него. — Уже едет?

Он улыбался, разводил руками.

Случались у нас разговоры и подлиннее. О том, что такое самостоятельность, допустим.

Самое малое: можно, например, выбрать любую точку на карте. Есть такая станция на стыке границ Казахстана и России — Мартук. А что за люди там живут? Что это за станция? Что там любопытного можно увидеть?

Вы берете билет до станции Мартук, садитесь в поезд, и это означает, что вы совершили усилие над судьбой. Что вы натянули повод ее узды.

Так с ним было.

И все было чудесно. И встречи, и дороги, и ощущения. И вот еще что было прекрасно. Очарованный дорогой и печалью одиночества, ослепленный яростным солнцем степи, оглушенный ее простором, он каждое мгновение ощущал тончайшую, живую, радостную нить

восторженной и напряженной памяти. И, конечно, памяти о ней.

Иногда он останавливался в дороге и громко произносил ее имя.

.. — Света!..

Ему казалось, что слово это, подхваченное ветром, настигнет ее на широкой улице и заставит в толпе оглянуться на его голос.

...И теперь, наверное, все было похоже. Только более крепкой была решимость. Только более упругими были мысли. Только более твердым было усилие. Много более важным было дело в конце дороги... И более уверенно выходили у него теперь эти слова — «хозяин судьбы».

...Общежитие начинается с писем. Письма здесь ждут все. Я тоже жду писем. Вечерами в фойе маленькое веселье-столпотворение. Приходит почта. Я перебираю полосатые, как верстовые столбы, конверты. Верстовые столбы на дороге разлук.

Телеграмма здесь только одна. Телеграммы прочитывают произвольно. Нет ничего страшного, если прочитаешь чужую телеграмму.

...КУЧЕРЕНКО ВЛАДИМИРУ ВСТРЕЧАЙ ПАВЛОДАРЕ ДВАДЦАТОГО РЕЙС Х735 СВЕТА...

Люди строят электрическую станцию, люди строят город, люди строят собственную судьбу...

ПЕРВАЯ СВАДЬБА ВО ВТОРОМ ОБЩЕЖИТИИ

Ветер скачет, как подстреленный заяц. Три машины, украшенные разноцветными шарами в неоглядной степи, подминают под себя кило-

метры. Стремительные километры дороги, ведущей на стройку. Едет свадьба.

Молодая, комсомольская.

Бокалы шампанского, белопенные, как невестина фата. На виду у всей стройки. Стеклянные брызги на бетонном фундаменте... Чтоб счастье было прочное, как дело.

— Вот, мать, смотри, какое дело непомерное затеяли молодые дети ваши...

Не знают матери, что делать на свадьбах дочерей — смеяться или плакать. Смеются и плачут.

За неделю началась предсвадебная суета. Готовил свадьбу весь этаж. И вот столы — как выставка еды. Под пышной шубой дремлют до поры подтаявшие жиром сельди. Томятся разноцветные салаты. Лепестки колбас осыпались на дно тарелок, взятых подчистую в опустевшем теперь прокате.

...И вот застольное затишье.

Вислоусый тамада поводит орлиным взглядом. На стол, на рюмки, на распахнутую настежь дверь. Он уже успел объяснить главный закон кавказских свадеб.

— На свадьбе двери не закрываются,— сказал он.

Слово старшему на свадьбе — посаженному отцу жениха дяде Коле.

— Мы собрались на первую свадьбу во втором общежитии,— начинает он торжественно. И дальше такие обычные, теплые, трогательные слова, которых столько уже переговорено на этой земле.

— Горько,— не выдерживает кто-то уже после первой. Все мгновенно взглядывают на молодых и улыбаются.

— Рано еще. Не время...

Свадьба разгорается медленно, как костер в таежном лесу. Набирает силу. И вот уже шумит горячий прибой. И все вокруг счастливых двух. Как и на каждой свадьбе.

Но нет, не совсем обыкновенная это свадьба. Катя — ослепительная невеста, приехала с ударным отрядом из Белоруссии. Строг и красив жених. Горяч черный огонь его глаз. Отряд Азербайджана присутствует на свадьбе с его стороны.

Разнообразны корни родства наших народов. А этот самый добрый и человечный. Две молодые дороги, начавшиеся так неодинаково, сошлись в одну в неожиданной и замечательной точке земли. И удивительно это, и радостно от этого всем. И вот уже левое крыло застолья — белорусские девчата, покрывая неровный гул, выкрикивают хором:

Желаем паре молодой
Дожить до свадьбы золотой...

А правое крыло, азербайджанское, на русском языке кричит:

— Горько! Горько!!

Мишка, дружка жениха, отсчитывает мгновения поцелуя.

— Горько! Раз... Два... Три... Пять...

Он «подсуживает» молодым, этот Мишка. Считает с пятого на десятое. И цифра выходит слишком большой.

— Сколько кочек — столько дочек... Сколько пеньков — столько сынков...

— А Мишка подыгрывает... Ты, Мишка, это дело брось... Ха-ха...

— Ребята, не забываюте, что здесь общежитие!..

— Веселиться без крика, без шума?..

— Давайте выпьем за то, что их дороги сошлись в самом замечательном городе Советского Союза Экибастузе!.. Верно?

— Пусть у них будет целая футбольная команда. Я тренером буду...

— Саул *, земляк.

— Чего вы так шумите. Слова сказать нельзя. Как на базаре. Свадьбы никогда не видели, что ли?..

Встает мать невесты. Уже без грусти в глазах. Уже примирившаяся с этой неизбежной и вовсе не печальной утратой. А слов матерям на свадьбах тоже не хватает:

— Шоб не билися, шоб всю жизнь миловались...

И вот уже первая частушка вырвалась на волю и зазвенела над столом...

Все было так, как обыкновенно бывает на свадьбах. И все было необыкновенно.

Белорусские девчата больше налегали на песни. Голосистых девчат прислал на стройку белорусский комсомол.

Азербайджанцы прихватили с собой кларнетиста и бубен. Это уже целый оркестр. На бубне играли по очереди. Известно, что в Азербайджане на бубне играет каждый. Не умолкая этот маленький оркестр. И лихие же он танцы сопровождал. Каждый мужчина в Азербайджане знает танцы своего народа. Это тоже известно.

— Вот какую свадьбу описать надо. Семья

* Спасибо (азерб.)

Гаджиевых рождается. А! Вот какое дело. Белоруссия и Азербайджан сошлись вместе. А!?.— так, отвлекшись от тостов, говорил мне командир азербайджанского отряда Магерром Мардалиев.— Вот замечательная, показательная семья будет... Первая комсомольская, первая азербайджанско-белорусская. Замечательная свадьба. Обязательно описать надо...

Но не только поэтому захотелось мне написать об этой свадьбе. Беспокойно и прекрасно счастье тех, кто выбирает дорогу. Выбор этот беспронгрышен. В нем не бывает утрат. Есть только приобретения. Нужна смелость, чтобы отказаться от устроенности и покоя. Но только в дороге мы можем догнать свое счастье.

УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ИГРЫ В ФУТБОЛ

— Петя, у тебя что, портфель от сала так раздулся, что ли? Ты же не торговать собрался...

— Давай, Костя, без нас не скучай...

— Это что, у нас майки красные, что ли? Во, как красные дьяволята...

Футбольная команда экибастузских строителей в первый раз собирается играть на выезде. На городском первенстве она заняла почетное третье место.

— Слушайте, если в восемь не выедем, там нам уже нечего будет делать...

— Ничего, сотенку километров дать автобусу, да еще если кто-нибудь порезвее, вроде Пети, будет подталкивать сзади, быстро добежим...

— После седьмого аула разминку начнем...

— На подъезде бутсы зашнуруем и с ходу на «полянку»...

— Короче, если проиграем, хоть оправдание будет. Нервов сколько потратили...

Наконец, все в автобусе. Может быть, потому, что шофер тоже за свою команду болеет, мы в Павлодаре оказываемся на полчаса раньше того времени, которое прикидывали.

Была удивительная минута, когда судьбу матча решала не команда, а один только вратарь. Это были обжигающие мгновения пекнальти. Я видел, с каким отчаянием катался по земле вратарь, пропустивший гол с первого удара. Я видел, как тот же вратарь мгновенно стал героем, когда взял всего лишь на один мяч больше вратаря противника и принес своей команде победу. Команда вывела его с поля под руки. Каждый прикоснулся ладонью к его плечам и говорил ласково:

— Молодец, Ваня. Без тебя дело было бы швах...

А Ваня шел, улыбался и покачивал головой, недоумевая, удивляясь самому себе и своей мгновенной славе.

Есть в игре вдохновение артельной работы.

...Первый матч ребята выиграли легко и убедительно. Второй проиграли.

У противника все выходило глаже. Ему чаще удавалось то, что он задумывал. Два раза яростный мяч пытался порвать попавшую ему на лету сетку наших ворот. Мы ответили только раз...

Я понимаю, что ничего значительного не произошло, была непрофессиональная футбольная игра, не собравшая и двух десятков зрителей. Но мне почему-то очень захотелось

написать о ней. И дело даже не в том, что без подобных незначительных событий невозможна была бы слава нашего большого спорта, уходящего корнями своими в спорт массовый, самодеятельный, народный. И не в том замечательном факте, что в системе народного спорта появилось еще одно крепкое звено — команда ребят, приехавших на знаменитую стройку. Как мне подумалось здесь, во время футбольной игры на «полянке», дело обстоит немного иначе. Люди тянутся к спорту ради своего будущего. Люди совершенствуют себя, свое тело и мускулы, чтобы передать их по наследству. Как передают, например, лучшие завоевания мысли. Красота и совершенство будущего человека начинается на безвестных стадионах, которых в стране тысячи...

В таких играх, которые провели на первом выезде молодые строители из Экибастуза, проигрышей не бывает.

Мне остается только добавить, что создателем и бессменным капитаном этой первой футбольной команды стал работник треста «Экибастузэнергострой» Виталий Кульбеда. Забить голы в первой же игре повезло сварщику Михаилу Свербилову и инженеру Геннадию Жакену. Прекрасно показали себя незаменимый голкипер Владимир Стоцкий и нападающий Олег Козыренко.

ПИСЬМА ДЛЯ РОМАСА

Вечером в общежитие приходят письма. Почтальон, голубоглазая девчонка в цветастом платье и черных резиновых сапогах, аккуратно

делит полосатую пачку на две почти равные части. Одну из них она кладет на стол для общей почты. Стол обступают юные строители электрической станции. Им хочется получать письма каждый день.

Другую пачку почтальон отдает вахтеру.

— Эти все опять Ромасу, — говорит она.

Вахтер привычно принимает письма потому, что уже перестал удивляться. Такое количество писем Ромасу Лабукайтису приходит не в первый раз. Они приходят каждый день.

«Здравствуй, Ромас! Не удивляйся, что тебе пишет незнакомый человек. Просто захотелось узнать, как ты себя чувствуешь? Чем живешь? Выслал тебе посылку. Там мои любимые книги. Может быть, они понравятся и тебе...»

«Пишут тебе ученики десятого класса Вилькишкешской средней школы. Недавно мы ездили в Москву. Деньги заработали летом. Работали в колхозе. Было весело. Высылаем тебе фотографию, которую фотограф сделал на Красной площади. Здесь почти весь наш класс. Приезжай к нам в гости...»

«...Я студент третьего курса. Зовут меня Альгис. Хочу, чтобы ты дал мне совет. Моя будущая работа мне нравится. Я буду инженером-строителем. Учусь хорошо. Но меня очень беспокоит то, что я никогда не видел большой стройки. Никогда не уезжал надолго из дому. Разве только в гости, в другой город. Всегда был под крыльшком у родителей. Пройдет некоторое время, и я должен буду попробовать себя в настоящем деле. Вот я и беспокоюсь, смогу ли я руководить людьми. Достаточно ли одних только знаний, чтобы быть хорошим строителем. Ведь Горький говорил, что луч-

шие университеты те, которым учит жизнь. Может быть, мне стоит летом приехать к вам и поработать хотя бы несколько месяцев, чтобы своими руками прикоснуться к большой стройке. Наверное, это мне поможет узнать и будущую мою работу и настоящую жизнь. Жду, что ты мне посоветуешь...»

«Мне двадцать лет. Восемнадцать из них я прожила в Казахстане. Двадцать весен прожила, а путного ничего не сделала пока. Героем не стремилась стать, гоняться за счастьем, все теряя впопыхах, тоже не привыкла. Люблю шутку, юмор, смех. Ненавижу лгунов и скряг. Пишу тебе потому, что немного завидую тебе. Может быть, и у меня хватит когда-нибудь сил, чтобы стать похожей на тебя и твоих друзей. С уважением, Алдона Моцкуте».

Все письма от незнакомых. В основном, молодых. В письмах любопытство, добрая зависть, желание выслушать совет, поделиться маленькими и большими событиями, которые происходят в личной жизни.

А кто он такой — Ромас Лабукайтис?

Нет, он не киноартист. Нет, он пока не совершил подвига. И человек он не настолько бывалый, чтобы знать советы на все случаи жизни.

Просто он однажды написал в республиканский журнал «Ряды молодых» о стройке, на которой работает.

Вот он сидит передо мной с кипой новых писем. Перебирает их осторожно. Сокрушается, что не в силах ответить на все. Потому что, если отвечать на все, надо бросить работу. А работу ему бросить никак нельзя, потому что без этой работы он не может. Ему едва

перевалило за двадцать. Приехал он на большую казахстанскую стройку из Литвы.

— Я люблю, где трудно,— старательно подбирает он слова.— Где новая природа. Хочу научиться жить. Хочу хорошо научиться русскому языку...

В этих словах уложилась почти вся программа его молодой жизни. Жизнь эта по-настоящему началась совсем недавно. Но началась. Может быть, поэтому стекаются к нему письма молодых из городов и деревень.

В письмах его называют сильным человеком, хотят быть такими же решительными. А он отвечает им, что сделать решительный шаг совсем нетрудно, надо только собраться с духом.

И еще о письмах Ромасу. Ромас такой же как все, кто приехал на нашу огромную стройку. Сюда приехали тысячи. Обыкновенные парни и девчата. Но есть уже высокий отблеск славы на их лицах. Он достался им вместе с прекрасным словом «первопроходец», строитель будущего. Письма для Ромаса написаны им всем...

ЛЮБОВЬ К МАСТЕРКУ

...Скоро дадут раствор. Времени у нас мало. Таня Мастерских снимает фуфайку и садится за стол, поближе к свету. Лицо у нее спокойное и ласковое. За окнами бытозки, наспех законопаченными кусками фанеры и тряпками, буянит экибастузский дикий ветер. Он разносит голоса людей, разнообразные звуки строй-

ки. Дело, которым заняты здесь люди,— важное. Здесь строят жилье.

Экибастуз отказался от романтики палаточных городов. Строители энергетического чуда должны жить в комфортабельных удобных современных квартирах — так здесь решили.

Таня Мастерских — одна из тех, кто выполняет эту программу. Таня пришла на стройку совсем недавно. Ученицей. Сейчас она штукатур-маляр третьего разряда.

— У нее, знаете, просто талант к нашей работе,— сказала бригадир Анна Ивановна Скрыгаловская.

Я думаю о сущности таланта. В принципе, талант — это большая любовь к своему делу. Любовь и верность ему. Верность делу в конце концов оборачивается прекрасным и надежным чувством собственной значимости. Появляется уверенность в том, что найдено единственное возможное место в жизни. А разве не это чувство и не эта уверенность делают нас счастливыми?

В числе разных вопросов, я задал Тане и такой:

— Чему тебя научила стройка?

Она ответила, почти не задумываясь.

— Ответственности!

Я привык к другим ответам: стройка, первое самостоятельное дело, воспитывает характер, учит преодолевать трудности, делает молодого человека более стойким.

Она объяснила.

— Мы все, конечно, делаем коллективно, бригадой. Но у каждого в бригаде есть свое маленькое дело. И вот так выходит — как ты

сделаешь свое маленькое дело, таким будет и большое. Нельзя нам работать плохо...

Потом она рассказала несложную историю своей молодой жизни.

В самом начале они работали с мужем в башкирском городе Стерлитамаке. В Экибастуз они попали случайно. Стала Таня работать в библиотеке профессионально-технического училища.

— Хорошая это была работа. Все время с людьми, все время на виду. Любила я эту работу...

Потом ей предложили работу воспитателя в том же училище. Она согласилась — потому, что очень просили.

— Мне вообще с детьми нравится возиться. У каждого свой характер... К каждому подход особый нужен. Я вот сейчас на стройке работаю, а все равно в училище часто прихожу. Я любила эту работу...

Тут Таня немного задумалась и улыбнулась. Наверное, ей показалось, что для такой маленькой речи она слишком много любимых дел назвала.

— А ведь и правда, мне, наверное, все нравится делать. Втянешься в работу и другой уже не представляешь. Муж надо мной уже смеется иногда. «Для тебя,— говорит,— нет плохой работы. К любой прикипаешь...» А это и правда...

Наверное, бригадир прав. Есть у Тани Мастерских особый талант. Талант любить свое дело. Любить и вкладывать в него свою душу.

Ведь как сначала было.

Мастерок и тот ее не слушался. К нему ведь тоже приноровиться нужно. Бросила Таня в

первый раз раствор мастерком на стену, а половина раствора оказалась на спецовке. Бросила второй — то же самое. Так первая неделя прошла. Посмотрит она, как ловко все у других выходит — обидно становится. До слез. И плакала. Вечером. Дома. Чтоб никто не видел. Учили ее всей бригадой. Никто в совете не отказывал, потому что видели — есть у ученицы старание и упорство. А это — самое главное. Значит, дело будет. |

— Когда у меня, наконец, работа получилась, я от радости запрыгала. И для бригады тоже радость была. Хорошая у нас бригада... И мастерок свой я с того дня полюбила...

Немного пока было дел у Тани Мастерских. Но не было такого дела, которое бы у нее не получалось. Это бывает только с таким человеком, который хочет и любит работать.

НЕ ПРОСТОЕ СЛОВО — РАБОТА

Среди тех, кто приехали в Экибастуз начинать свою рабочую судьбу, один только Николай Сайфутдинов твердо сказал мне, что он хотел попасть именно на такую стройку. Что он представлял ее именно такой, какой она оказалась. Что он рассчитывал на трудности и готовился к ним.

И еще он сказал, что если и есть у него маленькое разочарование, так то, что они готовились к более суровым испытаниям. Они — это он, сам Николай Сайфутдинов и его друзья Ирисмат Розаметов и Ермухан Серикбаев.

Выросли они в самом жарком городе Казахстана — Чимкенте. Подружились еще до службы в армии. Готовились к поездке на ударную стройку почти полгода.

— Как готовились?— спросил я у него.

— Как? Ну, самое главное, это, чтобы свою специальность хорошо освоить. Учились на совесть. Потом мы почти каждый день слушали по радио прогноз погоды. Особенно зимой. Чимкент, сами знаете,— город теплый. А здесь мороз в тридцать градусов считается нормой. Так вот, мы даже зимой по утрам умывались только самой холодной водой. Закаляли себя. Южанину самое главное дело — привыкнуть к холоду. Теперь мы знаем, что правильно делали. Здешние морозы уже некоторых выжили отсюда... Или вот такая, например, деталь. В армии я привык бриться только электрической бритвой. Полгода специально брился только безопасной. На всякий случай. Не к маме в гости собрался ехать... Вдруг нам тут не все удобства предусмотрели... Пирожное люблю, а вот тоже старался отказываться... И еще много своих старых детских, домашних привычек перечислил мне недавний солдат, сегодняшней строитель первой Экибастузской ГРЭС Николай Сайфутдинов. Я слушал его, и мне становилось ясно, что главное, от чего он отказался,— это идти легким путем. А это важное решение. Особенно, если принято оно на самом пороге жизни. В двадцать лет.

Сейчас имя молодого строителя Николая Сайфутдинова называют в числе тех, которые

Плотник-бетонщик Николай Сайфутдинов

ми гордится молодая стройка. Потому что он нашел свою стройку и свое дело.

— Многие, конечно говорят: строитель — это хорошо, строитель — это здорово. Но слова, когда их слушаешь просто так, останутся словами. Я теперь к ним как отношусь? Едем мы утром на работу. На стройку в это время смотришь новым взглядом, свежим... Вечером устаешь так, что не до того. А утром приятно смотреть. Каждый раз замечаешь, что она уже не такая, какой была вчера. И легко представить этот день, когда наша электрическая станция встанет во весь рост. По проводам пойдет ток, наш ток. Далеко пойдет. В те места, где мы, может быть, и не побываем никогда. И будет он выполнять важную работу. Плавить, например, металл или хлеб выпекать... Ведь это очень важные дела. А наше может, показаться самым важным. Потому, что сначала мы должны построить станцию...

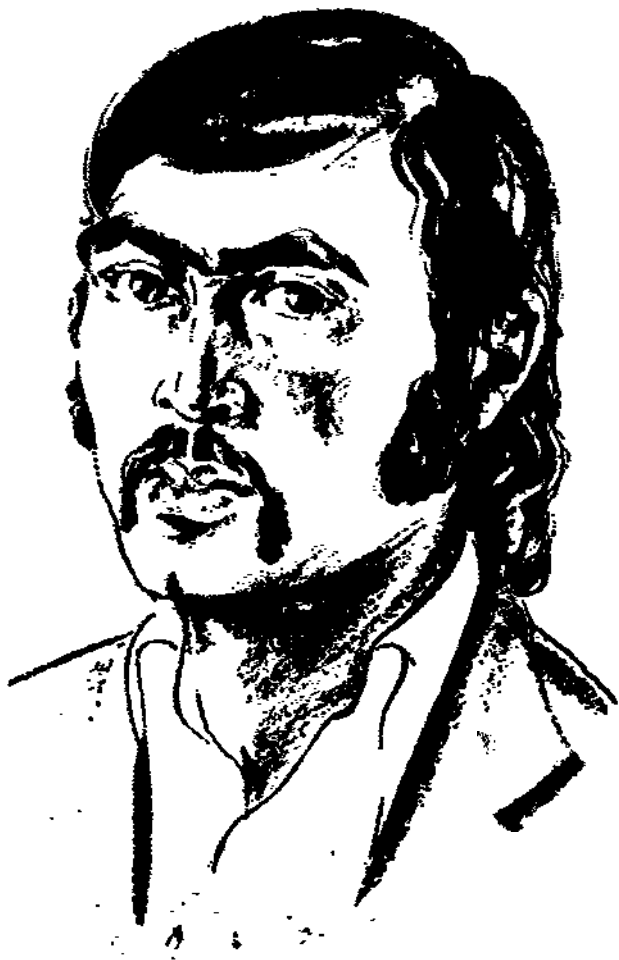
ТРИ ТОВАРИЩА

...Жили в Ереване три друга. Три товарища. Учились в строительном учебном комбинате на одном и том же курсе. Хотели стать плиточниками-облицовщиками.

И вот однажды вечером Рубик Егизарян сказал примерно так:

— У меня на душе кошки скребут. Сколько нам осталось учиться? Правильно. Два месяца. В одном городе всю жизнь сидеть — это

Бригадир отделочников Рубик Егизарян

все равно, что на улице только в окно глядеть. Я предлагаю всем вместе ехать куда-нибудь далеко...

— Вот клянусь, мы с Варужаном, только что об этом хотели с тобой поговорить,— сказал Айрапет Гепоян.

Вот так три друга оказались в далеком городе Экибастузе, имя которого научились четко выговаривать только через две недели после приезда.

Первым делом, которое им доверили, стала отделка интерьера в магазине будущего микрорайона энергостроителей. Три друга работали так. Двое выкладывали стены замысловатой мозаикой облицовки, а один — дежурный критик. Он должен следить за качеством работы тщательно. Критиковать беспощадно. Ему даже дано было право отколупывать от стенки всю неудавшуюся работу.

Пришла комиссия принимать работу. Строгая комиссия. Сейчас они нас раскритикуют, а завтра мы поедem в свой родной Ереван,— решили три товарища.

Строгая комиссия взглянула десятком строгих глаз на стены, и глаза эти потеплели.

— А что, надо прямо сказать, неплохо. А вам как?— сказал тот, который в комиссии казался самым строгим.

— Это надо учесть, что ребяташки еще, считай, не работали совсем. Первый их объект,— добавил начальник участка Шарапин.

...Опять три товарища жили в одной комнате общежития. Вечером в этот день Рубик Егизарян сказал примерно так:

— Кошки у меня на душе скребут. Работа у нас получается? Да. Получается. Как хорошо

на душе, когда работа получается. Я предлагаю всем вместе остаться в этом хорошем городе Экибастузе и никуда не уезжать...

— Вот клянусь, мы с Варужаном только что с тобой об этом хотели поговорить,— сказал Айрапет Гепоян.

Потом были другие дела. Разные. Сделали красивыми две столовые для строителей электрической станции. Сейчас работают на главной строительной площадке, где возводятся корпуса первой Экибастузской ГРЭС.

Рубик Егизарян теперь уже не просто друг. Рубик теперь бригадир комплексной комсомольско-молодежной бригады отделочников. Бригада, правда, не очень большая, но проблем разных здесь возникает достаточно. И Рубик обязан проявлять мудрость и дальновидность.

— Дружба — дружбой, а служба — службой,— эта поговорка стала у него любимой. Поговорки становятся любимыми, когда их мудрый смысл прочувствуешь на собственном опыте.

Как, например, бывает.

Пришел старший прораб и говорит:

— Там,— говорит,— сейчас нам срочно плитку надо укладывать, бетон привезли, а пол весь замусорен. Убирать надо. Твоя бригада, Рубик, должна это сделать. Больше никому...

Тут сразу вступает в разговор Айрапет.

— Это почему мы должны за кем-то убирать. У нас есть своя работа. Кто сорил, тот пусть и убирает. Я лично не пойду. Я правильно говорю, Рубик?..

— Нет, ты неправильно говоришь, Айрик. Все пойдем убирать. И ты тоже пойдешь,— го-

ворит Рубик. Спокойно говорит бригадир и поэтому с ним никогда не хочется лезть в ссору.

Позавчера Таня Сафонова неровную стяжку сделала. Стяжка — это слой раствора, на который аккуратнейшим образом укладывают желтую метлахскую плитку, чтобы получился удобный и красивый пол. Стяжка неровная, значит, и пол неровный. Пол неровный, значит, работа плохая. Работа плохая, значит, бригада плохая.

Наверное, Таня не подумала обо всем этом и стала укладывать плитку на неровную стяжку.

Рубик с ней долго не разговаривал. Он просто подошел и быстро стал снимать с пола всю уже уложенную плитку.

Таня переделала стяжку и плакала от обиды.

А вечером пришла в комнату, где живет бригадир, и сказала:

— Пойдемте ребята к нам чай пить. Чай мы сегодня просто необыкновенный приготовили. Рубик, быстро поднимайся со стула...

И нет обиды. Завтра опять работа, и утром каждый выйдет навстречу ей с одинаковым настроением. А от этого многое зависит.

Может быть, именно поэтому маленькая бригада Рубика Егизаряна всегда способна к большой работе.

В то утро стало сразу ясно, что работа клеиться не будет. Не подвезли бетон. Что-то не сработало в сложной системе заказов-завозов. А потом, уже к обеду, вдруг сразу две машины. А в бригаде семь человек и, в основном, девчата. Вот и крутись. Промедлишь — застынут на морозе драгоценные кубометры. Стяжку укладывали носилками. Бегом. Когда

работу закончили, не поверили себе. Ровно два часа и сорок пять минут понадобилось для того, чтобы выполнить дневную норму...

...Недавно три товарища Рубик Егизарян, Айрапет Гепоян и Варужан Акопян по каким-то своим делам попали в мирорайон номер девятнадцать. Микрорайон энергостроителей. Зашли в магазин. Тот самый. Их первый объект. Покупатели рассматривали витрины, а они снова придирчиво смотрели на стены.

Время прошло, а их работа осталась такой же красивой.

— Слушайте, у меня на душе кошки скребут,— сказал Рубик Егизарян.— Мы через десять лет постареем, а плитки наши так и останутся молодыми. На плитки эти посмотрят — нас вспомнят. Приятно, а? Лично я доволен. Один листок в нашей биографии хороший получается...

— Клянусь, мы с Варужаном только что хотели тебе об этом сказать,— вставил Айрапет Гепоян.

ПЕРВАЯ ВЫСОТА

...Он знал, что будет волноваться. Позади была дорожная суতোлка. Ровный гул моторов еще преследовал его. Ощущение полета продолжало в нем жить, но к нему уже примешивалось новое чувство. Торжественное и строгое.

Автобус мчал по великому городу, который в эти утренние часы еще только просыпался.

В этом городе Толымбек никогда не был. Но он был знаком ему. Он узнавал его прекрасные черты и сердце его вздрагивало. Как от неожиданной приятной встречи.

Скор он увидит «Аврору».

...В Ленинград его отправили всей бригадой. Говорили хорошие слова. Поздравляли. Наверное, немножко завидовали. Особенно те, кто помоложе. Толымбеку было и радостно, и немного неловко.

Большая молодежная стройка выбрала его для того, чтобы послать сфотографироваться на знаменитом крейсере. Честь большая.

Опытный их бригадир Николай Петрович Мирошниченко, наверное, почувствовал его состояние.

— Ну, вот, что,— сказал он.— Тут дело такое. Мы все плотники-бетонщики. И если кого-то из нас выбрали для этого доброго дела, значит, наша бригада на стройке заметна. Заметили — и отметили. Вот и хорошо... Вот и ладно...

На многих стройках работал Николай Петрович. Много разных ситуаций в жизни пережил. Потому и сумел несколькими словами все по своим местам расставить. Благодарен ему Толымбек за это.

О чем мог думать молодой плотник-бетонщик Толымбек Сарсенбин, стоя перед черным и глубоким взглядом объектива на крейсере «Аврора»?

Мы с Толымбеком говорили об этом долго. Есть в жизни у каждого мгновения совсем осо-

Лауреат премии Ленинского комсомола
Толымбек Сарсенбин

Chavez

бые. Емкие мгновения. Все прошлые события видны с их вершины. И будущее тоже представляется довольно ясным.

Так, например, и было с Толымбеком.

Это была его первая высота. Он всегда будет о ней помнить. И не только потому, что ощущение достигнутой высоты радует нас и наполняет счастливым чувством удовлетворения.

Тогда на «Авроре» он ясно почувствовал другое. Если выбранная рабочая дорога привела к этой первой вершине, значит, она, эта дорога, выбрана им правильно. Теперь нужно только старание и упорство, умение отдавать своему делу все силы, и тогда ты достигнешь новой высоты...

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

У каждого большого дела есть свой особый распорядок. Складывается он, отчасти, стихийно. Но получается довольно стройным. Тысячи людей пришли на стройку. Все они — люди, в основном, опытные. И все-таки не бывает таких людей, которые, начиная новое для себя, не испытывали бы сомнений.

Дорог на земле много. И место, которое они теперь занимают, занимали бы другие люди. И еще, наверное, думают сегодняшние участники строительства о том, чтобы сделать вариант своего участия в нем более значимым, чем тот, который мог бы быть возможным...

В случайностях, которыми так богата наша жизнь, скрывается один замечательный смысл.

Случайность всякий раз по-новому испытывает нас на сгиб. Новое наше место среди людей открывает в нас новые возможности. И мы с новым интересом начинаем всматриваться в себя.

...Вот так по-новому вглядывается в себя и Саша Дружинина.

Приехала она сюда из Нижнего Тагила. Там тоже была стройка. Правда, не такая большая и значительная, но тоже необходимая. Всю свою еще совсем недолгую жизнь она строила дома. Сначала в Перми, потом в Нижнем Тагиле. Теперь — в Экибастузе. Прежние свои стройки она, конечно, тоже запомнила. Там начиналась ее рабочая биография. Там были сделаны первые шаги в большую жизнь. И если что-то менялось в ней, так и способность делать свою работу, степень мастерства. Так и стала Саша опытным, хорошо знающим свое дело отделочником. Работа у нее получалась, и она это знала. А знание помогало ей быть уверенной в себе. Хорошее чувство. И даже если у вас есть только оно, то и его уже достаточно.

Но вот новая стройка. Стройка с громким именем, Стройка, во многом зависящая от энтузиазма и упорства молодости.

Дело у Саши прежнее. Но что-то в этом прежнем деле появилось новое. Может потому, что она стала взрослее. Девчонки, которые с ней работают сейчас, прислушиваются к ее словам и советам. Сами подходят к ней с вопросами. Это означает, что у Саши Дружининой появляются совершенно новые качества, которых она в себе и не подозревала. Каждый такой вопрос означает не что иное, как новый росток авторитета.

И бригадир Галина Цыганкова, оставляя на нее бригаду, когда, например, уходит в отпуск, спокойна — все будет в порядке.

И еще одно новое и важное событие случилось в судьбе Саши Дружининой. Бригада выбрала ее комсоргом. Авторитет комсорга Саши Дружининой становится составной частью авторитета всего славного рабочего комсомола.

Об этом тоже думает Саша Дружинина, вглядываясь иногда в себя со стороны...

О БРИГАДИРЕ ПЕЧЕНКИНОЙ

Расскажу о Валентине Ивановне Печенкиной. У меня возникало неодолимое желание записывать каждый, даже мимолетный разговор с ней. И я записывал.

...В тот день сюда приехали два молодых павлодарских художника. Я вызвался проводить их по стройке, поскольку сам прибыл несколькими днями раньше и уже считался знающим человеком.

Подъезд, который отделяет комсомольско-молодежная бригада Печенкиной, завален строительным мусором. Чувствителен сырой запах свежей штукатурки. Мы входим в бытовку в момент не совсем подходящий, однако к разговору располагающий. Десятка полтора женщин и молодых, и постарше сидят за столом, на котором сочно краснеют помидоры, нарезана колбаса и хлеб.

— Приятного аппетита!

— Спасибо. С нами садитесь.

Сразу дюжина ответов. Дробная и веселая разноголосица. Печенкина, по праву хозяйки, поднимается навстречу. Откладывает обед. Садится недалеко, готовая слушать и отвечать. Немолодая уже женщина. Со спокойным и живым взглядом. Разговор начинается с забот.

— Перчатки... Спецовка... Поаккуратнее бы шили. Сколько уже говорю про это. У нас же девчонок много. Нам их еще замуж отдавать...

— Главное дело — бытовки. Скоро холода пойдут.

Бригадир однако за разговором следит четко. Она мудрая женщина — эта Печенкина. Стройка большая и пока не во всем стройная. Всякое бывает. Досадные мелочи порой резче души касаются, чем большие удачи. Это она хорошо понимает. Поэтому не дает разговору накалиться. Поворотив хитровато взгляд в сторону, она начинает совсем о другом.

— Ну что, — говорит она, — детский сад мы закончили. Завтра вот этот первый этаж доделаем. Приходите через месяц, мы уже дом номер тридцать пять будем сдавать.

И опять это подхватывается.

— Вот вы бы так и записали. Нас теперь в бригаде всего шестнадцать осталось. Да и разряды не у всех высокие. Девчонки вон, комсомолки, только пришли, а темпов не сбавляем...

Характер бригады не так легко бросается в глаза, как и характер человека. Звонкоголосые, острые на слово, ловкие на незлобивую шутку собрались у Печенкиной мастерицы. И все они в этом одинаковы. Даже те, которые здесь работают совсем недавно. От чего это зависит — трудно сказать. Только очень

нужен этот здоровый и жизнерадостный дух. Настроение важно в любой работе.

...Время перерыва кончилось, и они стали работать. И будто не было никаких разговоров о непорядках. Я подумал, что и вспомнились эти трудности только потому, что о них надо было рассказать корреспонденту. Как и что влияет на внутренний, скрытый от постороннего взгляда, климат бригады? Писать об одном человеке не просто, но еще сложнее о коллективном характере, нащупать те невидимые нити, которым подчиняется сложный механизм, допустим, бригады. Понять сложную простоту артельного труда — захватывающе интересная задача. В наших разговорах с бригадиром встречаются рассуждения и на эту тему.

— Нет, значит, бригадира — посидеть можно. Обязательно найдется такой, который перекур не вовремя предложит. Сели, слово за слово, и нет времени... Есть у меня в бригаде, пусть я назову ее Варенькой. Крепкая женщина. Захочет — гору свернет, не захочет — с горы не сойдет. Недостаток ее я хорошо знаю — поговорить любит. А за разговорами времени не видно. В паре с кем-нибудь поставишь — как заведется — краю нет словам. Вот я и говорю ей вчера. Ты, Варенька, будешь сегодня одна работать. Иди полы олифь. Так она одна восемнадцать комнат проолифила. Говорить-то не с кем...

Вот из этого примерно и состоит ее руководство бригадой. Недостатки и достоинства каждого знает как свои пять пальцев. И пользуется этим для дела.

— Что еще главным должно быть в бригаде? Чтобы весело было. Веселый человек, он в работе горит.

Да и деликатные вопросы приходится ей решать. Такие, которые только матери родной доверить можно. Доверяют. Потому что даже такие вопросы Печенкина может решить без напряжения и неизбежной неловкости сторон. А для этого уже не просто знание жизни, а и мудрость самой высокой пробы нужна. И именно материнское доброе чувство... Трудно в отношениях бригадира и бригады отделить деловую, производственную их часть от чисто человеческой.

— Девчат своих я так изучила, что вот, положим, задумается одна, а я и скажу: «Нина, а ты ведь о том и о том думаешь.— А ты откуда знаешь?— удивляется».

...У каждого человека в жизни свое место. Не место выбирает человека, а человек. Случаются при этом и нелепейшие несоответствия. Вот, например, место большое, а человек его занимает маленький. Нет страшнее такого несоответствия. Меня гораздо больше устраивает другое — пусть место вроде бы и небольшое, не всем заметное, а человек его занимает большой. Нетрудно прикинуть, от кого из этих двух выйдет большая польза и для дела, и для тех людей, которые сталкиваются с ними каждый день и каждый час.

Нет, нет да и проскользнет в разговорах Валентины Ивановны некое сожаление. Не вполне оформленное, но напоминающее о себе. Война была. Не вышло с учебой.

— Старшая-то наша в войну и комбайнером, и трактористом была. А потом мало-по-

малу, заочно выучилась и стала бухгалтером. Приедет в гости: «И что ты,— говорит,— в этих стройках нашла...» А я чувствую, что не хватит у меня силы уйти со стройки.

Она так и сказала: «не хватит силы». Вот как люди прикипают к своему делу. Не то, что кто-нибудь, сами себя оторвать от него не могут.

Рассказала она и об удивительном чувстве своем. Вот идет она вечером по родному Экибастузу. Город зажигает огни. Теплый прерывистый светлый след окон. Золотые пунктиры счастья. За каждым окном люди. Они живут своими заботами. У каждого свое дело и свой в жизни смысл. Нет такого дома в Экибастузе, которого не касались бы ее руки. Очень хочется ей иногда зайти к кому-нибудь из тех людей, которые живут в ее домах и узнать — довольны они или нет, хорошо ли им живется? В каждой ли квартире покой и счастье... Но трудно решиться на это. Да и всякий ли поймет ее?.. Идет по городу простой человек, всю жизнь занимавшийся простым делом. В светлых и теплых квартирах люди обдумывают свои важные дела, растят детей и едва ли думают о том, что он, этот человек, решил за них часть земных забот, освободил их для других, может, более важных дел, мыслей и задач.

Совсем не трудно предположить, что чувство, с которым она ходит по улицам своего города, чем-то сродни чувству писателя, увидевшего в руках прохожего свою книгу. Есть в этом чувстве и гордость, и волнение, и желание знать пусть беспощадную, но верную оценку.

Проницательность умудренного своим особым житейским опытом человека, выработан-

ная с годами способность «видеть любого насквозь», спокойное достоинство человека, славно поработавшего на своем веку и знающего себе цену — вот те качества бригадира Печенкиной, которые так же вызывают во мне неодолимое любопытство и волнение, которые возникают только в предчувствии прикосновения к судьбе незаурядного человека. Выходит, наше отношение к людям не зависит от степени их славы и положения. Есть и более прочные условия.

Рисовать Печенкину мы с художником приходили три раза. То характер не выходил на портрете, то сходство было минимальное. Во время сеансов, наверное, для того, чтобы нас развлечь, Валентина Ивановна вспоминала эпизоды из своей непростой биографии. О житейбытье рассказывала. Младшая дочь ее в то время на кухне плов готовила. И приходилось бригадиру даже дома сразу три дела делать. Позировать, рассказывать и дочь консультировать.

— Время тогда лихое было, когда я строить-то начинала. Война. Сталинградский тракторный тогда к нам эвакуировали. Мы ТЭЦ отделявали. Рядом в пружинном цехе печи стояли самодельные. Мы кирпичи в них грели — и за пазуху. Так и грелись. Питались в столовой. Очередь. А еда — черная мерзлая картофелина, хлеба семьсот граммов давали... Первая получка у меня двести десять рублей вышла. Очень я таким деньгам обрадовалась. Сама все-таки заработала. Отмечали мы первую получку. Булка хлеба стоила сто рублей. А бригада у нас — тридцать человек. Купили мы на все деньги картофляников — маленькие

лепешки из картофеля по десять рублей штука. Комендант общежития нам чаю накипятила и сахару из дому принесла...

— Налей воды ровно литр,— возвышает она голос, чтобы было слышно на кухне.— Как закипит, так рис опускай.

— Жили как? Молодые были. Хочется и принарядиться. Подруга моя к танцам одну и ту же юбку перешивала. Чтоб каждый раз другой казаться.

— Ты не забудь, на медленном огне варить надо,— опять обращается она на кухню.— И опять нам: жизнь прожить — не поле перейти. Я и детям своим, и в бригаде то же самое говорю. Дела никакого не надо чураться. Всему надо учиться. Умение-то за плечами не носить. В бригаде моей к этому приучаться начинают. «Теть Валь, ты,— говорят,— научи нас пряжу прясть». Оно и верно, дело не хитрое, а носки, например, теплые в магазине не сразу возьмешь. Да и минута свободная попусту не проходит. «Ты,— девчата говорят,— ну просто как мать нам родная. Ничего у тебя спросить не стыдно». Так-то оно хорошо. Они мне и правда, как родные. Я и сил для них не пожалею никогда, и горла тоже... На партсобрании выступлю, так начальник участка подойдет после и говорит: «И чего тебе, Печенкина, вечно не угодишь? Целоваться мне с тобой, что ли?» «По возрасту,— отвечаю,— мы не подходим с тобой целоваться...» Пойдет. Заулыбается. А дело, глядишь, и сделает для бригады.

Бригадир отделочников
Валентина Ивановна Печенкина

Картина ее жизни проста. Рассказывать о ней можно только неторопливыми словами. Но в этой простоте есть та особая красота, в которой угадываются черты былинных сказов. Люди с простым укладом судьбы и простыми лицами, хозяйски ступая по земле, меняют ее лик, оставляют после себя города, моря, благодарную память.

* * *

— Больше всего мне нравится плитку укладывать, а еще штукатурить,— сказала Таня Боброва и посмотрела на серую стену перед собой. Посмотрела спокойно, по-хозяйски. Подошла поближе.

Через час стена тут будет иметь совсем другой вид. Какой? Это уже зависит от нее — Тани Бобровой.

Через месяц или два в эту квартиру вселятся люди. Может быть, знакомые, а может быть, и незнакомые. И будут жить в ней долгие годы. Вот как Таня представляет первые мгновения новоселий. Перед дверью в новую квартиру всегда возникает маленькая заминка. Хозяин никак не может попасть новеньким ключом в замочную скважину. Но вот ключ, поворачиваясь, щелкает, и дверь отворяется. Хозяева не сразу переступают порог. Они смотрят в комнату из-за двери. И взгляды их, конечно же, в первую очередь упираются в стены. Стены молочно светятся. Они и сами по себе, пока не украшенные ни модным эстампом, ни дорогим ковром, красивы. Это если, конечно, постараться сделать их красивыми.

Выходит, что первоначальное доброе настроение новоселов зависит и от Тани. Радость новосела легко омрачить. Одного единственного потека или небрежного движения мастерком по штукатурке достаточно для этого.

...В этой комнате будут жить люди. И еще... ее дело. Единственное пока, которым Таня владеет и которое любит. Значит, работа ее всякий раз должна быть хорошей. Потому что ее дело — одно из тех, которые очень нужны другим людям.

— Нам Валентина Ивановна так говорит, что мы всегда о тех, кто жить в наших домах будет, должны помнить, — закончила она фразу, и первый веер раствора слетел с ее мастерка на серую стену.

Опыт и авторитет бригадира Печенкиной, каждое слово непререкаемы. Вся ее бригада — ее ученики. Ученики не только потому, что она научила их рабочему мастерству. Она научила их думать о значении своего дела. Как, например, Таню Боброву.

Был вот такой случай.

Валентина Ивановна в то время как раз приболела. Бригадирствовать за себя оставила Таню. В это время и засобиравлась уходить из бригады одна из опытейших мастериц. Заволавались, конечно, все. И особенно Таня. Тут каждый человек на счету, а уходит, считай, самый опытный. А у той причина — далеко от работы живет. «Пока старших детей в школу соберешь, а младших в садик доставишь, уже и на работу опаздываешь. Надоело суетиться».

Тут уж всей бригадой добивались, чтобы она получила квартиру поближе к работе.

И добились. Стоять друг за друга — это первое дело.

Хорошо, когда у бригады замечательный бригадир, способный научить работе и жизни. Но не менее важно и то, что у хорошего бригадира появляются хорошие ученики, способные понять и усвоить его слово и опыт. Такие, как комсорг Таня Боброва.

СЛОВО ИЗ ПЕСНИ О БАЯН-АУЛЕ

...Утомленные многокилометровым однообразием прииртышского простора, мы начали уже подремывать.

Фотокорреспондент Слава, который ехал вместе с нами, смотрел на слегка волнистую степь, начинавшую рыжеть от ветра-суховея, и морщился.

Однообразие оскорбляло в нем художника.

Лошади, по брюхо утонувшие в случайных водоемах, появившихся от недельной давности дождя, были неподвижны, как зной.

...И тогда степь открылась нам другой стороной. Баян-Аул возник неожиданно, как возникает улыбка на суровом лице старика.

Баян-Аул — прекрасная улыбка степей.

В час вдохновения природы возникла удивительная эта земля. Как мастер, утомленный долгой работой, к которой не лежало сердце, природа выплеснула на этом маленьком клочке голубого простора все свое умение.

Вначале она продумала краски.

Даже серый цвет камней здесь благороден,

как цвет старого серебра или деревенского брезентового заплота. Цвет этот спокоен и способен излечить тревогу сердца.

Переднее стекло машины становится вдруг похожим на живой слайд, в котором движутся, возникают и исчезают и горные рваные горизонты немыслимого синего цвета, облака — неподвижные розовые птицы, и зелень трав, потемневшая от вечерних теплых теней.

Баян-Аул — беспечная краса земли.

Стены каменных сопок здесь спрессованы, как стены каменных храмов. Вековая ласка ветров и воды оставила на них свой причудливый след. Камни клубятся, как облака и как облака будят воображение. Камни бредут по земле, как невиданные звери, камни взлетают, как птицы. Камни встают, как неведомые символы. Камни таят поэзию. И прекрасные в своем несовершенстве ветровые сосны, цепко вставшие на камнях, питаются здесь ее соками.

Баян-Аул сложен из диких камней, как поэма из неразгаданных строк.

...И еще раз мы ехали в Баян-Аул с молодой бригадой плотников-бетонщиков Толымбека Сарсембина.

— Наши ездили недавно сюда. Говорят — на Гок-кель похоже. Это правда? Кто-нибудь бывал в Азербайджане? — спрашивает Миша Мардалиев.

Ему очень хочется, чтобы Баян-Аул был похож на Гок-кель. Уже полтора года он не бывал в родных местах. Другие тоже будут искать сходства Баян-Аула с белорусскими, украинскими, грузинскими, родными местами.

...Автобус стремителен. Баян-Аул проявляется на пленке белесого неба постепенно, как фотография. Появляется легкая, неровная по горизонту сплошная голубизна. Горный контур. Он темнеет постепенно. И вот уже в этой голубизне глаз улавливает сложный рельеф и ни с чем не сравнимое строгое очарование горного соснового леса.

Еще несколько мгновений — и пейзаж становится четким и живым, ласковым и доверчивым.

Ласковым его делает солнце, облившее травы и заставившее их мерцать и светиться.

Горы стоят по окружности, будто охраняя подступы к тайне. И скоро вы узнаете, что тайна эта прекрасна. Горы бережно скрывают в своих ладонях озера, полные прохлады и беспокойного живого цвета, соединившего в себе краски земли и неба.

...В неподвижности нет покоя. Стоит спешить по дорогам, чтобы видеть красоту земли и убеждаться в необозримости жизни.

ОБ ОДНОЙ КОРОТКОЙ ДОРОГЕ

Утро. Разорванный будильником «на полуслове» сон. Люди, проснувшись, идут к горизонту. Там медленно, как зерно, созревает солнце. Там, будто вырезанные из картона, плоские и бесцветные на фоне блистательного восхода, подкатывают к остановке автобусы.

Секретарь комсомольской организации
участка «Сибэнергомонтаж» Мухан Арынов

Автобусы эти не простые.

Рабочий утренний автобус откроет хрипло дверь. Его нутро дохнет пронзительной стылостью. И тотчас наполнится смехом, словами, дыханием. И уже только внизу, на ступеньках, будет моститься глухая утренняя стынь.

Автобус тронулся. Все переглянулись. Началась дорога. Привычная и потому едва замечаемая. Дорога в новый день.

Я осторожно касаюсь взглядом лиц. Их можно назвать задумчивыми или спокойными, или торжественными.

Еще их можно назвать уверенными. Люди едут навстречу своему будущему. И будущее это открывается перед ними в виде хорошего, студеного и прозрачного, как родник, осеннего дня. Таких дней, похожих и не похожих один на другой, будет много. Из них сложатся годы. Годы, полные труда, огорчений, нервов, крепких слов, побед. И все это вместе будет жизнь. Жизнь, которая может показаться простой, как движение этого автобуса, и тем не менее полной высокого смысла.

Жизнь, когда в ней есть хотя бы одно дело, которое можно вспомнить, прожито не напрасно. У тех, кто сейчас едет рядом со мной, такое дело есть. Может быть, отсюда эта уверенность на упрямых лицах.

Он очень похож на жизнь — этот автобус. У каждого здесь есть свое место, особые чувства друг к другу, движение вперед.

В жизни у человека бывает много дорог. Разные они бывают. Прекрасные дороги проселков, задыхающиеся от скоростей дороги железные, плавные, расплавленные полуденным солнцем, асфальтированные шоссе. Дли-

ные и короткие дороги, которых так много на земле. Не все они, даже самые долгие и трудные, остаются в памяти. Потому что многие дороги оказываются случайными в нашей судьбе. И силы, которые мы тратим на их преодоление, оказываются потраченными напрасно.

А есть вот такие, недолгие дороги, движение по которым обретает неожиданный и глубокий смысл. Чтобы узнать такую дорогу, от людей требуются решимость, самоотверженность, чистая сила души.

И кажется мне сейчас, что не всегда люди сами выбирают дороги. Иногда дороги сами выбирают людей. Это маленькая дорога рождена дальновидностью государственных людей, мужеством. Можно брать любые определения, и все они годятся здесь. Я уверен, что и к людям, которых везет утренний рабочий автобус по этой открытой ветрам и солнцу рабочей дороге, все эти определения приложимы.

...И все-таки это замечательно, что у человека есть самая прекрасная свобода. Свобода выбирать дорогу и дело по душе. Вся разница между людьми состоит в том, что есть усилия, которые тратятся на преодоление большого пути, на достижение большой цели, и есть усилия, которые тратятся на ничтожные и незаметные цели. Вся разница в этом. Усилия первых мы назовем великими, от этих усилий встают на земле города, электрические станции, мосты, железные дороги. Усилия вторых остаются бесплодными. Люди, поставившие перед собой мелкие цели, уходят бесследно.

Важно выбрать в начале дороги высокую

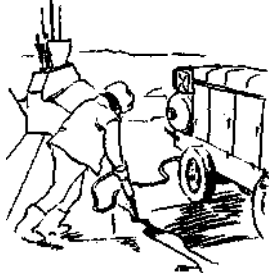
цель. И тогда жизнь и силы твои не будут потрачены зря.

Автобус вздрагивает. Продолжает нетерпеливое и трепетное свое движение.

Лица людей спокойны. Здесь думают о предстоящем дне, который будет заполнен добрым трудом. И мысли от этого спокойные и ясные.

Дело впереди большое и верное...

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ ЗАВТРА

РЕПОРТАЖ С ГЛАВНОЙ УЛИЦЫ

И вот наступил тот день, когда я должен был проехать по улице Ленина в последний раз. В последний раз как житель Экибастуза. Отныне в этом городе я буду бывать как гость. По улице Ленина проходит дорога, которая приводит вас в город и которая из него уходит. Я приехал в Экибастуз, и меня встретила эта улица. Теперь я уезжаю, и она провожает меня.

Чувства, которые я испытываю теперь, непросты.

В этом городе осталась часть моей жизни. Я помню людей этого города. Мне хочется, чтобы и они меня запомнили. Добрая человеческая память достается нам, как самая большая награда.

Меня провожают. Я вижу улыбки. Мне грустно от той мысли, что, может быть, я уезжаю надолго и пропущу очень важное для себя. То, что здесь будет происходить даль-

ше,— уже без меня. Я привык относиться ко всему, что здесь было, как к самому важному. Экибастуз вернул мне остроту восприятия того, что делается вокруг. Любая мелочь кажется мне значительной. В сущности так оно и должно быть. Жизнь выражает себя не только в грандиозном, но и в малом тоже.

Думаю я о том, каким останется во мне этот город. Какая у него главная черта. Чем он отличается от сотен других городов. Думается мне, что не только внешними чертами.

Сегодня я и по стройке прошел в последний раз.

Стройка живет прежним напряжением. Это напряжение распространяется отсюда на целый город. Весь город живет стройкой. Деловое напряжение входит властно в кабинеты городского партийного комитета. Оно прочно поселилось в каждой квартире, за каждой дверью разнообразных и многочисленных учреждений. Город живет целеустремленно. Все, что происходит в деловой жизни города, обязательно отразится на стройке. Мне казалось порой, что город засыпает и просыпается с одной мыслью и желанием: все ли сделано для того, чтобы стройка продолжалась более успешно? Такова рабочая атмосфера Экибастуза. Может быть, именно этим внутренним напряжением большого дела и отличается жизнь этого города от жизни многих других городов, которые я знаю.

И хочется мне искренне, чтобы небольшой этот город, задумавший богатырское дело, осилил его. Я хочу этого с неравнодушием человека, чья биография связана с Экибастузом. Я хочу, чтобы он стал таким, каим представ-

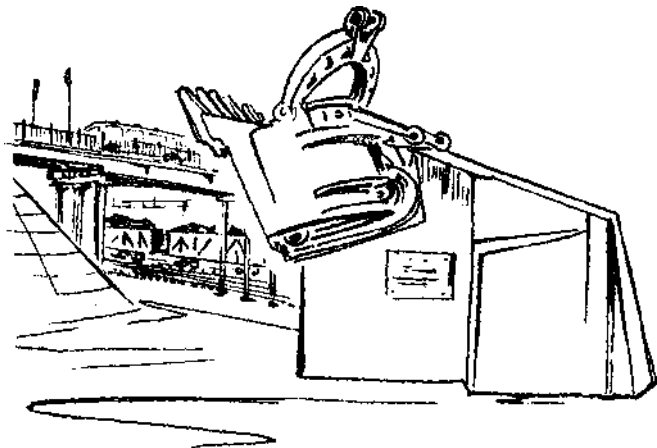
ляется в мечтах его жителей, которые почти наполовину состоят из тех, кто приехали сюда совсем недавно, но уже стали его патриотами.

Вера в будущее этого города согревает их. Ради этого будущего они живут и работают здесь. Работают упорно и радостно. И это вернейшее условие того, что то будущее, о котором мы думаем, уже рядом с нами.

Будущее рядом, а прошлое ушло еще не совсем. Это первый признак молодого города, история которого насчитывает всего лишь десятилетия.

Город прошлого, вернее то, что от него осталось, можно посмотреть. Он расположен в нескольких километрах от нового. Поселок в несколько разрушенных домов — это и есть старый Экибастуз. Но был город еще старше этого. От первоначального Экибастуза и его гнилых землянок теперь и следа не осталось. Остались развалины двух зданий каменной кладки. Но теперь уже никто не знает, что в них было. В сороковых годах, когда начал строиться новый город, из старого было вывезено все, что годилось для строительства. Кирпичи, балки, дерево. Развалины, из которых состоит старый Экибастуз теперь, — это остатки тех саманных домов, которые построены были уже на развалинах поселка первых экибастузских угольщиков.

Мне трудно представить сейчас, что это был за поселок. Только кое-где видны остатки довольно прочных фундаментов, поросшие буйным бурьяном глубокие ямы. Когда-то здесь были производственные помещения стекольного завода. Тяжелые зеленого стекла

Ковш экскаватора стал памятником. Им поднят первый уголь Экибастуза

пепельницы сохранились еще в некоторых экибастузских семьях.

В зыбком жарком мареве проступает старая насыпь, рукотворный памятник далеким дням. Первая в этих местах железная дорога была пущена в самом конце прошлого века. Я нашел несколько строк об этой дороге в одной старой книге, которая является чуть ли не ровесницей самой дороги.

«...От этих экибастузских копей к реке Иртыш обществом проведен железнодорожный путь на расстояние 109 верст. Конечная станция его — пристань Воскресенская в тридцати верстах от Павлодара... Сбыт угля обеспечен потребностями Сибирской железной дороги, которой общество обязалось сдавать ежегодно

по несколько миллионов пудов угля, последний на баржах подвозится к Омску».

О старом поселке там тоже было написано.

«...При отсутствии в крае фабричных инспекторов здесь с рабочими не принято «стесняться». Рабочие-киргизы живут в грязных и вонючих юртах и землянках (за последнее время, впрочем, в некоторых местах выстроены для рабочих казармы). Помещения для служащих более сносны. Кое-где имеются большие помещения и при них фельдшера, к которым киргизы-рабочие обращаются редко, предпочитая свое домашнее лечение... Каких-либо мер, направленных к обеспечению рабочих на случай болезни, старости и т. п., нигде не принимается. Школ в горнозаводских предприятиях нет, нет также врачей...»

...Пугливая сова поднимается из дико поросшей ямы. Похоже, что это единственный здесь обитатель. В тень от полуразвалившихся стен прячут одурманенные зноем головы приبلудившиеся лошади.

А совсем недалеко, как па ладони, раскинулся другой город. Живой и шумный. Сюда доносится глухой, прибойный шум его улиц, автомобильные гудки, взрывы, которыми «трясут» уголь в разрезах, масса других звуков, которыми дает знать о своей разнообразной жизни рабочий город. Голос нового Экибастуза.

Оттолкнувшись от тех прогнозов, которые делают сегодня дальновидные люди, нетрудно представить себе землю будущего сплошным великим городом. И, конечно же, одна главная улица будет в этом городе, которая протянется по земле подобно экватору. Я бы

назвал эту улицу — Кругосветным Проспектом Ленина.

У каждого города есть свои достоинства. Их отыскивают тщательно. Берегут. В Экибастузе вам обязательно напомнят о том, что проспект Ленина здесь — один из самых широких проспектов в стране. Патриоты города произнесут эти слова так, что вы сразу поймете — у проспекта этого есть шанс со временем стать и самым красивым.

В общем-то, желание горожан отнюдь не беспочвенное. Я видел будущий город Экибастуз. Он создан воображением архитекторов павлодарского института «Сеасельпроект». Воображением, которое опирается на трезвый расчет и строгие знания. Он не будет похож на другие города. Главные здания его примут символические очертания и будут напоминать о том, что это теперь не только город горняков, но уже и город энергетиков. В прекрасно оформленном альбоме я видел улицы и уголки города. Четкие, летящие линии рисунков воссоздают его мельчайшие подробности. Они немного отдают фантастикой — эти рисунки, но суть их реальная и деловая. В городе станет много воды и не будет сурового ветра. Очень хорошо, что в этом альбоме изображены даже жители того города. Молодые и целеустремленные. Впрочем, этих качеств и у нынешних граждан Экибастуза не занимать. Средний возраст их — двадцать пять лет. Их рабочее дело гремит на всю страну.

В моем блокноте сохранилась беседа с молодыми архитекторами, создавшими проект застройки центральной части будущего города.

Вот имена моих собеседников: Владимир Марценюков, Аполлон Цой, Виктор Гельвер, Владимир Швайгерт. Работают они архитекторами в институте «Казсевсельпроект». Это, по сути, их первая крупная самостоятельная работа.

Мы сидим в тесно заставленном углу архитектурной мастерской. На мои вопросы они отвечают все вместе. Чтобы упростить дело, я их ответы в записи не разделяю.

— Итак, есть только четыре человека, которые хорошо знают, каким будет будущий город. Эти люди вы. Первый вопрос к вам такой. Чем будет новый город отличаться от всех других городов?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассказать о том, чем отличаются чисто внешние условия тех мест, в которых расположен Экибастуз. А условия тут суровые. Ветры, мороз, отсутствие естественных источников воды, сухость. Человеческое жилье только тогда можно назвать удобным, когда оно освобождает его от неудобств. При разработке нового города мы исходили из этого...

В будущем Экибастузе мы предлагаем возвести несколько своеобразных зданий ленточного типа. Здания обогнут город с наветренной стороны. Весь центр окажется таким образом как бы за длинной изогнутой высокой стеной. Со стороны господствующих ветров город будет защищен парковыми массивами: высокие деревья хорошо защитят его от ветров.

Мы уже говорили, что город беден водой. Мы предлагаем создать в городе каскад водных сооружений, питающихся от канала Ир-

Растет микрорайон энергостроителей

тыш-Караганда. Это создаст внутри города особый влажный микроклимат. Мы хотим, чтобы Экибастуз стал своеобразным оазисом, в котором люди бы не чувствовали тех неудобств, на которые их обрекает внешняя среда...

— Есть такое понятие — образ города. Из чего вы исходили, обдумывая проект застройки Экибастуза?

— Город принадлежит в одинаковой мере двум категориям трудящихся — угольщикам и энергетикам. Они одинаково гордятся своими профессиями. Одинаково любят свой город. Поэтому, решая образ города, мы выбирали символы, знакомые и дорогие каждому, кто хотя бы некоторое время прожил в Экибастузе. По нашему проекту город должен начинаться двумя крупными зданиями административного назначения. В них-то, как раз, и будет заложен образ всего города. Здания эти будут крупные, лаконичные, чем-то напоминающие терриконы или отвалы, расположенные вокруг него. Символ, на наш взгляд, достаточно убедительный. В нем есть напоми-

вание о характере труда, истоках славы города...

Центр города, рассчитанный на проживание в нем ста шестидесяти тысяч жителей, мы постарались сделать как можно более компактным. Исходили мы при этом вот из чего: все те удобства и красоты, которые мы предполагаем создать в городе, будут даваться с большим трудом. Жителям, сосредоточенным на сравнительно небольшом пространстве, удобнее пользоваться теми благами, которыми мы наделим центр.

Учитывали мы и то, что город Экибастуз и сейчас, и в будущем будет, в основном, молодежным городом. Что, на наш взгляд, молодежи особенно нужно? Нужно, чтобы после работы она могла найти занятие по душе, могла отдохнуть. В новом городе запланировали вместительный Дворец молодежи, два плавательных бассейна, выставочный зал, Дворец пионеров, стадион на десять тысяч человек, спортивную школу. Будет много кафе, баров, ресторанов с высоким уровнем обслуживания, будут кинотеатры и широкая сеть дворовых клубов. Спроектирован студенческий городок, в котором все будет свое: и клубы, и спортплощадки, и столовые...

— И как скоро ваши планы будут осуществляться?

— Экибастуз — один из тех городов, которые должны вырасти мгновенно. Развернувшееся здесь грандиозное строительство требует огромного притока населения. Город будущего уже начинает строиться. Требование — быстро построить его — породило еще одну особенность проекта. Мы постарались

сделать его таким, что даже при этапной застройке у жителей города и у гостей не возникало чувство, что город не завершен. Это была дополнительная сложность. Думаем, что нам с ней удалось справиться.

Мы выходим на проспект Ленина веселым апрельским днем. Такие дни — редкий подарок. Ветер влажный и ласковый течет не спеша по проспекту.

Улица — река жизни. Эти слова сказаны сразу обо всех улицах. И о нашем проспекте тоже. Он полон движения, забот, меняющихся красок дня. Озабоченным журавлем деловито озирается кран. Дальше — другой. Этот символ сегодняшних городов стал самым типичным и для Экибастуза.

Мы идем по улице, которой едва минуло двадцать лет. Любопытно предположить, что вот тот паренек, недавно отпустивший усы, мог видеть самое начало города. А до этого здесь была степь — седая, полынная, древняя, вечная.

Если бы вдруг явился чародей и сказал, что может показать мне одно из мгновений далекого или близкого прошлого, что бы я выбрал? Наверное, я бы захотел посмотреть на человека по имени Косум Пшембаев.

И тот далекий день, за четырнадцать лет до начала века, когда этот человек, отправившийся в соленую степь с кремневым ружьишком, вдруг задумчиво остановился у сурочьей норы. Черный зернистый холмик холодно мерцал на солнце. Человек склонился над ним, зачерпнул пригоршню необычной земли. Пересыпал ее с ладони на ладонь... Человек нахмурил брови. Это означало усиленную ра-

боту мысли. О ружьишке и целебном сурочьем жире было забыто.

Этот день сделал Косума Пшембаева знаменитым. Он первым увидел уголь в этих местах. Великий клад нечаянно нашел суровый степняк. Тем самым он положил начало истории Экибастуза. В городах именами славных горожан названы улицы, в честь их установлены мемориальные доски. В Экибастузе люди, которые составляют славу и историю города, живы и полны сил. Одни еще работают, другие ушли на пенсию и ведут большую общественную работу по воспитанию будущих горняков и энергетиков.

Каждый экибастузец знает имена Николая Ивановича Петренко, Семена Алексеевича Губенко, Михаила Федоровича Возного, Николая Николаевича Колотева.

С этими именами связан важный, может быть, самый значительный этап истории города и знаменитого угольного месторождения.

Николай Иванович Петренко — добродушный потомок запорожских казаков, волею судьбы сделался человеком, который первым забил колышки разметки первого угольного разреза. Более тридцати лет прошло с тех пор. Ветеран труда и войны до сих пор работает главным маркшейдером комбината «Экибастузшахтострой».

Первый угольный разрез вступил в строй только в 1954 году. В это время уже в полную степень славы вошли имена Семена Алексеевича Губенко — автора пионерской траншеи, Михаила Федоровича Возного, поднявшего на своем экскаваторе первый ковш породы — «вскрыши», как называют ее горняки, Николая

Николаевича Колотева, загрузившего первый вагон экибастузского энергетического угля.

Развитие поселка горняков и производства с этих пор пошло ускоренными темпами, и уже в 1957 году Экибастуз становится городом. А в 1971 году у города появляются первые почетные граждане — те, которым Экибастуз обязан своим рождением и славой.

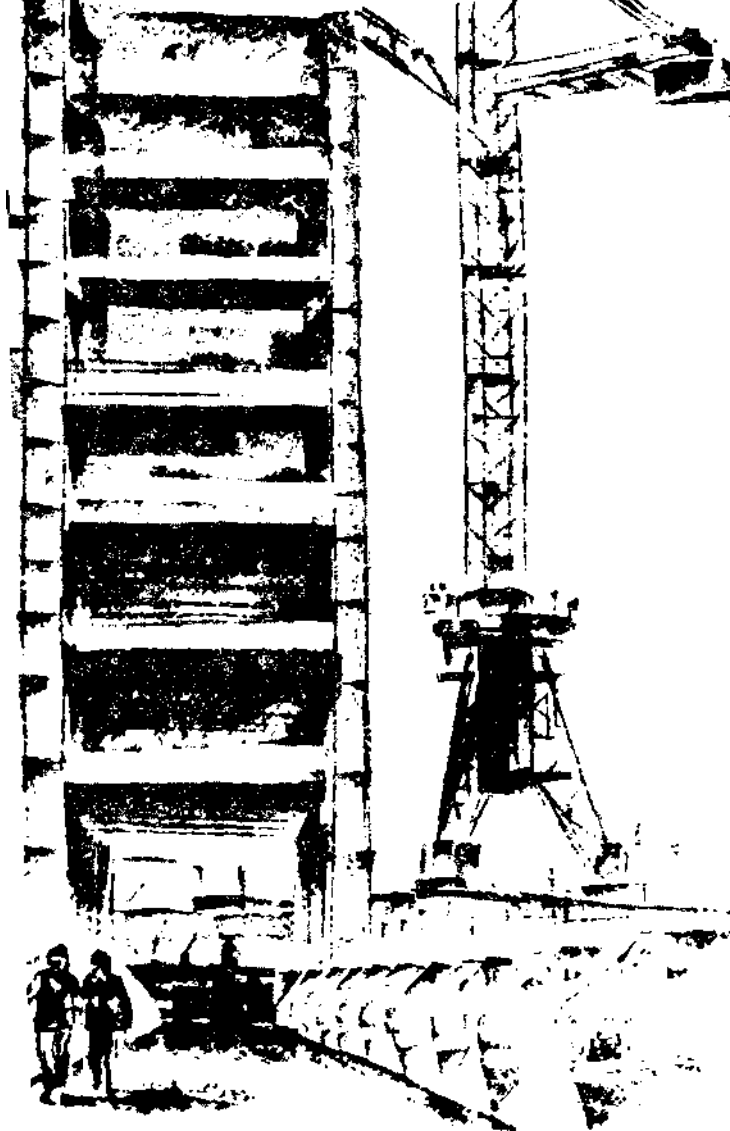
Сегодня здешний уголь обеспечивает работу семнадцати крупнейших тепловых электрических станций, которые дают энергию более чем тремстам городам.

...Дорога вкатывается в Экибастуз стремительно. Прямая, как стрела, она делит город надвое и также стремительно уходит дальше. Экибастуз не самая далекая даль. Дорога знает дали иные. Дорога — это тоже символ. Если дорога не зарастет, значит, люди не могут обойтись без того места, куда она ведет. Дороги Экибастуза сегодня напряжены.

Более четверти века понадобилось для того, чтобы страна могла приступить к осуществлению грандиозного проекта строительства единственного в своем роде, топливно-энергетического комплекса. Колоссальные запасы угля, близкое его залегание к поверхности, возможность при современной технике добывать уголь практически в неограниченных количествах — все это давно завладело умами ученых и проектировщиков. Однако проект, равный по размаху самым крупным стройкам сегодняшнего дня, должен был ждать своей очереди.

Время это настало.

Железная геометрия стройки.

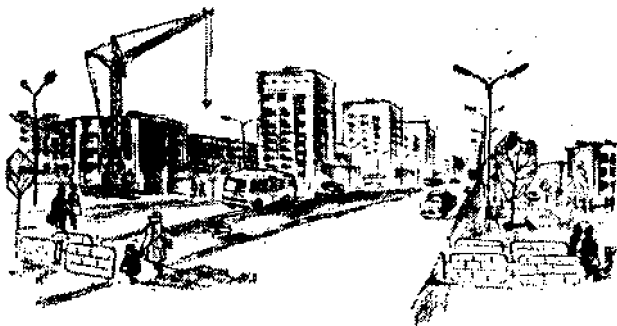

Изыскания, проведенные тщательно и точно, показали, что запасов экибастузского и примыкающего к нему майкюбенского месторождений хватит минимум на сто лет даже при тех темпах разработок, которые будут продиктованы потребностям четырех крупных ГРЭС суммарной мощностью в шестнадцать миллионов киловатт. В общей сложности для них будет добываться 170 миллионов тонн угля в год. Колоссальные средства потратила бы страна, чтобы доставить эти тонны к уже построенным тепловым станциям, которые порой отстоят от Экибастуза на тысячи километров. Самый дешевый в стране уголь, после тысячекилометровых прогулок по железным дорогам, становится не столь уж и даровым.

Такова была главная причина и главное обоснование строительства Экибастузского топливно-энергетического комплекса.

Для того, чтобы эта первоначальная идея воплотилась в жизнь, понадобились многие годы проектной и изыскательной работы. О сложности этой работы можно судить хотя бы потому, что разработку комплекса Новосибирское отделение Всесоюзного проектного института «Теплоэлектропроект» осуществляло с участием таких солидных партнеров, как «Энергосетьпроект», «Ленгипрогор», «Оргэнергострой», «Энергомонтажпроект», «Гидроэнергоремонт».

Экибастуз — это завтрашний день. Поэтому проектировщики, предлагая для стройки свои решения, заглядывали далеко вперед. Многие из того, что найдет свое воплощение здесь, проектные институты страны разрабатывают и предлагают впервые.

Главная улица города — проспект Ленина

Уникальной будет линия передачи постоянного тока напряжением 1500 вольт. История мировой энергетики не знает примеров энергетических линий подобного масштаба.

Прежде всего невообразимой кажется протяженность линии. Гигантский электромост, который свяжет Экибастуз с Центром страны, перешагнет через десятки рек, пересечет необъятные степи Казахстана, Уральские горы, просторы России. Всего на трассе будущей ЛЭП-1500 встанет более пяти тысяч исполинских мачт высотой в тридцать два с половиной метра...

...Утром главный проспект наполняется молодым рабочим народом. Ритм у этого города особый. Стремительность электричек и автобусов, плотность людского трудового потока — это приметы города-труженика. Разнообразен рабочий поток. Русские и казахи, латыши и грузины, белорусы и азербайджанцы, татары и армяне приехали сюда строить свою судьбу и свой город. Тысячи молодых людей уже стали строителями и патриотами молодого

го казахстанского города. Ежедневно Экибастуз принимает новых своих граждан.

...Страна с напряженным вниманием следит за экибастузской стройкой. Не только следит, но всеми мерами помогает строительству. Город, который далеко отстоит от крупных промышленных и культурных центров, сам становится не только центром кипучей созидательной работы, но и центром воплощения грандиозных технических идей и замыслов. Это касается не только строительства каскада мощнейших ГРЭС.

На стройки Экибастуза поступает оригинальнейшее оборудование и машины, которые зачастую помечены заводским номером «один». Это значит, что и оборудование, и эти машины вступают в работу впервые. Экибастуз дает путевку в жизнь не только молодым строителям, но и научно-техническим идеям, воплощенным в сложнейшие механизмы и проекты.

Экибастуз — город будущего. Уже в ближайшие годы население его увеличится до ста пятидесяти тысяч человек. Строящиеся микрорайоны, макеты застройки центра, созданные в архитектурных мастерских — все это зримые черты будущего./

...А будущее это будет прекрасным.

И его уже нетрудно представить.

Судьба города и целого края определена в красноречивых цифрах проектов, которые заглядывают на полтора десятка лет вперед. Через пятнадцать лет будет закончено строительство последней ГРЭС. Экибастуз в это время станет прекрасным городом энергетиков и горняков с двухсоттысячным населени-

ем. Десятую часть всей электроэнергии, которая вырабатывается сегодня в стране, будет давать Экибастуз. Энергия Экибастуза будет варить сталь, печь хлеб, зальет ярким светом вечерние улицы далеких и близких городов. Она сделает нашу жизнь удобнее и полнее.

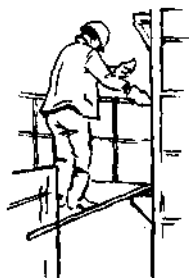
Начало этому уже положено. Каждый день добавляет к картине великого строительства в Экибастузе новые штрихи. Именно сегодня решаются судьбы огромного края.

Ежедневный трудовой подвиг тысяч молодых и опытных строителей, прибывших возводить энергетический гигант, уже теперь ставят в один ряд с самыми важными делами нашего времени.

Здесь возникнут водохранилища и новые поселки городского типа, будут проложены стремительные асфальтовые и железные дороги, встанут гигантские корпуса электрических станций, отсюда зашагают линии электропередач...

Все это будет. Будет, потому что неукротима созидательная воля человека. Потому что стройка уже теперь опирается на энтузиазм и рабочий задор молодости. Ей нужны тысячи рук... Она ждет вас.

1977—1980 гг.

Вместо предисловия	3
ГЛАВНЫЙ ДЕНЬ	4
МОЯ БРИГАДА	23
Монтажники	23
Соревнование	57
Есть первый договор!	62
На подъеме	65
ПРОСТО БУДНИ	71
Стройка в цифрах и событиях	71
Экибастуз принимает гостей	79
<i>День, похожий на все</i>	83
Повторение рабочей дороги	94
Баллада о миллионе	97
Эксперимент продолжается	112
ТАК НАЧИНАЛИСЬ...	117
Опалубка	121
Бетон	125
Красный день	130
Портал	133
ЛИЦА МОИХ ДРУЗЕЙ	138
Про Костю, который живет просто	140
Алло! Я — Экибастуз!	142

Телеграмма	144
Первая свадьба во втором обще- житии	147
Удовольствие от игры в футбол	151
Письма для Ромаса	153
Любовь к мастерку	156
Не простое слово — работа	159
Три товарища	162
Первая высота	167
Все в порядке	170
О бригадире Печенковой	172
Слово из песни о Баян-Ауле	182
Об одной короткой дороге	184
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	189
Репортаж с главной улицы	189

Евгений Николаевич ГУСЛЯРОВ

ЭНЕРГОГРАД

Книга-репортаж

о первых шагах знаменитой стройки

Редактор Б. Марышев

Рецензент С. Скинцкая

Худ. редактор Б. Аканов

Художник А. Латынин

Техн. редактор О. Пегова

Корректор Т. Горпиненко

ИБ № 1205

Сдано в набор 4.02.80. Подписано в печать 11.08.80.
УГ13618. Формат 70×90^{1/2}. Бумага тип. № 1. Гар-
нитура журнально-рублиная. Печать высокая. П.
л. 6,5. Усл. п. л. 7,6. Уч.-изд. л. 7,3. Тираж
10 000 экз. Заказ 979. Цена 30 коп. Издательство
«Жалын» Государственного комитета Казахской
ССР по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143. По-
лиграфкомбинат производственного объединения
полиграфических предприятий «Кітап» Государ-
ственного комитета Казахской ССР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли, 190001,
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.